

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER SIX

NOVEMBER – DECEMBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2021

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 6

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., доц. **Л.В. Коровин**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛотова Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж – Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirčevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSérénchimediiin Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlík), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею филологического факультета

<i>Михайлова Т.А., Богданова Н.А.</i> Кельтская филология в Московском университете	9
<i>Кедрова Г.Е.</i> Филологические интернет-олимпиады для школьников как эффективная форма профориентационной работы	22
<i>Бархударова Е.Л.</i> Кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова	32

К 90-летию Г.А. Хабургаева

<i>Толстая С.М.</i> «Лом копейный» и «скрежетание мечное»: синтагматическая деривация в древнерусском языке и в языке фольклора . .	41
<i>Галинская Е.А.</i> Количественные числительные в деловой письменности первой половины XVII в.	55
<i>Шевелёва М.Н.</i> О конкурирующих конструкциях в истории формирования сложного будущего в русском языке	69

К 100-летию Э. Косериу

<i>Косарик М.А., Жолудева Л.И.</i> Неизвестный известный ученый. К 100-летию со дня рождения Э. Косериу	82
---	----

Статьи

<i>Пентковская Т.В.</i> Арабские буквы в русских переводах Корана первой четверти XVII в.	94
<i>Орлова А.В.</i> Слова «клатва» и «рота» в значении 'обещание, заверение' в языке древнерусских памятников XI–XVI вв.	106
<i>Дурягин П.В., Джеромел М.</i> Восприятие сочетаний с палатальным согласным итальянцами, изучающими русский как иностранный: роль категорий родного языка	115
<i>Николюкин А.Н.</i> Романтические утопии В.Ф. Одоевского и современность	128
<i>Потапова А.М.</i> Поэтика речей к отплытию в эпосе Аполлония Родосского «Аргонавтика»	143
<i>Довлеткиреева Л.М.</i> Восток и Запад в поэзии Раисы Ахматовой	151
<i>Ранчин А.М.</i> Стихотворение А.А. Фета «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...»: опыт анализа	161
<i>Косинская А.С.</i> Образы добра и зла в повести К.С. Льюиса “The Great Divorce”	172
<i>Шаповалов А.В.</i> Эволюция форм авторского присутствия в южно-русском летописании XI–XIII вв.	182

Материалы и сообщения

<i>Соколинский Е.К.</i> Журналы Александровской эпохи в зеркале национальной библиографии	195
---	-----

Рецензии

- Миронова Н.И.* Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире / Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. М.: РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед., 2021 205
- Воропаев В.А.* Голубева Е. И. Н.В. Гоголь и Библия: К истокам загадочных смыслов в произведениях писателя. М.: Паломник, 2019 208
- Монисова И.В.* Зеленое кольцо. Избранная драматургия Серебряного века. Пекин, 2020 212

Научная жизнь

- Беликов А.Е., Москвин Г.В.* День науки на филологическом факультете-2021 217
- Дулина А.В.* Всероссийская научная конференция «Тексты и контексты: “Доктор Фаустус” Т. Манна» (МГУ, 23–24 июня 2021) 222

Памяти...

- Кульпина В.Г., Кобозева И.М.* Ян Вавжинчик 228
- Указатель статей и материалов*, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» в 2021 г. 235

CONTENTS

Celebrating the Anniversary of Moscow University Philology Faculty

<i>Mikhailova T., Bogdanova A.</i> Celtic Studies at Lomonosov Moscow State University	9
<i>Kedrova G.</i> Internet Olympiads in Philology for Schoolchildren as an Effective Form of Vocational Guidance	22
<i>Barkhudarova E.</i> The Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University	32

Celebrating 90th Anniversary of Professor Georgy Khaburgaev

<i>Tolstaya S.</i> <i>Lom Kopeinyi</i> ‘spear breaking’ and <i>Skrezhetanie Mechnoe</i> ‘sword screeching’: Syntagmatic Derivation in the Old Russian Language and in the Language of Folklore	41
<i>Galinskaya E.</i> Cardinal Numerals in the Business Style Documents of the First Half of the 17th Century	55
<i>Sheveleva M.</i> On the Competing Constructions in the History of Analytical Future Formation in Russian	69

Celebrating 100th Anniversary of Professor Eugen Coşeriu

<i>Kosarik M., Zholudeva L.</i> The Renowned Unknown E. Coseriu: Celebrating the 100th Anniversary of the Researcher	82
--	----

Articles

<i>Pentkovskaya T.</i> Arabic Letters in Russian Translations of the Quran of the First Quarter of the 17th Century	94
<i>Orlova A.</i> Lexemes “КЛАТВА” and “ПОТА” (‘promise, assurance’) in the Language of Old Russian Manuscripts (11–16th Centuries)	106
<i>Duryagin P., Geromel M.</i> Perception of Clusters with a Palatal Consonant by Italian Learners of Russian: The Role of Native Language Categories	115
<i>Nikolyukin A.</i> Vladimir Odoevsky’s Romantic Utopia and Our Time	128
<i>Potapova A.</i> Poetics of Speeches before Departure in the Argonautica by Apollonius Rhodius	143
<i>Dovletkireeva L.</i> East and West in Raisa Akhmatova’s Poetry	151
<i>Ranchin A.</i> A Case Study into Afanasy Fet’s Poem ‘Mirror Moon Is Floating in Azure Desert...’	161
<i>Kosinskaya A.</i> Literary Images of Good and Evil in C.S. Lewis’s ‘The Great Divorce’	172
<i>Shapovalov A.</i> Evolution of Authorial Presence in 11th–13th Century South Old Rus Chronicles	182

Communications

<i>Sokolinsky E.</i> Journals of the Alexander Era in the Mirror of the National Bibliography	195
---	-----

Reviews

- Mironova N.* Language in the Global Context: Language Contacts and Language Conflicts in the Modern World. Potapov V.V., Kazak E.A. (eds.). Inion ran, 2021. 205
- Voropaev V. Golubeva E. I.* N.V. Gogol and the Bible: To the Origins of Mysterious Meanings in the Writer's Works. Moscow: Pilgrim, 2019 . . . 208
- Monisova I.* Green Ring. Selected Drama of the Silver Age. Sichuan: Sichuan, 2021 212

Scientific Life

- Belikov A., Moskvina G.* Philology Faculty Science Day 2021 217
- Dulina A.* The Conference 'Texts and Contexts' Thomas Mann's *Doctor Faustus* (Lomonosov Moscow State University, June 23–24, 2021) . . . 222

In Memoriam

- Kulpina V., Kobozeva I.* Jan Wawrzyńczyk 228

К ЮБИЛЕЮ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Т.А. Михайлова, А.А. Богданова

КЕЛЬТСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Тюменский государственный университет
Россия, Тюмень, ул. Володарского, 6*

В статье описано развитие кельтологии в Московском университете за последние 40 лет и дается краткий очерк ее развития на филологическом факультете. Движущим рычагом развития данной области в России может быть названа проф. В.Н. Ярцева, которая еще под руководством легендарного А.А. Смирнова, сформировалась не только как филолог-лингвист, но и как организатор науки. Ярцева как личность во многом послужила моделью для Т.А. Михайловой, организатора и руководителя кельтологии в Московском университете. Как показано в кратком очерке развития кельтологии в МГУ, со всеми его взлетами и падениями, кельтология никогда не была просто объектом преподавания, это скорее часть гуманитарных исследований в самом широком смысле слова и более того — образ жизни.

Ключевые слова: кельтология; Московский государственный университет; Институт языкознания; ирландский язык; студенческая активность; конференции; преподавание.

Интерес к кельтологии возник на филологическом факультете МГУ неожиданно, спонтанно и в начале ограничивался наивными студенческими «исследованиями» Т.А. Михайловой, которая выбрала для себя в качестве основного поля работы средневековую литературу островных кельтов: ирландскую и валлийскую. Ее официальным руководителем был доцент кафедры истории за-

Михайлова Татьяна Андреевна — доктор филологических наук, профессор кафедры германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник сектора кельто-анатолийских исследований Института языкознания РАН (e-mail: tamih.msu@mail.ru).

Богданова Анастасия Алексеевна — аспирант факультета социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. ORCID ID: 0000-0003-2826-9143 (e-mail: bognastia1996@gmail.com).

рубежной литературы К.В. Цуринов (1923–1982), который если и не мог осуществлять непосредственное руководство, будучи специалистом по романским литературам, то по крайней мере давал ей возможность работать самостоятельно, задавая при этом ряд ценных теоретических и практических установок (самым важным, наверное, была глубоко заложенная им установка на серьезную работу с критической литературой). Дипломная работа Т.А. Михайловой, посвященная валлийскому эпосу, была защищена ею в 1979 г., и она была оставлена в аспирантуре при кафедре Истории зарубежной литературы. Темой ее кандидатской диссертации стали ирландские саги уладского цикла. В начале ее работа представляла собой совершенно одинокое исследование и, как казалось, опереться было совершенно не на кого.

Что было уже сделано в этой области к тому времени в нашей стране и кто занимался кельтологией и где?

Конечно, «родоначальником» отечественной кельтологии мы должны назвать А.А. Смирнова. В своих лекциях А.А. Смирнов, описывая состояние кельтологии рубежа XIX–XX вв., так высказался о состоянии этой науки в России: «*В России — ничего. Балабанова. Теперь отчасти Шахматов*»¹.

Александр Александрович Смирнов (1883–1962) нередко получал лестную (и справедливую) характеристику родоначальника отечественной кельтологии², однако нельзя утверждать, что он был единственным, кто в то время обращался к кельтской тематике, и сам А.А. Смирнов это прекрасно понимал.

В период конца XIX — начала XX в. кельты мелькали на страницах трудов А.Н. Веселовского, А.А. Шахматова, С.К. Булича, И.А. Бодуэна де Куртенэ, преподававших в Санкт-Петербургском Императорском (в 1914–1917 гг. Петроградском) университете и Императорской академии наук. Кельтский материал (в основном ирландский, бретонский и валлийский) использовался петербургской профессурой в различных научных направлениях.

А.Н. Веселовский (1838–1906) обратился к кельтам в рамках целого спектра актуальных историко-филологических задач: вопроса о так называемых кельтских корнях бретонского, или артуровского, цикла и рыцарского романа, анализа структуры первобытных об-

¹ Около фамилии «Шахматов» карандашом нанесена отметка о смерти (крестик) — поздняя, видимо, авторская пометка. Возможно, текст лекций был написан в 1912–1915 гг., когда А.А. Смирнов начал читать курс «Введение в кельтологию» в Петербургском университете в качестве приват-доцента (с 1913 г.). Однако лекционный материал был собран им еще раньше, во время зарубежных поездок (1905–1913 гг.).

² См. [Каганович, 2018; Bondarenko, 2010; Bondarenko, Mikhailova, Tsvetoukhina, 2013].

ществ, практик и верований, проблемы соотношения прозаической и поэтической форм в ирландском эпосе. Все чаще он обращался к кельтской тематике в поздних монументальных трудах: «Трех главах по исторической поэтике» и «Поэтике сюжетов». Так, одну из обширных схем А.Н. Веселовский строит относительно эволюции «от певца к поэту», объясняя изменения поэтических форм и содержания динамикой социального статуса певцов, их функционалом и отношением к творческому процессу. Согласно данным критериям им было выделено несколько категорий певцов: дружинных, бродячих и культовых. Кельтские друиды, по его мнению, сочетали все перечисленные категории в силу широты выполняемых ими функций от жрецов до хранителей старины и советников древнеирландской политической элиты.

А.А. Смирнов был одним из последних учеников и слушателей А.Н. Веселовского, и позднее отмечал, что кельтология входила в орбиту интересов старого профессора постепенно и соприкасался он с ней довольно поверхностно и фрагментарно. Кельтские сюжеты играли роль лишь иллюстративного материала в грандиозном теоретическом построении исторической поэтики, призванной вскрыть глубинные парадигмы эволюции и трансформации мотивов и сюжетов, существовавших далеко за пределами индоевропейского базиса. Сам ученый опирался на переводы средневековых ирландских историй и к оригинальным текстам специально не обращался, за исключением нескольких древнеирландских терминов.

Алексей Александрович Шахматов (1864–1920) — один из немногих ученых, кто посвятил специальное исследование кельтской тематике. Вполне закономерно, что как слависта А.А. Шахматова интересовал вопрос о так называемой славянской прародине: в попытках идентифицировать взаимоотношения славянских племен с соседними общностями (прежде всего финского и прибалтийского происхождения) А.А. Шахматов пришел к выводу, что ранние славяно-кельтские контакты были возможны и требуют более детального изучения³.

Но больше всего для развития кельтологии в России сделал А.А. Смирнов: помимо специальных работ по ирландскому материалу, с его именем связан запуск первого университетского курса «Введение в кельтологию» на базе Петербургского университета, первое издание переводов «Ирландские саги», активное включение кельтского материала в университетскую программу по истории всемирной литературы.

³ Нам известны только две статьи А.А. Шахматова, непосредственно связанные с кельтологией [Schachmatov, 1912; Шахматов, 1911].

Молодой А.А. Смирнов работал над темой бретонских *Lais* Марии Французской и на почве интереса к так называемым кельтским корням старофранцузской литературы обратился к кельтологии. В ходе заграничных стажировок (1905–1913) ему удалось ознакомиться с источниками и литературой, получить практику по древнеирландскому, валлийскому и бретонскому языкам. Он проходил обучение в парижских центрах, слушал курсы А. Д'Арбуа де Жюбенвиля, Ж. Бедье, А. Гедоза; в 1912 г. посетил Irish School of Learning, которую называл «Академией кельтологии». Сразу после защиты магистерской диссертации по бретонским *Lais* в 1911 г. А.А. Смирнов начал преподавательскую деятельность в Императорском Санкт-Петербургском университете, затем — в Ленинградском университете, где проработал большую часть своей жизни.

Итогом многолетней работы Смирнова стали «Ирландские саги» (1929) — сборник переводов ирландских *scela* на русский язык с полным научно-критическим инструментарием. После этого А.А. Смирнов почти не обращался к кельтским исследованиям как таковым, однако дошедшие до нас черновики лекций свидетельствуют о том, что он всегда считал нужным обязательно говорить об ирландском эпосе, если речь заходила о раннесредневековой литературе. Кельтский материал включен в структуру учебных пособий «История западноевропейской литературы» (1947) и «История французской литературы» (1946). Наконец, в 1954 г. А.А. Смирнов принимал участие в подготовке перевода монографии Х. Педерсена и Г. Льюиса.

К сожалению, обширное кельтологическое и филологическое наследие А.А. Смирнова доступно только в архивах (РГАЛИ, ЦГАЛИ СПб., РО ИРЛИ РАН). Однако оптимизм внушает возрастающее за последние 30 лет внимание к нему как со стороны кельтологов и ирландистов, так и со стороны ученых иных областей.

Итак, Петербургский (затем — Ленинградский) университет стал первой базой для реализации интеллектуального научного потенциала в отношении кельтологии.

Неофициальной ученицей А.А. Смирнова стала В.Н. Ярцева (1906–1999), которая, окончив в 1933 г. Ленинградский педагогический университет им. А.И. Герцена, поступила на работу в Ленинградский государственный университет. Основной областью ее научных интересов всегда были германские языки, однако интерес к кельтологии она сохранила, сама написала ряд статей, базирующихся на древнеирландском материале [Ярцева, 1941], и не оставляла идеи о возможности системного развития кельтских исследований в нашей стране. В 1954 г. по ее инициативе был осуществлен перевод клас-

сического труда Г. Льюиса и Х. Педерсена «Краткая сравнительная грамматика кельтских языков»⁴ [Льюис и Педерсен, 1954]. Однако в первую очередь она связывала эти планы лишь с академической наукой, в первую очередь — в Институте языкознания. Так, по ее инициативе германист по образованию, выпускник МГУ А.А. Королев (1944–1999), посвятил диссертационное исследование истории форм множественного числа существительных в ирландском языке (защищена в 1973 г.). В дальнейшем им была написана замечательная книга об огамических надписях — загадочном алфавите Древней Ирландии [Королев, 1984] и множество статей, посвященных древним кельтским языкам. Тот же путь и вновь под руководством В.Н. Ярцевой проделал В.П. Калыгин (1950–2004), окончивший в 1973 г. Ленинградский университет по специальности «общее языкознание». Переехав в Москву и поступив в аспирантуру к В.Н. Ярцевой, он обратился к проблеме языка древнейшей ирландской поэзии, защитил диссертацию (1979) и в 1986 г. опубликовал ее расширенный вариант в виде монографии [Калыгин, 1986]. Аналогичным образом переквалифицировался в кельтолога и А.И. Фалилеев (р. 1965), выпускник ЛГУ по специальности «история английского языка», в ходе обучения в Московском Институте языкознания написавший диссертацию о функциях глагольного имени в валлийском языке (1990). В 1989 г. В.П. Калыгиным совместно с А.А. Королевым была опубликована монография «Введение в кельтскую филологию» [Калыгин, Королев, 1989], которая теоретически могла бы стать основой нового направления в системе университетского образования. Но до этого тогда было еще далеко. Примерно в эти же годы к их неофициальной группе примкнул С.В. Шкунаев (1950–2008), историк, сотрудник ИВИ РАН, самостоятельно выбравший для себя кельтологию как основную область научных интересов и решившийся предпринять перевод древнеирландской эпопеи «Похищение быка из Куальнге» для серии «Литературные памятники». Консультантом же его в области лингвистических проблем перевода стал А.А. Королев.

Случайное знакомство Т.А. Михайловой с С.В. Шкунаевым, произошедшее в 1981 г., стало, как сейчас можно сказать глядя в прошлое, событием историческим. Все началось с совместной работы над переводом ирландского эпоса (издание вышло в 1985 г.), затем — знакомство с Калыгиным и Королевым и начало общих

⁴ На титуле переводчиком назван А.А. Смирнов, однако на самом деле это не так. Книгу перевела Н.Я. Рыкова (1901–1996), которая в юные годы тоже занималась у Смирнова древнеирландским. В 1944 г. она была арестована и вышла из лагеря в 1950 г. Когда шла работа над книгой, ее имя еще не могло официально появиться на обложке. После реабилитации в 1955 г. Н.Я. Рыкова стала известным переводчиком, в основном литературы романского Средневековья и Возрождения.

исследований, долгих встреч, рассказов, обсуждений, ну и, конечно, занятий.

Примерно тогда же идея включения кельтских дисциплин в качестве одной из областей германистики (как контактного языкового ареала) пришла в голову зав. кафедрой германского языкознания Н.С. Чемоданову (1903—1986), и в 1983 г. он пригласил Т.А. Михайлову на должность младшего научного сотрудника.

В начале в круг ее кафедральных обязанностей входило только преподавание современного ирландского языка, разумеется, как факультатива. Выучить этот редкий язык тоже помог случай: в 1978—1983 гг. при кафедре общего языкознания проходил обучение, вначале как студент, а затем — как аспирант Г. Баннистер, выпускник Тринити-колледжа, Дублин. По своей инициативе он организовал на филологическом факультете кружок любителей ирландского языка. С Т.А. Михайловой он занимался дополнительно, они даже составили ирландско-русский словарь, который, увы, так света и не увидел. Написанная ими также совместно книга «Ирландский язык: учебные диалоги» была опубликована в издательстве МАКС-ПРЕСС только... в 2012 г. [Михайлова, Баннистер, 2012]. Вернувшись в Дублин в начале 1984 г., Г. Баннистер обратился в родной Тринити-колледж с предложением заключить между университетами договор о сотрудничестве и обмене студентами. Договор был подписан в 1991 г. и сыграл необычайно важную роль в развитии ирландистики в МГУ как на филологическом факультете, так и на других — историческом и философском, поскольку к этому времени интерес к кельтологии в нашем университете далеко выплеснулся за пределы освоения современного ирландского. Через несколько лет декан филологического факультета М.Л. Ремнёва лично посетила Тринити-колледж и по ее инициативе в текст договора были внесены важные коррективы, касающиеся в основном отбора студентов. Теперь нельзя было просто так «съездить в Ирландию», стажировка должна была быть обоснованной и мотивированной. Работает этот договор и сейчас, и перечислить, сколько будущих кельтологов смогли посещать ценные курсы по языку, истории и культуре Ирландии, просто невозможно. В иностранном отделе в Ректорате должно быть все учтено.

Осенью 1992 г. произошло еще одно событие, которое тоже можно назвать историческим: на занятия к Т.А. Михайловой неожиданно пришли студенты-историки Н. Чехонадская (сейчас — Живлова) и Г. Бондаренко и обратились с просьбой преподавать древнеирландский язык. Так, ее аспирантские «штудии», посвященные древнеирландскому эпосу, вдруг оказались востребованными на уровне официальном. Важно отметить, что выпускница кафедры истории

зарубежной литературы к тому времени почти 10 лет общалась с замечательными лингвистами кафедры германского языкознания, посещала их курсы, слушала доклады и постепенно получила лингвистическое образование.

И вот тут и началось. Оказалось, что кельтские древности гораздо более востребованы, чем современный ирландский язык. За двумя студентами-историками потянулись другие — с философского факультета, исторического, из РГГУ, из Педагогического института и многие, кого просто почему-то привлекала эта область. Но, конечно, основу семинаров составляли студенты филологического факультета. Группы собирались по вечерам, слушали курсы Т.А. Михайловой, читали древнеирландские тексты, делали доклады и уже пытались преподавать следующим поколениям. Студенты устраивали вечера в Пушкинской гостиной, пели ирландские песни и танцевали лихой риверданс. Помогать приходили из Института языкознания А.Р. Мурадова (бретонский язык) и Е.А. Парина (валлийский язык). Приходили просто так, совершенно безвозмездно, просто хотели тоже принять участие в этом научном празднике. Именно праздником все тогда и было. Научные интересы сплачивали людей, они не просто обменивались литературой, которую тогда было очень трудно доставать, не просто делились где-то полученными знаниями, они — дружили и даже иногда заключали браки (всего на почве общего интереса к кельтологии мы отпраздновали шесть свадеб).

В мае 1996 г. была проведена первая студенческая конференция по кельтологии, даже — с публикацией тезисов. Правда — не настоящей публикацией, кустарной: макет сделал студент-философ А. Нечаев, а размножали его на ксероксе (подаренном кафедре датским посольством) студентки нашего факультета Е. Кобринская и Н. Николаева.

Конечно, все это не прошло незамеченным на факультете, и декан М.Л. Ремнёва предложила Т.А. Михайловой выступить на заседании Ученого совета и рассказать о своей работе. В результате было принято решение об официальном введении на факультете дополнительной «ирландской специализации», а кафедра была переименована в кафедру германской и кельтской филологии.

Конечно, не все, приходившие тогда на кельтские семинары, остались потом в науке. Но многие — остались. Среди многих имен, отчасти сейчас полузабытых, хотелось бы назвать пять имен, пять разных судеб.

Юрий Андрейчук. Официально — студент славянского отделения, он рано почувствовал интерес к Ирландии, ходил на занятия, а потом сам основал школу ирландского языка, составил программу курсов, наладил регулярные контакты с летними школами в Ирландии, а потом начал издавать серию переводов ирландской художествен-

ной литературы при издательстве «Додопресс». Серия называется «Скрытое золото XX века», и так оно и есть. Всего вышло уже более десяти книг.

Григорий Бондаренко, историк. Пройдя курсы обучения в Ирландии и во Франции, а потом много лет проработав в Северной Ирландии в Королевском университете Белфаста, вернулся в Россию и занимается сейчас издательской деятельностью («Языки славянской культуры»). Это, пожалуй, редкость. Те, кто уезжает, а таких очень много, обычно уже не возвращаются. Сейчас Г.В. Бондаренко — автор нескольких монографий о культуре, истории и мифологии кельтов, и его книга «Мифы и общество Древней Ирландии» [Бондаренко, 2014] переиздается сейчас почти каждый год и даже переведена на английский. Тем, кто заинтересуется древними кельтами, советуем начинать именно с нее.

Нина Чехонадская. Теперь — Живлова (она вышла замуж за М. Живлова, тоже ученика Т.А. Михайловой, написавшего диплом о галльских топонимах, но потом переквалифицировавшегося в уралолиста), преподает древнеирландский, валлийский и историю Ирландии на историческом факультете МГУ. Преподает все лучше, знает — все больше и число ее учеников неуклонно растет. Недавно она выпустила замечательное исследование, посвященное истории христианизации Ирландии и распространения монастырской культуры и учености [Живлова, 2019].

Наталья Николаева, выпускник кафедры германской и кельтской филологии. В 2004 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию «Тематизация презентных основ в протогерманском и протокельтском», начала преподавать современный ирландский язык и сравнительную грамматику кельтских языков, но в 2005 г. вышла замуж за культурного атташе посольства Ирландии Джеймса О'Шей, поехала за ним в Дублин, где получила грант на изучение кельтского претерита, а затем была вынуждена отправиться с мужем-дипломатом в Женеву. Человек поразительной яркости, талантливый лингвист, не боящийся к тому же никаких трудностей, она быстро завоевала известность на международном уровне. Ее приглашали выступать на конференциях, она читала лекции в Дублине, широко публиковалась и на ее работы активно ссылались, но... не удел жены дипломата и матери двоих детей заставил ее уйти из науки. Более серьезным соперником оказалось пение. Сейчас Наталья О'Шей более известна в нашей стране как Хелависа, руководитель и вокалист известной группы «Мельница».

Максим Фомин, выпускник философского факультета. Окончив аспирантуру в МГУ, он поступил учиться к Дж. Кэри, известному ирландисту из Корка. Потом, защитив еще одну диссертацию,

устроился на работу в Университет Ольстера (в группу по цифровой обработке древнеирландского словаря), а когда проект был завершен, получил там место преподавателя. Сейчас он уже несколько лет заведует кафедрой ирландского языка. Уехавших и нашедших себя за границей — много. Но М. Фомин — исключение. Попав в Ольстер, он счел своим долгом постоянно налаживать связи между МГУ и другими университетами, приглашал наших студентов на стипендии, устраивал круглые столы и конференции, а в 2004 г. по его инициативе было создано научное общество «Кельто-славика», сопредседателями которого стали профессор Университета Белфаста Ш. МакМахуна и профессор МГУ Т.А. Михайлова. Первый коллоквиум состоялся в июне 2005 г. в Ольстере⁵, а уже через год участников из разных стран принимал Московский университет (материалы коллоквиума были изданы — см. [Mikhailova, 2009]). За 15 лет существования общества было проведено 10 встреч — в Уэльсе, в Ольстере, в Чехии, в Германии, в Польше, в Бретани. Материалы неизменно издаются, в основном благодаря усилиям М. Фомина, и с 2017 г. *Studia Celto-Slavica* получили статус журнала.

«Нулевые» годы были отмечены не меньшей активностью, но она приобрела несколько иную окраску: все стало уже не кустарно, а официально. Нам помогало посольство Ирландии, к нам приезжали с лекциями преподаватели из разных стран Европы, гостем филологического факультета даже стал нобелевский лауреат поэт Шемас Хини, которого сопровождала доцент кафедры истории зарубежной литературы И.Ю. Попова. В 2009 г. была проведена вторая конференция молодых кельтологов, и ее материалы на этот раз были красиво изданы в издательстве «Гезаурус».

В том, что касается собственно развития кельтологии в МГУ как части системного образования, то число преподаваемых дисциплин росло, и огромную роль в этом сыграла деятельность выпускника кафедры В.В. Байда, защитившего диссертацию о перфектных конструкциях в ирландском и исландском языках и затем оставленного на кафедре в должности преподавателя. Вначале выпускник нидерландской группы читал курсы по германистике, но со временем все больше желающих начали учиться у него языку ирландскому. Основной его специальностью стали современный ирландский язык и диалектология, а Т.А. Михайлова смогла концентрироваться на дисциплинах исторических. И вот в сентябре 2009 г. М.Л. Ремнёвой пришла в голову вполне естественная мысль: открыть ирландскую специализацию в качестве первого и основного иностранного языка. Казалось бы, обучение не случайных любителей, а серьезных,

⁵ Материалы коллоквиума были изданы, и том открывала большая статья Ш. МакМахуны о развитии и истории кельтологии в России [Mac Mathúna, 2006].

«мотивированных» студентов должно было принести еще более обильные урожаи. В течение года В.В. Байда и Т.А. Михайлова (отчасти — И.Ю. Попова, занимающаяся англоязычной литературой Ирландии) работали над составлением программы, в которую, кроме собственно языков и традиционного «Введения», были включены курсы по страноведению Ирландии, теории перевода с ирландского языка на русский, диалектологии, истории языка, ирландского фольклора и много других. Следуя «германской» модели обучения, Т.А. Михайлова вместо готского языка предложила преподавать язык галльский, для чего ей пришлось выпустить специальное пособие [Михайлова, 2016].

Первый набор студентов-ирландистов был произведен в 2010 г., однако вместо «мотивированных» студентов мы встретились скорее со студентами случайными, которые сами не знали, на какой бы редкий язык им пойти. Но — за одним исключением: Оксана Дереза, отучившаяся к тому времени два года в Петербургском университете на скандинавском отделении, узнала об ирландской возможности и перешла к нам на первый курс. Окончив факультет в 2015 г., она поступила в магистратуру в ВШЭ на компьютерную лингвистику, по окончании которой была даже оставлена работать. Однако, получив приглашение принять участие в проекте по системному описанию языка в Университете Голуэя, в 2019 г. уехала в Ирландию.

Группа 2015 г. была гораздо более интересной, студенты были способными, всем интересовались, написали очень неплохие дипломы и многие рассчитывали остаться в магистратуре по кельтской филологии при кафедре. План работы магистрантов В.В. Байда и Т.А. Михайлова постепенно и неторопливо составляли, как вдруг в январе 2019 г. В. Байда получил необычайно лестное предложение: постоянное место работы в министерстве «Гэлтахта» (зона распространения ирландского языка) и вскоре уехал в графство Кэрри. То, что человек из России едет возрождать живой ирландский язык в сердце ирландско-говорящей зоны, было фактом беспрецедентным. Об этом писали газеты на трех языках и все восхищались смелостью его поступка. Никто и не вспомнил, о том, что столь долгие годы возводимому на нашей кафедре зданию системного преподавания ирландистики, был нанесен серьезный удар. Магистратура, естественно, не состоялась. Кто-то поступил на кафедру дискурса, кто-то — в ВШЭ, кто-то уехал в Германию.

И что же сейчас? Отчасти курсы ирландского языка как второго (увы, лишь второго) взяла на себя выпускница кафедры М.Ю. Снесарева, Т.А. Михайлова преподает древнеирландский как факультатив двум—трем студентам и им же читает спецкурсы (выпускница 2021 г. А. Сомова уже уехала поступать в магистратуру в Тринити Колледж,

Дублин), теоретические курсы, посвященные смене языка и структуре нарратива для магистрантов-германистов, немного читает в группах второго языка образцы литературы на ирландском языке.

Правда, в декабре 2019 г. и в мае 2021 г. мы провели выездные школы по кельтологии в Красновидове (в работе каждой приняло участие 12 человек), но в основном там были ученики Н.Ю. Живловой. Следует отметить расширяющиеся научные контакты с университетами «из регионов» (Тюмень, Екатеринбург) и, конечно, с Академией наук, где в Институте языкознания еще в 2008 г. был создан «Кельто-анатолийский» сектор, которым заведует А.В. Сидельцев, ученик А.А. Королева, но — по хеттской линии. Что же ждет кельтологию в МГУ — сейчас сказать трудно.

Список литературы

1. *Бондаренко Г.В.* Мифы и общество Древней Ирландии. М., 2014.
2. *Живлова Н.Ю.* Мир святого Колумбы. Раннесредневековая Ирландия и Британия глазами монахов с острова Иона. М., 2019.
3. Ирландские саги / Пер., прим. и вст. статья А.А. Смирнова. Л., 1929.
4. *Казанович Б.С.* Александр Александрович Смирнов. 1883–1962. СПб., 2018. 240 с.
5. *Калыгин В.П.* Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1986.
6. *Калыгин В.П., Королев А.А.* Введение в кельтскую филологию. М., 1989.
7. *Королев А.А.* Древнейшие памятники ирландского языка. М., 1984.
8. *Льюис Г. и Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков / Пер. с англ. проф. А.А. Смирнова; ред., предисл. и прим. проф. В.Н. Ярцевой. М., 1954.
9. *Михайлова Т.А.* Галльский язык. Учебные материалы. М., 2016.
10. *Михайлова Т.А., Баннистер Г.* Is leatsa í... Современный ирландский язык: учебные диалоги с комментарием. М., 2012.
11. *Шахматов А.А.* К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях // Известия ИАН. 1911. № 9, 10. С. 707–724, 791–812.
12. *Ярцева В.Н.* Синтаксис инфинитива в древнеирландском языке // Ученые записки ЛГУ. Л., 1941. С. 228–245.
13. *Bondarenko G.* Alexander Smirnov and the beginnings of Celtic studies in Russia // *Studia Celto-Slavica*. 2010. Vol. 5. P. 139–148.
14. *Bondarenko G., Mikhailova T., Tsvetoukhina M.* The Ulster Cycle in Russia // *Emania*. 2013. Vol. 21. P. 5–13.
15. *Mac Mathúna S.* The history of Celtic Scholarship in Russia and the Soviet Union // *Studia Celto-Slavica* 1. Ed. S. Mac Mathuna & M. Fomin. Coleraine, 2006. P. 3–41.
16. *Mikhailova T. and S. Mac Mathúna (eds.)*. Proceedings of the Second International Colloquium of Societas Celto-Slavica (Moscow 14–17 September 2006). М., 2009.
17. *Schachmatov A.* Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen // *Archiv für slavische Philologie*. 1912. Bd. 33. S. 51–99.

Tatyana Mikhailova, Anastasia Bogdanova

**CELTIC STUDIES AT LOMONOSOV
MOSCOW STATE UNIVERSITY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*University of Tyumen
6 Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russia*

The paper deals with the history of Celtic studies at Lomonosov Moscow State University during the past 40 years and briefly outlines how the discipline evolved at the Faculty of Philology. Professor Viktoriya Yartseva has been a leading researcher in the field and, along with the renowned Professor A. Smirnov, an outstanding contributor to Celtic studies in Russia. Professor Yartseva has always served as a role model for Professor Tatyana Mikhailova, the organizer and leader of Celtic studies at Lomonosov Moscow State University. The short essay on how Celtic studies evolved at Moscow University with all ups and downs, Celtology is not and has never been a mere object for teaching, it has been an integral part of humanities and a way of life.

Key words: Celtic studies; Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics; Irish language; student activities; conferences; teaching.

About the authors: *Tatyana Mikhailova* — Prof. Dr., Department of Germanic and Celtic studies, Lomonosov Moscow State University; Leading Research Fellow of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (e-mail: tamih.msu@mail.ru); *Anastasiia Bogdanova* — PhD Student, Tyumen University. ORCID ID: 0000-0003-2826-9143 (e-mail: bognastia1996@gmail.com).

References

1. Bondarenko G. Alexander Smirnov and the beginnings of Celtic studies in Russia. *Studia Celto-Slavica*. 2010. Vol. 5, pp. 139–148.
2. Bondarenko G., Mikhailova T., Tsvetoukhina M. The Ulster Cycle in Russia. *Emania*. 2013. Vol. 21, pp. 5–13.
3. Bondarenko G. *Mythy i obtshestvo Drevnej Irlandii* [Studies in Irish Mythology — English version. Berlin 2014], Moscow, JSK, 2014. (In Russ.)
4. *Irlandskie sagi* [Irish sagas] / Ed. and tr. by A.A. Smirnov. L.: Academia, 1929. (In Russ.)
5. Kaganovich B.S. *Aleksandr Aleksandrovich Smirnov 1883–1962*. St. Petersburg: Evropejskij Dom, 2018. (In Russ.)
6. Kalygin V.P. *Yzyk drevnejšej irlandskoj poezii* [Language of the Earliest Irish Poetry]. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ.)
7. Kalygin V.P., Korolev A.A. *Vvedenie v keltskuju filologiju* [Introduction to Celtic Philology], Moscow: Nauka, 1989. (In Russ.)

8. Korolev A.A. *Drevnejšie pamiatniki irlandskogo jazika* [The Earliest Monuments of the Irish Language]. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ.)
9. Lewis H. and Pedersen H. *Kratkaja sravnitel'naja grammatika celtskih jazыkov* [A Concise comparative Celtic Grammar]. Transl. prof. A.A. Smirnov, ed. with introduction and comm. prof. V.N. Jarceva. Moscow: Isd. Inostrannoј Literatury, 1954. (In Russ.)
10. Mac Mathúna S. The history of Celtic Scholarship in Russia and the Soviet Union // *Studia Celto-Slavica* 1, ed. S. Mac Mathuna & M. Fomin, Coleraine: University of Ulster, 2006, pp. 3–41.
11. Mikhailova T. and S. Mac Mathúna (eds.). *Proceedings of the Second International Colloquium of Societas Celto-Slavica (Moscow 14–17 September 2006)*. Moscow, Max-Press, 2009.
12. Mikhailova T., Bannister G. *Is leatsa í... Sovremennij irlandskij jazыk: uchebnie dialogi s kommentariem* [It is yours... Modern Irish Language: a workbook of dialogs with a commentary], Moscow: Max Press, 2012. (In Russ. and Irish).
13. Mikhailova T.A. *Gallskij jazыk. Rabotshie materialy* [Gaulish language. A workbook]. Moscow: Max Press, 2016. (In Russ.)
14. Schachmatov A.A. K voprosu o finsko-kel'tskih i finsko-slavyanskikh otnosheniyah. [Finno-Celtic and Finno-Slavic Relationships] *Proceedings of the Imperial Academy of Sciences*. 1911. № 9, 10, pp. 707–724, 791–812.
15. Schachmatov A. Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen. *Archiv für slavische Philologie*. 1912. Bd. 33. S. 51–99.
16. Yartseva V.N. Sintaxis infinitiva v drevneirlandskoj jazыke [Syntax of Verbal Noun in Old Irish], *Uchenije zapiski LGU*, 1941, pp. 228–245. (In Russ.)
17. Zivlov N.Y. *Saint's Columba World: Early Ireland and Britain depicted by monks from Iona*. Moscow: JSK, 2019.

Г.Е. Кедрова

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-ОЛИМПИАДЫ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА ПРОФИОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье проанализирован многолетний опыт филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в реализации пилотного проекта по проведению дистанционных интернет-олимпиад для школьников по разным филологическим дисциплинам (русской и классической филологии, византийской, новогреческой и славянской филологии). Проект по проведению дистанционных интернет-олимпиад для школьников рассматривается как важный компонент профориентационной работы вуза. Обсуждаются ключевые отличия творческих конкурсов, реализуемых в дистанционной форме, от традиционных предметных олимпиад; рассмотрены основные преимущества и недостатки дистанционного формата творческого соревнования. Представлена разработанная на филологическом факультете МГУ стратегия применения информационно-коммуникационных технологий для поддержки всех этапов реализации олимпиадного проекта. Рассмотрены особенности формирования банка конкурсных заданий для открытых творческих соревнований, реализуемых исключительно в дистанционной форме в Интернете. Продемонстрирована специализированная информационная система, построенная по принципу динамической базы данных, которая обеспечивает оперативную публикацию на сайте дистанционной филологической олимпиады актуальной информации и поддержку обратной связи. В результате проведения филологических интернет-олимпиад для школьников удалось значительно укрепить связи вузовской науки и профессорско-преподавательского корпуса с учительским сообществом, поспособствовать повышению квалификации школьных учителей, активно вовлекаемых в процесс подготовки школьников — участников творческих конкурсов, а также привлечь преподавателей филологического факультета, молодых ученых, аспирантов и студентов к формированию банка творческих заданий инновационного типа, основанного на принципах формирования так называемых ‘open book’ вопросов, активно внедряемых

Кедрова Галина Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, директор ЦНИТ ГО филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kedr@philol.msu.ru).

сегодня в дистанционные образовательные процессы для контроля уровня знаний на всех уровнях.

Ключевые слова: предметные дистанционные олимпиады; Интернет; филология; ИКТ; база данных, профориентация школьников.

После введения в 2009 г. Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в качестве обязательного условия для поступления в российские вузы очень быстро стало понятно, что одной из основных проблем набора студентов является поиск талантливой, нестандартно мыслящей мотивированной молодежи. Эта проблема подвигла вузы к поиску и развитию альтернативных ЕГЭ форм выявления одаренности и привлечению талантливой молодежи к поступлению на факультеты и специальности, соответствующие специфике научной одаренности абитуриентов [Рукшин, 2010]. В качестве таких альтернативных форм в течение многих лет в российском образовании традиционно выступают предметные научные олимпиады и разного рода творческие конкурсы [Тарасенко, 2017]. Общеизвестно, что предметные олимпиады и творческие конкурсы способствуют повышению интереса к научной составляющей изучаемого предмета; стимулируют желание продолжать образование и самообразование, позволяют оценить способности обучающихся к системному мышлению, анализу и проектированию своей деятельности, расширяют круг компетенций в изучаемой области, формируют навыки самостоятельной работы и развивают творческое мышление, умение порождать новые идеи, нестандартные гипотезы, обосновывать и отстаивать свою точку зрения, развивают способности к поиску, критическому анализу, систематизации и обобщению научной информации, к выбору оптимальных путей и методов достижения поставленных задач, повышают ответственность обучающихся за выполняемую работу, активизируют способность самостоятельно и эффективно решать проблемы в избранной научной области. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова имеет большой опыт в подготовке и проведении таких интеллектуальных соревнований для студентов и школьников. Он является базовым подразделением по проведению заочного и очного этапов Олимпиады «Покори Воробьёвы горы!», Олимпиады «Ломоносов», Всероссийской олимпиады «Шаг в будущее», Московской традиционной олимпиады по лингвистике, Московской олимпиады по латинскому языку и античной культуре для школьников. Однако среди всех творческих конкурсов, которые ежегодно проводит филологический факультет, дистанционная интернет-олимпиада по филологии для школьников занимает особое место. Она стала первым творческим конкурсом, который проходит полностью в Интернете и участвовать в нем могут все, у кого есть хотя бы временный доступ во Всемирную паутину.

Дистанционные интернет-олимпиады филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по разным направлениям филологического знания были организованы по инициативе декана филологического факультета профессора Марины Леонтьевны Ремнёвой в 2010 г. и с тех пор проводятся ежегодно. В видеообращении к участникам первой дистанционной интернет-олимпиады М.Л. Ремнёва четко обозначила основную идею олимпиадного движения, как его понимают университетские филологи: «...поиск ответов на вопросы олимпиады — это не проверка знаний, полученных в школе, это, скорее, “гимнастика” ума, которая требует умения самостоятельно искать и находить нужную информацию (в том числе и в Интернете), готовность аргументировать свою точку зрения, обосновать и отстаивать свое мнение» [Кедрова, 2013: 158–159].

Дистанционный формат творческого конкурса в Интернете предъявляет особые требования к организационной инфраструктуре мероприятия, равно как и к особенностям составления и содержания творческих заданий, уровню жюри и к самому процессу оценивания полученных оргкомитетом ответов участников. Выдающийся педагог, разработчик системы выявления и раннего профессионального обучения одаренных школьников петербургский математик С.Е. Рукшин отмечает следующие основные достоинства дистанционных соревнований и интернет-олимпиад в сравнении с обычными, традиционными конкурсами:

- возможность использования Интернета для оперативного анонсирования сроков олимпиады и широкого распространения информации об ее условиях, алгоритме участия и результатах; — возможность массового охвата учащихся вне зависимости от места проживания при условии наличия доступа к сети Интернет;

- возможность создания психологического комфорта для всех участников, находящихся в привычной для себя школьной (или домашней) обстановке;

- априорно равные шансы на успех неограниченного количества участников, которые одновременно решают одни и те же задачи;

- возможность привлечения к составлению заданий профессионалов высокого класса;

- анонимность и автоматическая шифровка личных данных участников, что затрудняет применение коррупционных методов распределения мест и выявления победителей и призеров соревнований [Рукшин, 2010].

Вместе с тем в литературе неоднократно отмечались и определенные недостатки дистанционного проведения олимпиад и конкурсов в Интернете — прежде всего это сложности идентификации личности участников конкурсных состязаний, формальный

характер предлагаемых заданий в конкурсах, ориентированных на автоматизированную проверку, отсутствие контактов участников мероприятий между собой на фоне существенного преобладания контактов с организаторами [Пиюкова, 2018]. Таким образом, мы считаем, что эффективность дистанционной интернет-олимпиады во многом определяется тем, как ее организаторы умеют использовать достоинства этого формата творческого конкурса и нивелировать последствия воздействия перечисленных выше недостатков. И в этой области филологическому факультету МГУ за годы успешного проведения предметных дистанционных интернет-олимпиад для школьников удалось накопить значительный позитивный опыт.

Участниками всех интернет-олимпиад филологического факультета были учащиеся 5–11 классов общеобразовательных учреждений, а также начальных курсов СПО, при этом конкурсные задания для каждой предметной олимпиады разрабатывались в соответствии с возрастной категорией: 5–7 классы — младшая группа, 8–11 классы — старшая группа. Участие во всех интернет-олимпиадах филологического факультета МГУ бесплатное, регистрация участников по специальной форме доступна на сайте олимпиады без каких-либо предварительных условий. Для выполнения конкурсных заданий устанавливается временное ограничение (чаще всего 30 дней), на загрузку ответов на сами задания время не ограничивается. Оценку ответов по каждому из заданий осуществляет жюри, сформированное из состава профильных кафедр филологического факультета МГУ, на основе протокола заседания жюри формируется список победителей и призеров в каждой из возрастных категорий. По завершении конкурса и подведении его итогов участникам интернет-олимпиады высылается сканированная копия сертификата участника на указанный при регистрации адрес электронной почты (по запросу), победители и призеры олимпиады награждаются специальными дипломами, участники, не вошедшие в число победителей или призеров по набранным баллам, но приславшие выдающиеся ответы по отдельным вопросам, награждаются почетными грамотами, всем отмеченным дипломами и грамотами участникам вручаются памятные призы, научные и научно-популярные книги по филологической тематике. Победители в каждой возрастной категории дистанционной интернет-олимпиады по византийской и новогреческой филологии несколько раз награждались бесплатной поездкой в Грецию, победители в каждой возрастной категории дистанционной интернет-олимпиады по славянской филологии, посвященной болгарскому языку, литературе и культуре, награждались бесплатной поездкой в Болгарию. По представлению участников — победителей и призеров олимпиады — оргкомитет готовил и отправлял благодарственные

письма учителям, помогавшим в поиске и подготовке призовых ответов.

В прошедшие годы предметом проводимых филологическим факультетом МГУ интернет-олимпиад для школьников становились разные области филологического знания: русский язык и литература (к 2020 г. прошли четыре интернет-олимпиады), классическая филология (проведено два конкурса), славянская филология (в 2021 г. успешно прошла седьмая интернет-олимпиада по славянской филологии), византийская и новогреческая филология (в 2020–2021 гг. успешно прошла девятая интернет-олимпиада по византийской и новогреческой филологии). Уже первая интернет-олимпиада по филологии (основным предметом на которой были русский язык и русская литература, дополнительным — классическая и славянская филология), которая проходила в 2010 г., вызвала большой интерес у школьников, педагогов, родителей школьников из самых разных регионов как России, так и ближнего и дальнего зарубежья — Белоруссии и Украины, Казахстана и Армении, Азербайджана и Узбекистана, Литвы и Эстонии. Успешная реализация этого пилотного проекта филологического факультета способствовала значительному росту числа школьников, принявших участие во второй интернет-олимпиаде, посвященной славянским языкам, литературам и культурам (в 2010 г. было зарегистрировано 724 участника, в 2011 г. — 1289 участников; в последние годы в разных предметных интернет-олимпиадах филологического факультета ежегодно участвуют более 500 школьников).

Залогом успешного проведения дистанционной олимпиады является наличие специально разработанного в соответствии с технологическим регламентом проводимого мероприятия интернет-сайта. Отмечается, что такой специализированный сайт «в большей степени, чем электронная почта, позволяет обеспечить представленность конкурса и олимпиады в сети Интернет, сделать доступными для других участников конкурсные работы, представить эти работы в более ярком формате, реализовать их оценивание всеми участниками мероприятия, получить обратную связь» [Пиюкова, Сергеев, 2017: 69]. В основе работы сайта дистанционного творческого конкурса находится специализированная информационная система, обеспечивающая решение всех задач планирования, организации и проведения мероприятия, вынесения оценок по конкурсным работам участников, а также разбор конкурсных заданий и подведение итогов, публикацию правильных ответов и лучших проектных работ участников. Для проведения предметных дистанционных интернет-олимпиад на филологическом факультете МГУ была создана специализированная информационная система (авторы: Г.Е. Кедрова,

А.М. Егоров), для чего в среде MySQL разработано специальное программное обеспечение — пополняемая в полуавтоматическом режиме база данных, содержимое которой позволяет динамически генерировать HTML-страницы, оперативно публикуемые на сайте филологического факультета МГУ в соответствии с регламентом каждого конкретного конкурса.

Таким образом, на сайте предметных интернет-олимпиад филологического факультета (URL: <https://www.philol.msu.ru/~olymp/>) представлены все этапы проведения очередного творческого конкурса: публикуется анонс и условия участия в конкретной предметной интернет-олимпиаде, приведена ссылка на страницу регистрации участников, дается ссылка для входа в индивидуальный личный кабинет участника (он формируется для каждого участника после прохождения регистрации), в личном кабинете участника в соответствии с установленными сроками появляются конкурсные вопросы и задания (в том числе в мультимедийной форме), по завершении мероприятия на сайте интернет-олимпиады подводятся итоги и публикуются результаты.

Как уже отмечалось, главная цель дистанционных интернет-олимпиад филологического факультета МГУ — дать возможность каждому школьнику, который интересуется филологией и лингвистикой, попробовать свои силы в решении самых настоящих, аутентичных филологических задач. Для максимального развития предметных способностей конкурсанта предлагаются творческие задачи разного уровня сложности, требующего активного применения всего запаса имеющихся знаний, умения расширить его, углубить и уточнить; решение аутентичных филологических задач, таким образом, позволяет школьнику ощутить себя как бы на одном уровне со взрослыми исследователями-филологами и тем самым придать мощный импульс творческому интересу к филологической специальности уже на этапе школьного образования. Участники филологических интернет-олимпиад должны были продемонстрировать не только хорошее знание теоретических вопросов, но также практические навыки работы с информационно-поисковыми системами, цифровыми репозиториями и другими ресурсами современной цифровой гуманитаристики.

В соответствии с общепринятой классификацией предметных олимпиад по содержательному компоненту предлагаемых заданий выделяется три основных типа конкурсов: тестовые, обучающие и эвристические [Вашенко, 2011]. Дистанционные интернет-олимпиады филологического факультета МГУ относятся к двум последним типам, так как они построены на выполнении обучающих заданий и получении собственного проектного результата. Обучающие за-

дания в наших олимпиадах направлены на формирование умений самостоятельного поиска знаний, в том числе через Интернет, они развивают навыки работы в цифровом информационном пространстве, умение критически осмыслить, оценить найденную информацию и встроить ее в систему имеющихся знаний, умение делать выводы и аргументированно их отстаивать. Задания эвристического типа требуют от конкурсанта умения творчески обобщить имеющийся материал, сформулировать гипотезу, объясняющую найденные факты, исследовать имеющиеся данные и подтвердить или опровергнуть выдвинутую гипотезу. Такие задания направлены на проведение участником олимпиады собственного научного микроисследования и получение нового результата. Главными критериями оценки предъявленного конкурсантом результата выполнения эвристического задания являются оригинальность предложенного ответа, его отличие от остальных ответов и известных сведений, нестандартность использованных способов решения, степень творческой самореализации участника [Пиюкова, 2018]. Так, участники самой первой дистанционной интернет-олимпиады филологического факультета МГУ для нахождения правильного ответа на ее задания должны были продемонстрировать хорошее знание произведений русской классической и русской литературы XX в., умение анализировать факты современного русского языка и понимание наиболее значимых явлений его истории. Для ответа на вопрос из области античной культуры требовалось еще и знание основ античной литературы и культуры. Вопрос по структурной лингвистике, который был составлен на материале готского языка, заставил всех, кто попытался на него ответить, задуматься над разнообразием языковых явлений, встречающихся в разных языках мира. Вопросы второго тура, посвященного славянским языкам, литературам и культурам, позволяли воспользоваться знаниями, полученными в школе, однако без умения находить разнообразную информацию, связанную со славянскими языками и литературами, с историей и культурой славянских народов, и, конечно, без умения анализировать и сопоставлять информацию, правильно ответить на них было практически невозможно [Кедрова, 2013]. Этот принцип опережающего уровня сложности, который использовался при составлении конкурсных заданий для всех последующих наших предметных олимпиад, стал одной из главных отличительных особенностей всех дистанционных интернет-олимпиад филологического факультета МГУ. В качестве примера можно привести одно из заданий (автор — профессор кафедры славянской филологии К.В. Лифанов) VII Интернет-олимпиады по славянской филоло-

гии, в котором надо было проанализировать 20 переводов молитвы «Отче наш» на разные языки (старославянский, церковнославянский, русский, белорусский, украинский, болгарский, сербский, польский, словацкий, чешский, македонский, словенский, хорватский, литовский, верхнелужицкий, нижнелужицкий, кашубский, банатско-болгарский, полабский, прусский) и определить, какие из этих переводов сделаны на славянские языки, а какие на языки других языковых групп; постараться определить эти языки и аргументировать свое мнение. Победитель в этой категории определялся по числу правильно идентифицированных языков, а также по степени убедительности приведенной аргументации. Отраднo, что среди участников VII Интернет-олимпиады по славянской филологии нашлись школьники, которые сумели правильно определить языковую принадлежность всех приведенных переводов и обосновать свое решение.

За прошедшее десятилетие инициативный проект филологического факультета МГУ по проведению полностью в дистанционном режиме предметных интернет-олимпиад для школьников не только доказал свою эффективность как одно из основных средств профессиональной ориентации школьников (что всегда являлось главной целью традиционных предметных олимпиад и творческих конкурсов) и привлечения наиболее заинтересованных и увлеченных научным поиском абитуриентов к поступлению на факультет, но также позволил сформировать и усовершенствовать собственную инновационную технологическую базу для проведения открытых творческих конкурсов в Интернете. В процессе проведения наших школьных интернет-олимпиад удалось значительно укрепить связи вузовской науки и профессорско-преподавательского корпуса с учительским сообществом, поспособствовать повышению квалификации школьных учителей, активно вовлекаемых в процесс подготовки школьников — участников творческих конкурсов, а также привлечь преподавателей филологического факультета, молодых ученых, аспирантов и студентов к формированию банка творческих заданий инновационного типа, основанного на принципах формирования так называемых ‘open book’ вопросов, активно внедряемых сегодня в дистанционные образовательные процессы для контроля уровня знаний [Eilertsen, Valdermo, 2000].

Список литературы

1. *Ващенко Л.В.* Образовательные конкурсы и олимпиады // Педагогическое обозрение. 2011 (112). № 4. С. 2—4. URL: http://gcro.nios.ru/system/files/2015/09/184/po_112.pdf (дата обращения: 24.07.2021).

2. *Кедрова Г.Е.* Интернет–олимпиады по филологии для всех — новый уникальный опыт филологического факультета МГУ в школьном олимпиадном движении // *Stephanos*. 2013. № 2. С. 157–165.
3. *Пиюкова Н.А.* Организационные и педагогические требования к проведению конкурсов и олимпиад для обучающихся в сети интернет // *Международный студенческий научный вестник*. 2018. № 1. С. 84–90.
4. *Пиюкова Н.А., Сергеев А.Н.* Разработка системы поддержки открытых конкурсов и олимпиад на сайте образовательной организации // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2017. № 7 (120). С. 68–73.
5. *Ружишн С.Е.* Сравнительные достоинства и недостатки дистанционных и традиционных олимпиад и их влияние на архитектуру автоматизированных систем поддержки дистанционных научных соревнований // *Образовательные технологии и общество*. 2010. Т. 13. № 3. С. 347–359.
6. *Тарасенко Ю.А.* Роль предметной олимпиады в формировании профессиональных компетенций // *Образование и воспитание*. 2017. № 1 (11). С. 50–54. URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/52/1789/> (дата обращения: 24.07.2021).
7. *Eilertsen T.V., Valdermo O.* Open-Book Assessment: A Contribution to Improved Learning? // *Studies in Educational Evaluation*. 2000. Т. 26. № 2. С. 91–103.

Galina Kedrova

**INTERNET OLYMPIADS IN PHILOLOGY
FOR SCHOOLCHILDREN AS AN EFFECTIVE FORM
OF VOCATIONAL GUIDANCE**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article analyzes the long-term experiences by Moscow University Philology School of implementing online Internet olympiads for schoolchildren in Russian, Classical, Byzantine, Modern Greek and Slavic philology. This project is considered as a salient component of the university’s work for vocational guidance of the talented youth. The paper discusses key differences between online creative competitions and traditional off-line olympiads and the main advantages and disadvantages of the distant format of creative contests. Special emphasis is laid upon the original strategy pursued by the Philology School in using information and communication technologies to support all phases of implementing Internet olympiads, as well as the methods helping build databases of competitive tasks for creative contests, realized exclusively on the Internet. More specifically, the focus is on the original specialized information system based on the dynamic database principle, ensuring prompt publication of the relevant information on

an olympiad's website and constant feedback support. Implementation of Internet olympiads in Philology for schoolchildren brings together university science and school teaching community, advances qualification of the schoolteachers involved in training the participants, and attracts undergraduate and graduate students at the Faculty School to build new banks of creative and innovative tasks based on the 'open book' assessments' techniques actively implemented nowadays in distance education.

Key words: distant olympiads; Internet-based contests; philology disciplines; ICT; computer database; vocational guidance of schoolchildren.

About the author: *Galina Kedrova* — Ass. Prof. Dr., Department of the Russian Language, Director of the Centre for New Technologies in the Humanities, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kedr@philol.msu.ru).

References

1. Vashhenko L.V. Obrazovatel'nye konkursy i olimpiady. In: *Pedagogicheskoe obozrenie*. 2011 (112). N 4, pp. 2–4. [Available at: URL: http://gcro.nios.ru/system/files/2015/09/184/po_112.pdf. Accessed 24.07.2021].
2. Kedrova G.E. Internet-olimpiady po filologii dlja vseh—novyj unikal'nyj opyt filologicheskogo fakul'teta MGU v shkol'nom olimpiadnom dvizhenii. In: *Stephanos*. 2013. N 2, pp. 157–165.
3. Pijukova N.A. Organizacionnye i pedagogicheskie trebovanija k provedeniju konkursov i olimpiad dlja obuchajushhihsja v seti internet. In: *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik*. 2018. N 1, pp. 84–90.
4. Pijukova N.A., Sergeev A.N. Razrabotka sistemy podderzhki otkrytyh konkursov i olimpiad na sajte obrazovatel'noj organizacii. In: *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. N 7 (120), pp. 68–73.
5. Rukshin S.E. Sravnitel'nye dostoinstva i nedostatki distancionnyh i tradicionnyh olimpiad i ih vlijanie na arhitekturu avtomatizirovannyh sistem podderzhki distancionnyh nauchnyh sorevnovanij. In: *Obrazovatel'nye tehnologii i obshhestvo*. 2010. Vol. 13. N 3, pp. 347–359.
6. Tarasenko Ju.A. Rol' predmetnoj olimpiady v formirovanii professional'nyh kompetencij. In: *Obrazovanie i vospitanie*. 2017. N 1 (11), pp. 50–54 [Available at: URL: <https://moluch.ru/th/4/archive/52/1789/>. Accessed 24.07.2021].
7. Eilertsen T.V., Valdermo O. Open-Book Assessment: A Contribution to Improved Learning? *Studies in Educational Evaluation*. 2000. Vol. 26. N 2, pp. 91–103.

Е.Л. Бархударова

**КАФЕДРА ДИДАКТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ
И ТЕОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ
ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

На филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова функционирует старейший центр преподавания русского языка как иностранного. В 2021 г. он отмечает свой 70-летний юбилей. За время существования центра был накоплен богатый опыт профессиональной подготовки преподавателей русского языка в иноязычной аудитории. Созданная в 2009 г. кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного является первым подразделением филологического факультета, которое целенаправленно готовит специалистов в этой области. Образование кафедры стало важной вехой становления и развития специальности «Русский язык как иностранный». В настоящий момент на кафедре функционируют четыре основные учебные программы: программа бакалавриата, две магистерские программы, программа обучения в аспирантуре. Научная деятельность кафедры связана с разработкой проблем функционально-коммуникативного описания и методики преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: лингвистика; лингводидактика; русский язык как иностранный; функционально-коммуникативный подход; методика преподавания языков; учебный процесс; иноязычная аудитория.

Совсем недавно, несколько лет тому назад, один журналист спросил у специалистов в области преподавания русского языка как иностранного, есть ли смысл тратить время на специальную подготовку русского преподавателя, который в совершенстве знает свой родной язык и потому может без особенной подготовки преподавать его иностранцам. Подобно многим другим, этот журналист считал, что методику преподавания языка, если человек является его носителем, можно легко освоить на практике в процессе преподавания.

Бархударова Елена Леоновна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: e.barhударова@mail.ru).

давания. Грустные размышления на эту тему заставляют обратиться к историческому роману А.С. Пушкина «Капитанская дочка», где в самом начале повествуется о том, как преподавал французский язык Петруше Гриневу мосье Бопре, который «в отечестве своем был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию...» (*Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М., 1955. С. 32*). Плачевные результаты преподавания французом своего родного языка хорошо помнят все, кто читал «Капитанскую дочку». Почти 200 лет назад в романе А.С. Пушкина ярче, чем в любом научном трактате, было показано, что преподавание языка предполагает обязательную профессиональную подготовку.

Кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного — на данный момент самая молодая кафедра на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова: формально она функционирует всего 12 лет. Однако подготовка специалистов в области преподавания русского языка как иностранного, которой посвящена целенаправленная деятельность кафедры, началась на филологическом факультете намного раньше.

Преподавание русского языка как иностранного зародилось в Московском университете в конце 1940-х годов. В это время после окончания Великой Отечественной войны в МГУ имени М.В. Ломоносова стали приезжать иностранцы. 4 декабря 1951 г. приказом Министерства высшего и среднего специального образования СССР в трех ведущих университетах страны — Московском, Ленинградском и Киевском — впервые были созданы кафедры русского языка для иностранцев. Чуть позднее в 1953 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова была создана кафедра русского языка для иностранцев естественных факультетов. В Московском университете стали функционировать две кафедры: одна обучала русскому языку иностранцев гуманитарных факультетов, другая — иностранцев естественных факультетов. В 1992 г., почти 40 лет спустя, появилась кафедра русского языка для иностранных учащихся филологического факультета.

Лингвистические основы описания и преподавания русского языка как иностранного были заложены в трудах выдающихся ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, которые стали сотрудниками первой кафедры русского языка для иностранцев: Г.И. Рожковой, И.М. Пулькиной, Э.И. Амиантовой, Г.А. Битехтиной, Е.А. Брызгуновой, М.В. Всеволодовой, Г.И. Дергачевой, В.В. Добровольской, Н.М. Лариохиной, Н.А. Лобановой, О.П. Рассудовой, И.П. Слесаревой, Л.П. Юдиной и др.

С самого начала процесса преподавания русского языка в иноязычной аудитории встал вопрос о подготовке кадров по специальности «Русский язык как иностранный». За период, насчитыва-

вающий более полувека, формы обучения данной специальности неоднократно менялись и отличались большим разнообразием. Это были курсы повышения квалификации, в том числе Летняя школа для преподавателей из зарубежных стран, школа молодого преподавателя, семинары для молодых преподавателей, специализация «Русский язык как иностранный», которую получали студенты разных отделений филологического факультета и которая давала право преподавания русского языка в иноязычной аудитории в России и за рубежом. Первая авторская программа специализации «Русский язык как иностранный» была разработана Е.А. Брызгуновой, вторая — коллективом преподавателей под руководством М.В. Всеволодовой. В 1975 г. на факультете появилось отделение «Русский язык как иностранный», на котором целенаправленно велась профессиональная подготовка преподавателей русского языка в иноязычной аудитории.

Большой научный вклад в создание программ подготовки специалистов по преподаванию русского языка как иностранного внесли первые авторы и лекторы курса «Введение в специальность» Г.И. Рожкова и В.В. Добровольская. С именем Г.И. Рожковой связана прежде всего разработка лингвистических основ описания русского языка как иностранного, с именем В.В. Добровольской — методических основ его преподавания.

Программа дисциплин по специальности «Русский язык как иностранный» была разработана сотрудниками кафедр практического русского языка и включала два основных цикла — лингвистический и методический. Подготовка специалистов по преподаванию русского языка как иностранного проходила на филологическом факультете во второй половине XX в. по кафедре русского языка, которой до 1995 г. заведовала К.В. Горшкова, а с 1995 г. — М.Л. Ремнёва. Трудно переоценить организационный вклад обеих заведующих в становление новой специальности.

К началу XXI в. филологическим факультетом был накоплен богатый опыт подготовки кадров в области преподавания русского языка как иностранного и соответственно было принято решение о необходимости создания специальной кафедры. Кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного была создана в 2009 г. по представлению декана филологического факультета профессора М.Л. Ремнёвой приказом ректора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова академика В.А. Садовничего (приказ № 84 от 17.02.09). Кафедра стала первым подразделением филологического факультета, которое готовит студентов бакалавриата, магистрантов и аспирантов, ставящих целью получить профессию преподавателя русского языка в иноязычной аудитории. Подготовка специалистов

по преподаванию русского языка как иностранного включает дисциплины лингвистического, лингвометодического и лингвокультурологического циклов.

На кафедре функционируют четыре основные программы подготовки специалистов. Ежегодно набирается группа учащихся на программу бакалавриата по профилю «Русский язык как иностранный», базой для которой стала разработка дисциплин специалитета (отделения «Русский язык как иностранный»), осуществленная еще до образования кафедры.

Сразу после образования кафедры в 2009–2011 гг. были разработаны две магистерские программы (МП). Первая из них — программа традиционной магистратуры «Русский язык как иностранный: лингводидактические и лингвокультурологические основы преподавания». Она адресована тем учащимся, которые не знакомы с программой бакалавриата по профилю «Русский язык как иностранный». Данная МП включает четыре обязательных курса «Актуальные проблемы изучения русского языка как иностранного», «История и методология изучения русского языка как иностранного», «Теория изучения русского языка как иностранного», «Прикладные аспекты изучения русского языка как иностранного», междисциплинарный курс «Лингвокультурология в системе обучения русскому языку как иностранному, а также большое количество курсов по выбору, посвященных различным аспектам преподавания русского языка в иноязычной аудитории.

Программа традиционной магистратуры — одна из немногих МП, в рамках которых организовано совместное обучение носителей русского языка с иностранцами. За 10 лет функционирования программы дипломы магистров получили более 20 иностранцев из Китая, Сербии, США, Турции, Южной Кореи, Японии. Опыт взаимодействия будущих преподавателей русского языка из разных стран в рамках одной академической группы дал весьма положительные результаты. Польза учебы вместе с русскими студентами для иностранцев очевидна. Не менее значим контакт с иностранцами для носителей русского языка, которые ставят целью получить профессию преподавателя русского языка как иностранного, поскольку преподавание родного языка в иноязычной аудитории предполагает умение посмотреть на него «извне», с позиции тех, кто изучает его как иностранный. В этом прежде всего и заключается специфическое мышление преподавателя русского языка как иностранного.

Вторая магистерская программа, объявленная по кафедре, называется «Русский язык как иностранный: лингвистические, лингвометодические и лингвокультурологические основы преподавания». В данной МП сильная лингвистическая составляющая, и она адресо-

вана учащимся, овладевшим программой бакалавриата по профилю «Русский язык как иностранный». Это программа интегрированной магистратуры, позволяющая студентам в ходе освоения курсов по выбору лингвистического, методического, культурологического и лингвокультурологического характера углубить и расширить знания, полученные в бакалавриате.

Наконец, по кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного есть аспирантура по направлению 44.06.01. — Образование и педагогические науки, специальности 13.00.02. — Теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный). Наряду с методической «составляющей» для становления и развития специальности «Русский язык как иностранный» важной является лингвистическая «составляющая», в особенности исследования в области русистики. За время существования кафедры под руководством М.В. Всеволодовой, Ф.И. Панкова и других сотрудников кафедры было защищено 10 диссертаций по специальности 13.00.02. — Теория и методика обучения и воспитания (русский язык как иностранный) и по специальности 10.02.01. — Русский язык.

Кафедра работает в тесном контакте с другими подразделениями филологического факультета, прежде всего с кафедрой русского языка и кафедрами русского языка для иностранных учащихся. Первоочередные задачи, стоящие перед коллективом кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного, связаны с созданием, во-первых, комплекса программ, а во-вторых, учебников и учебных пособий по названным циклам дисциплин. Частично эти задачи уже выполнены.

На кафедре созданы программы по всем курсам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. В 2016 г. издано учебно-методическое пособие, включающее комплекс программ обязательных курсов и курсов по выбору, которые читаются учащимся, проходящим подготовку в традиционной магистратуре «Русский язык как иностранный: лингводидактические и лингвокультурологические основы преподавания». Еще до образования кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного М.В. Всеволодовой в 2000 г. во время работы на кафедре русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова был написан и издан учебник «Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка» (М., 2000). В 2017 г. вышло второе издание этого учебника, который был существенно переработан и дополнен. Данный учебник является основным по разработанному М.В. Всеволодовой курсу «Теория

функционально-коммуникативной грамматики». По тому же курсу М.В. Всеволодовой и Ф.И. Панковым была составлена и в 2005 г. издана рабочая тетрадь: «Практикум по курсу “Теория функционально-коммуникативной грамматики”» (М., 2005). Данное учебное пособие, как и учебник М.В. Всеволодовой, широко используется в учебном процессе в ходе преподавания ряда грамматических курсов в бакалавриате и магистратуре по кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного.

В 2017 г. вышло первое издание, а в 2020 г. — второе издание подготовленного на кафедре учебного пособия Е.Л. Бархударовой, О.Н. Коротковой и Л.В. Красильниковой «Русский язык как иностранный: фонетика, словообразование» (М., 2017). Книга адресована будущим преподавателям русского языка в иноязычной аудитории. В ее основе — программы курсов бакалавриата филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Русский язык как иностранный: функциональная фонетика» и «Русский язык как иностранный: функциональное словообразование». В учебном пособии отражен разработанный М.В. Всеволодовой функционально-коммуникативный подход к описанию системы русского языка в целях его преподавания иностранцам. В этом же русле Ф.И. Панков работает в настоящее время над учебным пособием по курсу «Русский язык как иностранный: функциональная морфология».

В результате реализации совместного проекта с кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Е.Л. Бархударовой, О.Ю. Дементьевой и Л.В. Красильниковой было создано учебное пособие для иностранных магистрантов-филологов «Лингводидактические основы преподавания русского языка как иностранного» (М., 2019). Пособие содержит как теоретический материал по методике преподавания русского языка в иноязычной аудитории, так и практикум, цель которого — развитие специфического мышления преподавателя русского языка как иностранного. Хотя основной адресат названного пособия — иностранцы, оно используется в работе с разными контингентами учащихся.

Разработка лингвометодических основ обучения русскому языку как иностранному невозможна вне тесной связи с практикой его преподавания. Сотрудники кафедры осуществляют преподавание различных аспектов русского языка, ведут практические занятия, являются авторами учебных пособий по практическому русскому языку для иностранных учащихся. С момента создания кафедры дважды переиздавалась книга Е.Л. Бархударовой и Ф.И. Панкова «По-русски — с хорошим произношением: Практический курс русской звучащей речи» (М., 2015, 2019). Два раза была переиздана книга «Коммуникативный синтаксис русского языка: Учебное по-

собие для иностранных магистрантов-лингвистов» (М., 2017, 2018), написанная в соавторстве Т.Е. Чаплыгиной. Вышло три издания написанного под руководством И.В. Одинцовой пособия «Русская грамматика в упражнениях. Рабочая тетрадь с комментариями (для иностранных учащихся)» (М., 2010, 2014, 2016), в создании которого также участвовали преподаватели кафедры.

Отдельно стоит сказать об участии преподавателей кафедры в выполнении программы по обеспечению учебного процесса пособиями по русскому языку в совместном университете МГУ-ППИ (КНР, г. Шэньчжэнь). Т.Е. Чаплыгиной и О.Ю. Дементьевой в соавторстве написан ряд пособий серии «Учимся вместе в Шэньчжэне». Т.Е. Чаплыгина участвовала в создании двух пособий: «Язык специальности. Филология: Языкознание. Фонетика: учебное пособие по русскому языку как иностранному» (М., 2018) и «Русский язык: Магистрант — 1: Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов» (М., 2018). О.Ю. Дементьевой в соавторстве написано пособие «Язык специальности: Неорганическая химия: учебное пособие по русскому языку как иностранному» (М., 2018).

Научная деятельность кафедры связана с разработкой функционально-коммуникативного направления в описании русского языка как иностранного. Можно выделить несколько аспектов названного описания: грамматический (М.В. Всеволодова, Ф.И. Панков, О.Ю. Дементьева, Т.Е. Чаплыгина), лексический и лексико-грамматический (М.В. Всеволодова, Ф.И. Панков, О.Ю. Дементьева), фонетический (Е.Л. Бархударова, Т.Е. Чаплыгина), лингвокультурологический (Е.Л. Бархударова, Ф.И. Панков, Л.В. Ершова, О.В. Зубова). С 2009 г. сотрудниками кафедры самостоятельно и в соавторстве издано десять монографий и более 220 статей по различным аспектам описания русского языка как иностранного и методике его преподавания. С момента создания кафедры М.В. Всеволодовой издано и переиздано самостоятельно и в соавторстве семь монографий по проблемам описания русской грамматики в функционально-коммуникативном аспекте. В 2018 г. совместно с кафедрами русского языка для иностранных учащихся подготовлена и издана коллективная монография «Актуальные проблемы теории и практики преподавания русского языка как иностранного в современной образовательной парадигме» (М., 2018).

В течение десяти лет большое место в научной жизни кафедры занимал межнациональный проект «Русские предлоги и средства предложного типа», который разрабатывался под руководством М.В. Всеволодовой. Итогом работы над этим проектом стали две книги: М.В. Всеволодова, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина. Книга 1: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских

предложных единиц (М., 2014; М., 2018) и М.В. Всеволодова, Е.Н. Виноградова, Т.Е. Чаплыгина. Книга 2: Реестр русских предложных единиц: А–В (объективная грамматика) (М., 2018).

За 12 лет своего существования кафедра участвовала в подготовке нескольких международных конференций, проводимых на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Дважды (в 2013 и 2018 гг.) кафедрой были организованы научные чтения, посвященные юбилею заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова М.В. Всеволодовой. По итогам юбилейных научных чтений в рамках научной серии «Язык, сознание, коммуникация» (под ред. В.В. Красных и А.И. Изотова) при активном участии кафедры были подготовлены и изданы два сборника статей. С 2020 г. на кафедре принято решение проводить круглые столы, основными участниками которых являются студенты магистратуры, обучающиеся по двум магистерским программам, разработанным на кафедре. В феврале 2020 г. прошел организованный под руководством О.Ю. Деметьевой круглый стол «Магистр-2020: шаг в профессию». На круглом столе выступили с докладами 16 учащихся, среди них пять иностранцев из Казахстана, КНР и Турции. Помимо магистрантов кафедры в работе круглого стола приняли участие студенты бакалавриата, магистранты, обучающиеся в филиалах МГУ, их научные руководители, преподаватели практического русского языка в иноязычной аудитории. Круглый стол собрал единомышленников, объединенных интересами преподавания РКИ, и позволил участникам обсудить широкий круг проблем преподавания русского языка как иностранного, задать друг другу вопросы, обменяться мнениями по тематике своих научных исследований.

За годы существования кафедры велась активная работа над совместными проектами с зарубежными партнерами, преподаватели кафедры неоднократно приглашались для чтения лекций и проведения мастер-классов в университеты стран ближнего и дальнего зарубежья: Гродненский университет имени Янки Купалы (Беларусь), Донецкий национальный университет (Украина), Афинский национальный университет имени Каподистрии (Греция), Йенский университет имени Фридриха Шиллера (Германия), Сычуаньский университет (Китай), Фракийский университет имени Демокрита (Греция) и др. В последнее время у кафедры дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного установились прочные связи с кафедрой русистики и лингводидактики педагогического факультета Карлова университета (Чехия): идет активный обмен изданной литературой, научным, учебным, организационным опытом, пишутся совместные статьи. Результатом сотрудничества стала уже опубликованная в журнале «Вестник

Московского университета. Серия 9. Филология» рецензия на книгу преподавателей Карлова университета Якуба Конечны и Ленки Разбудовой «Современная дидактика русского языка как второго иностранного. Языковые средства» (Karolinum, 2018).

На филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова функционирует старейший центр преподавания русского языка как иностранного. В 2021 г. исполняется 70 лет с момента создания в МГУ первой кафедры русского языка для иностранцев. Специальность «Русский язык как иностранный» прошла за это время долгий путь. Многие уже сделано, многое и гораздо большее сделать еще только предстоит.

Elena Barkhudarova

**THE DEPARTMENT OF DIDACTIC LINGUISTICS
AND THEORY OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE AT THE FACULTY OF PHILOLOGY
OF LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The oldest center of teaching Russian as a foreign language operates at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. In 2021, it celebrates its 70th anniversary. A rich experience of professional training of teachers of the Russian language in a foreign language audience has been accumulated during the existence of the center. The Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign language, established in 2009, is the first division of the Faculty of Philology, which purposefully trains specialists in this field. The emergence of the department has become an important stage in the formation and development of the specialty 'Russian as a foreign language'. At present, the department has four main academic programs: a bachelor's degree program, two master's degree programs, and a postgraduate study program. The scientific activity of the department deals with the study of problems of the description and teaching Russian as a foreign language.

Key words: linguistics; linguodidactics; Russian as a foreign language; functional and communicative approach; methods of teaching languages; educational process; foreign language audience.

About the author: *Elena Barkhudarova* — Prof. Dr., Head of the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: e.barhudarova@mail.ru).

К 90-ЛЕТИЮ Г.А. ХАБУРГАЕВА

С.М. Толстая

ЛОМ КОПЕЙНЫЙ И СКРЕЖЕТАНИЕ МЕЧНОЕ: СИНТАГМАТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ И В ЯЗЫКЕ ФОЛЬКЛОРА¹

Институт славяноведения РАН

119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32А

В статье рассматриваются древнерусские конструкции типа *лом копейный* и *скрежетание мечное*, встречающиеся летописях, житиях и других текстах в описаниях сражений. В дальнейшем в истории русского языка они сменились конструкциями с род. п. (т.е. *ломание копий*, *скрежетание мечей*). По мнению автора, они представляют собой продукт синтагматической деривации, т.е. деривации на основе не отдельных слов, а целых предикативных синтагм, которые трансформируются в номинативно-атрибутивную синтагму. В примерах *лом копейный* и *скрежетание мечное* предикативная синтагма (*копья ломаются*, *мечи скрежещут*) трансформируется в номинативно-атрибутивную: $S+V > A+S$ (или $S+A$). При этом предикат номинализируется (субстантивизируется), а субъект или объект предикативной конструкции становится производящим для прилагательного (притяжательного или относительного): *копья ломаются > лом копейный*; *мечи скрежещут > скрежетание мечное*, *носить меч > мечное ношение*. Актантная структура глагола производящей предикативной конструкции (т.е. отношение субъект — предикат, объект — предикат) «наследуется» производной от нее номинативно-атрибутивной конструкцией (субъектное или объектное значение сохраняется в прилагательном *копейный*, *мечное*, а предикатное — в субстантивах *лом*, *ношение*). Подобные примеры синтагматической деривации встречаются в языке фольклора, например, в текстах севернорусских причитаний из сборника Барсова, где в качестве отглагольных имен выступают как *nomina actionis*, так и *nomina agentis*. При номинализации предиката прямой объект может принимать форму: родительного падежа (*сберечь вольную волошку > сберегатели вольной волошки*, *впустить злодея супостата > злодея супостата запускальщик*), дательного падежа («отложить» *решетчатые двери > решетчатым дверям отложальщик*, *разжигать свечи > свечам разжигальщик*), включаться в сложное слово (*воду носить >*

Толстая Светлана Михайловна — доктор филологических наук, профессор Института славяноведения РАН (e-mail: smtolstaya@yandex.ru).

¹ Статья написана в рамках работы над проектом «“Причитанья Северного края” Е.В. Барсова: материалы к словарю», поддержанным грантом РФФИ (№ 20-012-00205 А).

водонощица, сено косить > сенокосщица, рыбу ловить > рыболовищица), может преобразовываться в прилагательное (*баню топить > баенный истопщик, блины печь > блинное печенье*). К сфере синтагматической деривации могут быть отнесены и разнообразные другие способы конденсации (компрессии) словосочетаний начиная с редукции и аббревиации (*завхоз, райком*) и кончая универбацией (*удаленная работа > удаленка* и т.п.).

Ключевые слова: древнерусский язык; язык фольклора; синтагматическая деривация; предикат; субъект; объект; притяжательные прилагательные; относительные прилагательные; сложные слова.

Введение. В древнерусских оригинальных и переводных текстах (в летописях, Житии Александра Невского, Истории Иудейской войны и др.) в описаниях сражений встречаются конструкции, подобные приведенным в заглавии или близкие к ним. Например, *трускъ от копий ломления и звукъ от сечения мечнаго* (Житие Ал. Невского); *видити лом копейны* (Галицкая летопись под 1240 г.); *яко от грома тресновение бысть... от крепости ударения копейного* (там же); *бысть видети лом копийны и скрежетание мечное* (История Иудейской войны); *и ту бѣ видити лом копины и звукъ оружыныи* (Киевская летопись под 1174 г.) [Демин, 2019: 16–25]. Ср. также: *тоу бѣаше видити ломъ копыны и щеть скъпаніе* (ЛИ) [СДРЯ, 4: 262]; вар. *щитом скепание инии оуязвены быша ѿ (т) крѣпости оударения копынаго* (ЛИ), [СДРЯ, 4: 262], *ѿ (т) мечнаго своего ношения* [СДРЯ, 4: 526], *како бо воинкъ познаваетсѧ иже по плоти не ѿ (т) мечнаго ли своего ношенья* [СДРЯ 4:526], *ѿ (т) нападания вражия* [СДРЯ, 1: 480].

Сразу обращает на себя внимание то, что в современном языке подобные атрибутивные конструкции A+S или S+A (сочетания прилагательного с определяемым предикатным существительным) невозможны: мы употребляем в них вместо прилагательного род. пад. существительного, т.е. не *скрежетание мечное*, а *скрежетание* (или *скрежет*) *мечей*, не *лом копейный*, а *лом* (или *ломание*) *копий*, не *звук оружный*, а *звук оружия*, не *мечное ношение*, а *ношение меча* и т.д.

1. Конструкции с прилагательным и с род. п. существительного

Соотношение атрибутивных конструкций и конструкций с Род. п. неоднократно становилось объектом внимания историков славянских языков. Но при этом речь шла исключительно или прежде всего о сочетаниях с притяжательными прилагательными.

По мнению многих исследователей, притяжательные прилагательные изначально входили в словоизменительную парадигму существительного на правах особого падежа и лишь со временем были заменены конструкциями с род. п. Об этом еще в 1937 г. писал Н.С. Трубецкой: «<В староцерковнославянском языке> от каждого существительного, обозначающего одушевленное существо, об-

разуется притяжательное прилагательное, которое принадлежит к парадигме склонения этого существительного совершенно так же, как причастия принадлежат к парадигме спряжения глаголов» [Трубецкой, 1987: 220]. По данным А.А. Зализняка, «материал берестяных грамот показывает, что в древненовгородском диалекте XI–XIV вв. еще достаточно хорошо сохранялась древнейшая славянская система выражения принадлежности. Лишь с XIII в. появляются первые надежные примеры (еще весьма редкие), свидетельствующие о расширении первоначальной сферы употребления родительного принадлежности, т.е. о начале того процесса, который получил полное развитие в современном языке» [Зализняк, 1993: 275]². Тем не менее в современном русском языке продолжают сосуществовать оба типа конструкций (с притяжательным прилагательным и с род. п. имени обладателя: *отцов дом* и *дом отца*); их соотношение не так давно описал в специальной статье А.Д. Шмелев, показавший, что эти конструкции не всегда являются взаимозаменяемыми и употребляются в соответствии с определенными лексическими, синтаксическими и семантическими правилами [Шмелев, 2008].

Если же рассматривать этот вопрос в общеславянском масштабе, то нельзя не заметить, что разные славянские языки значительно отличаются друг от друга в употребительности конструкций с притяжательным прилагательным и конструкций с род. п. Так, в чешском, словацком или сербском языке конструкции с притяжательными прилагательными гораздо употребительнее, чем в русском, а конструкции с род. п. существенно ограничены. Если мы говорим *Словарь Даля* (хотя в XIX в. вполне нормально было и *Далев словарь*), то сербы говорят *Вуков речник* (а не *Речник Вука*). Подробнее о категории притяжательности в славянских языках и соотношении адъективных конструкций и конструкций с род. п. см. [Категория, 1983, 1987: 133–153].

Но еще заметнее отличия разных славянских языков в том, возможны ли притяжательные прилагательные от неоднословных номинаций, когда имя обладателя (посессора) выражено не одним словом, а словосочетанием с зависимым словом (прилагательным или местоимением), например, не *дом отца* (от которого свободно образуется *отцовский дом*, *отцов дом* или *отчий дом*), а, например, *дом моего отца* или *дом отца моего мужа*. В русском языке возможность притяжательных прилагательных в таком случае весьма ограничена, хотя и не исключена, ср. *комната дяди Миши* > *дяди Мишина комната*. Но в некоторых славянских языках или диалектах (словацком, лужицких, группе чешских диалектов) такие притяжа-

² Конструкции с родительным падежом есть и среди приведенных выше древнерусских примеров: *трускъ от копий ломления*, *щеть скъпiania*; не исключено, что они принадлежат позднейшим спискам.

тельные конструкции распространены гораздо шире. Например, в словацком языке не только нормальна конструкция *mojej tetkina komora* ‘кладовая моей тетки’, но и *mojej mladšej sestrin muž* ‘муж моей младшей сестры’³.

Однако древнерусские конструкции, о которых шла речь в начале статьи, содержат притяжательные, а не относительные прилагательные. Тем не менее в них обнаруживается то же соотношение атрибутивных конструкций с конструкциями с Род. п. существительного.

2. Притяжательные и относительные прилагательные

Известно, что притяжательные прилагательные не удается категорически отграничить от относительных — ни по формальному (словообразовательному) признаку, ни по семантическому. Если говорить о формальной стороне, то значение притяжательности могут выражать не только прилагательные с суф. *-ов-*, *-ин-*, *-ьн-*, как утверждается в грамматиках и справочниках (РГ, 1: 269–271, 543; ЭРЯ: 552–553), но и прилагательные с другими суффиксами. В особенности это характерно для дериватов с суф. *-ск-* (*отеческие чувства*), которые с древнейших времен могли выражать отношения посессивности. Ср. [Маројевић, 1983] о посессивном значении дериватов с суф. *-ск-* в истории русского языка.

В то же время, если говорить о семантике, то «канонические» притяжательные прилагательные могут иметь не только собственно посессивные значения, но и другие; например, типично притяжательное (с формальной точки зрения) прилагательное *щучий*, кроме собственно посессивной (партитивной) семантики (ср. *щучья пасть*), может иметь и другие значения, например субъектное (ср. *по щучьему велению*)⁴. Некоторые из этих значений у притяжательных прилагательных вполне регулярны — кроме посессивных, это могут быть субъектное, объектное, сравнительное и др. (*волчья шерсть, волчье логово, волчья хватка, волчий аппетит; медвежья берлога, медвежья шкура, медвежья сила, медвежья охота, медвежья походка* и т.п.)⁵.

³ Таким конструкциям в славянских языках, в которых обладатель обозначен не отдельным именем, а целым словосочетанием, посвящена недавно изданная книга С.С. Скорвида [Скорвид, 2019].

⁴ Словари, как правило, этих отличий в значении не фиксируют (ср. БАС s.v. *щучий*).

⁵ Существует, однако, более широкое понимание категории притяжательности, при котором оба типа (собственно притяжательный: *отцовский дом* и субъектно-предикативный: *отцовское завещание*) трактуются как посессивные конструкции. Ср. определение Ю.Д. Апресяна: «В понимании категории посессивности мы целиком следуем традиции и усматриваем это значение не только в словосочетаниях типа *его книга*, но и в словосочетаниях типа *его мужество, его рука, его кабинет, его порция каши*» [Апресян, 1983: 5].

Та же разнообразная семантика характерна для старославянских и древнерусских притяжательных (и относительных) прилагательных. Ст.-слав. притяжательное прилагательное **божьи** может иметь значение партитивности (Б. уста, лице, очи, пьръсть, доухъ, тѣло), принадлежности (Б. чада, хлѣбъ, домъ, црковь, црство), субъекта свойства (Б. милость, гнѣвъ, благодать, сватостѣ, трьпѣниѣ, щедроты), субъекта действия или состояния (Б. повѣданиѣ, трьпѣниѣ, любовь, сждь), прямого или косвенного объекта (Б. отьць, вѣра, осващение, страхъ) [СБР, 1: 105–108]. Ср. аналогичный спектр значений др.-рус. *вражии*: *вражии пѣлкѣ, законѣ, сила, козни, брань, лѣжа, гнѣвъ, ороужие, прельсти, съти, искоушение, соблазны, проказа, нападание, плънение* и т.п. [СДРЯ, 1: 479–480]. Показательно хронологическое соотношение конструкций с притяжательным прилагательным и с род. п. в древнерусском языке: *повельникѣмъ игоумньмъ* УСт к. XII в. и *повельникѣмъ игоумена* ПКП 1406. [СДРЯ, 6: 460]; *оуби и копиньмъ прободениѣмъ* ПрЛ 1282 и *прободеньемъ копья* Нап. 1383 [СДРЯ, 8: 675].

3. Синтагматическая деривация в русском языке

Очевидно, что каждый элемент интересующей нас адъективной синтагмы A+S имеет значение для интерпретации всей конструкции. Если S — термин родства (*мужнин брат*), часть тела (*волчий хвост*) или предмет обладания (*отчий дом*), то A будет иметь собственно посессивную семантику. Если же S — предикатное слово, т.е. отглагольное существительное или иное существительное со значением действия, состояния или свойства, то A будет семантически связано с одним из актантов предикатного слова — субъектом действия или состояния (*материнское проклятие, сыновья любовь, отцовское завещание, детские страхи*), объектом — прямым (*рыбная ловля*) или косвенным (*медвежья охота*), сирконстантом — локативным (*деревенский отдых, дальняя поездка*), темпоральным (*зимние развлечения*) или иным (*музыкальное представление*). Ср. в «Слове о полку Игореве» выражение «по замышленію бояню», в котором предикатное имя *замышленіе* сочетается с притяжательным прилагательным *боянѣ*, имеющим субъектное значение («Боян замыслил»), или в «Успенском сборнике» адъективные конструкции с субъектными и другими синтаксическими значениями прилагательных: *течение кръвьноѣ* (субъектное значение: «кровь течет»); *мечьнага и огоньнаго моучения жидуу* (орудийное значение: «мучить мечом и огнем»), *бещьстия телесьнааго обнажения жидуу* (объектное значение: «обнажать тело») [УСб: 137–138].

Иначе говоря, конструкции A+S, где S — предикатное слово, являются продуктом **синтагматической деривации**⁶, при которой объектом деривации (производящим элементом) является синтагма, состоящая из *verbum finitum* и его актанта.

Вернемся теперь к нашим древнерусским примерам с относительными прилагательными. В них представлено именно предикатное S. В атрибутивном сочетании *лом копийны лом* — определяемое существительное S, представляющее собой семантический дериват глагола *ломать*; *копины* — определяющее прилагательное A, производное (семантически и словообразовательно) от существительного *копье* (в собственно притяжательных конструкциях A соотносится с именем обладателя: *отцовское поучение*).

Таким образом, в наших примерах *лом копийны* и *скрежетание мечное* мы имеем дело с трансформацией предикативной синтагмы (*копья ломаются, мечи срежешут*) в атрибутивную: S+V > A+S (или S+A), при которой предикат номинализируется (субстантивируется), а субъект или объект предикативной конструкции становится производящим для прилагательного (S > A): *копья ломаются* > *лом копийны*; *мечи скрежешут* > *скрежетание мечное, носить меч* > *мечное ношение*. Мы видим, что актантная структура глагола производящей предикативной конструкции (т.е. отношение субъект — предикат, объект — предикат) «наследуется» производной от нее номинативной конструкцией (субъектное или объектное значение сохраняется в прилагательном *копины*, *мечное*, а предикатное — в субстантивах *лом*, *ношение*).

Это явление «наследования валентной структуры производящих слов» (мы воспользовались здесь термином И.А. Богуславского

⁶ Это понятие отличается от понятия синтаксической деривации, которое, в свою очередь, употребляется в разных смыслах. В известной статье Е. Куриловича 1936 г. дается такое определение: «Синтаксической деривацией мы называем такое отношение между лексемами, когда они принадлежат к разным частям речи, но имеют тождественное значение [Курилович, 1962: 57–70]. Этому определению следуют в своих работах И.А. Богуславский и Л.Л. Иомдин, но трактуют синтаксическую деривацию в более широком смысле: синтаксическими дериватами считаются не только случаи *переехать* — *переезд*, *привыкнуть* — *привычка*, но и такие дериваты, которые лексически (словообразовательно) вообще не связаны с производящим словом, например, *врач* считается синтаксическим дериватом глагола *лечить*, а *мнение* — синтаксическим дериватом глагола *считать* [Богуславский, Иомдин, 2020: 12]. Понятие синтаксической деривации следует отличать от понятия семантической деривации [Падучева, 2003]. Учитывая эту неоднозначность термина «синтаксическая деривация», мы предлагаем термин и понятие «синтагматическая деривация», которое (в отличие от словообразовательной деривации) относится к производящим единицам большим, чем слово. В наших примерах и производящая, и производная синтагмы представляют собой конструкции с одним и тем же составом лексических основ (*ломать копья* > *лом копийный*).

и Л.Л. Иомдина⁷) весьма распространено при синтагматической деривации и не до конца изучено. Оно имеет определенные ограничения. Степень отражения актантной структуры производящего слова (и самого предиката) зависит от типа деривата: актантная структура глагола более полно отражается в случае *nomina actionis*, чем *nomina agentis*.

При синтагматической деривации может наследоваться не только субъектная или объектная валентность (*мать любит* > *материнская любовь* и т.п., *ловить рыбу* > *рыбная ловля*), но и также и другие валентности (*учить в школе* > *школьный учитель*, *плавать под водой* > *подводное плавание*). Ср. в современном языке *распродавать товары летом* > *летняя распродажа товаров* (обстоятельство времени *летом* передается атрибутивной формой *летний*).

В сущности, то же самое явление синтагматической деривации мы наблюдаем при словосложении. Сложные слова образуются не от соединения отдельных слов, а от словосочетаний [Бенвенист, 1974], т.е. синтагматических конструкций, в которых эти слова связаны определенными синтаксическими отношениями. Как и в случае с трансформацией одной синтагмы в другую (предикативной в атрибутивную, как в древнерусских примерах), актантная структура исходных (производящих) словосочетаний сохраняется в структуре и семантике сложного слова. Часть сложного слова не только функционально, но и лексически соответствует одному из актантов производящего глагола. Например, в слове *водопад* морфема *пад-* имеет семантику предиката *пасть/падать*, а морфема *вод-* обозначает субъекта исходной ситуации «вода падает». А в слове *водонос* аналогичной словообразовательной структуры при такой же предикативной морфеме *нос-* морфема *вод-* обозначает не субъекта, а объект исходной ситуации «Х несет воду». Таким образом, сложные слова, производные от глагола (точнее от целой предикативной конструкции с *verbum finitum*), включают в качестве компонентов сложного слова различные актанты этого глагола исходной предикативной конструкции: субъект действия: *водопад, водосток, ледоход, бурелом, листопад, камнепад, снегопад, звездопад*; объект действия:

⁷ Ср. «Наследование валентной структуры при синтаксической деривации предикатных слов — явление, бесспорно существующее в языке, и оно требует адекватного грамматического и лексико-графического описания. Однако оно, по видимому, никогда не является простым (straightforward). Дериваты, даже если они наследуют валентности исходного слова: 1) наследуют лишь часть этих валентностей (как в случае *лечить* — *врач*, ср. *лечить Петра* — *врач Петра*, но *лечить грипп* <от *гриппа*> при невозможности **врач гриппа* <от *гриппа*>); 2) требуют соблюдения определенных условий для наследования; 3) выражаются более периферийными средствами (скажем, реализуются не активно, а пассивно или разрывно)» [Богуславский, Иомдин, 2020: 22].

водопой, водонос, лесоруб, пулемет, скотовод, свинопас, землекоп, землемер, градоносный, хлебохранилище, словораздел, казнокрад, волнорез, костоправ, посудомойка; орудие, инструмент действия: *глазомер, рукопись, губошлёп, рукоятка*; результат, продукт действия: *дырокол, стеклодув, рифмоплёт*; локус действия: *мореход, пустынножитель, домосед, водолаз, скалолаз, вездеход, круговерть*; время действия: *долгострой, новодел, новосёл, свежее испеченный*; способ действия: *вертолёт, самолёт, самосуд, пустоцвет, пустомеля, молниеносный, двуспальный, дармоед, пустобрёх, тугодум, дальнобойный* и т.п. (подробнее см. [Толстая, 2020]). Обращает на себя внимание и порядок следования компонентов сложного слова: как и в конструкциях с притяжательными и относительными прилагательными, «актанты» и производные от них прилагательные или части сложного слова предшествуют предикатам, к которым они относятся: *сын любит (мать) > сыновья любовь, ловить рыбу > рыбная ловля и рыболов*, тогда как в конструкциях с род. п. порядок составляющих обратный: *любовь сына, ловля рыбы*. В древнерусских словосочетаниях с притяжательным (и относительным) прилагательным если не предпочитался, то был обычным порядок S+A с постпозицией определения (*лом копины, скрежетание мечное*)⁸.

4. Синтагматическая деривация в языке севернорусских причитаний

Любопытные примеры такого рода наследования синтаксической структуры предикативных конструкций при их номинализации можно наблюдать в **языке фольклора**, где также могут сохраняться не только синтаксические роли субъекта и объекта, как в рассмотренных древнерусских атрибутивных конструкциях, но и функции других актантов (объектов, определителей, обстоятельственных сирконстантов). Иначе говоря, при трансформации целых синтагм с *verbum finitum* в номинативные словосочетания каждый актант предикативной синтагмы (прямой и косвенный объект, атрибут, локативное или темпоральное обстоятельство) может найти свое выражение в производной номинативной конструкции. Рассмотрим несколько примеров такой номинализации предикативных конструкций в языке русского фольклора.

В севернорусских свадебных причитаниях, собранных в известном сборнике Е.В. Барсова [Барсов, 1997] и других изданиях, мы встречаем такие номинализованные конструкции, производные от

⁸ О порядке слов в атрибутивных сочетаниях в древнерусском языке см. [Евстифеева, 2008; Минлос, 2008]; о порядке слов в предикативных синтагмах см. [Пичхадзе, Родионова, 2011; Пичхадзе, 2020]. Там же литература вопроса.

предикативных синтагм с *verbum finitum*. В свадебном причитании мать предупреждает дочь, выходящую замуж: «И там не будет тебе *рано положеньице*, / И тебе *поздного* не будет *пробуженьица*» [Барсов, 1997 2: 305], что значит: ‘И там (т.е. в новой семье) ты не будешь рано (спать) ложиться, и поздно пробуждаться’ (с характерными для языка фольклора уменьшительными формами *nomina actionis*).

Глагол исходной предикативной конструкции может номинализироваться не только в *nomen actionis*, как в предыдущем примере (и в древнерусских примерах), но и в *nomen agentis*. Опять же мать говорит дочери: «И будешь *летна мне*, *горюше*, *водонощичка*, / И будешь *зимня на гумни* да *замолотщичка*, / И будешь *баенна родителям истопщичка*» [там же: 301], что означает: ‘Будешь летом мне воду носить, будешь зимой на гумне молотить, будешь баню родителям топить’ (выделены курсивом унаследованные и трансформированные актанты глагола). Косвенный объект (адресат) действия *мне* становится косвенным объектом при имени, *носить воду* преобразуется в сложное слово (*водонощичка*), где объект действия трансформировался в первую часть сложного слова, а темпоральный сирконстант *летом* из обстоятельства времени исходной конструкции (*носить воду летом*) превратился в атрибутив при имени: *летна (водонощичка)*.

Еще один пример с *nomina agentis*: «Кто решетчатым дверям был *отложальщиком*, / Кто злодея супостата *запускальщиком?*» [РСЗ: 44], что означает: ‘Кто *отложил* ‘открыл’ решетчатые двери, кто *запустил* ‘впустил’ супостата?’. Здесь при деривации сохраняется валентность объекта действия (*открывать двери, впустить супостата*, т.е. жениха).

Таким образом, при номинализации предиката прямой объект может принимать форму: род. п. при *nomina agentis* (*сберечь вольную волюшку* > *сберегатели вольной волюшки*, *впустить злодея супостата* > *злодея супостата запускальщик*), дательного падежа («*отложить*» *решетчатые двери* > *решетчатым дверям отложальщик*, *разжигать свечи* > *свечам разжигальщик*), инкорпорироваться в сложное слово (*воду носить* > *водонощичка*, *сено косить* > *сенокосица*, *рыбу ловить* > *рыболовица*), может преобразовываться в прилагательное (*баню топить* > *баенный истопщик*).

Косвенный объект в номинативной конструкции сохраняет свою форму (*будешь мне воду носить* > *будешь мне водонощичка*). Сирконстанты (обстоятельства) могут сохраняться (*на гумне молотить* > *на гумне замолотщичка*), но могут и трансформироваться в адъективное определение к *nomen agentis* (*летом воду носить* > *летна водонощичка*).

Различные актанты глагола могут трансформироваться в адъективные формы при *nomina actionis*: *блины печь* > *блинное печеньеице*,

долго спать > *долгое усыпание*, *поздно пробуждаться* > *позднее пробуждение*, *бить по рукам* (брачный ритуал) > *ручное рукобитье*, *рано петухи запевают* > *раннее петушьё воспевание*; *обливаться слезами* > *слезное обливание*, *за столом тесто сочить* ('раскатывать') > *столовое соченье* и т.п. Ср. еще заговор, читаемый при доении коровы: «Не дай ей, Господи, ни *ножного ляганья*, ни *хвостового маханья*, ни *рогового боданья*», т.е. 'Дай господи, чтобы она (корова) ногой не лягала, хвостом не махала' [Майков, 1994: 110].

Заключение. Таким образом, синтагматическая деривация отличается от словообразовательной деривации тем, что в ней производящим служит не единичное слово, а целая синтаксическая конструкция (синтагма, словосочетание). Если это предикативная синтагма с глаголом, то все или некоторые актанты глагола наследуются производной конструкцией. К типу синтагматической деривации, относится не только трансформация предикативной конструкции с *verbum finitum* в адъективную конструкцию и конструкцию с род. п., но и словосложение, т.е. образование одного слова из словосочетания. И в том, и в другом случае производные конструкции и композиты сохраняют синтаксическую и семантическую структуру производящих словосочетаний, а также в порядок следования компонентов (постпозиция предикативных составляющих), характерный для древнерусского языка. В конечном счете к сфере синтагматической деривации могут быть отнесены и разнообразные другие способы конденсации (компрессии) словосочетаний начиная от редукции и аббревиации (*завхоз*, *райком*) и кончая универбацией (*удаленная работа* > *удаленка* и т.п.).

Список литературы

1. *Апресян Ю.Д.* Синтаксические средства выражения посессивности // Категория притяжательности в славянских языках. Тезисы совещания. М., 1983. С. 4–9.
2. Причитанья Северного края, собранные Е.В. Барсовым / Изд. подготовили Б.Е. Чистова, К.В. Чистов. СПб., 1997. Т. 1–2 [серия «Литературные памятники»].
3. *Бенвенист Э.* Синтаксические основы именного сложения // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 341–356.
4. *Богуславский И.М., Иомдин Л.Л.* О наследовании валентностей при синтаксической деривации // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. № 3. От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке. К 90-летию акад. Ю.Д. Апресяна. М., 2020. С. 11–25.
5. *Демин А.С.* Историческая семантика средств и форм древнерусской литературы. Источниковедческие очерки. М., 2019.

6. *Евстифеева Р.А.* Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях Новгородской Первой летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 162–202.
7. *Зализняк А.А.* К изучению языка берестяных грамот. Выражение принадлежности // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993. С. 270–275.
8. Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. М., 1983.
9. Категория посессивности в славянских языках / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 1989.
10. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 57–70.
11. Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. 2-е изд. СПб., 1994.
12. *Маројевић Р.* Суффикс *-sk-* у посесивној функцији у руском језику (у историјском развоју и данас // Јужнословенски филолог. XXIX. Београд, 1983. С. 159–178.
13. *Минлос Ф.Р.* Позиция атрибута внутри именной группы в языке Псковской летописи // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 203–216.
14. *Падучева Е.В.* Глаголы создания образа: лексическое значение и семантическая деривация // Вопросы языкознания. 2003. № 6. С. 30–46.
15. *Пичхадзе А.А.* О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение в древнерусском языке» // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса / Под ред. А.А. Пичхадзе. М.; СПб., 2020. С. 36–140.
16. *Пичхадзе А.А., Родионова А.В.* О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение» в древнерусском языке» // Русский язык в научном освещении. № 21 (1). С. 127–161.
17. Русская грамматика. Т. 1. М., 1982.
18. *Кузнецова В.П., Логинов К.К.* Русская свадьба Заонежья (конец XIX — начало XX в.). Петрозаводск, 2001.
19. СБР — Старобългарски речник. Т. I. София, 1999.
20. СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV). М., 1988–. Т. 1–.
21. *Скорвид С.С.* Атрибутивные посессивные конструкции в истории славянских языков. М., 2018.
22. *Толстая С.М.* Сложные слова и словосочетания: синтаксис и семантика // Rocznik slawistyczny. 2020. Т. LXIX. S. 143–166.
23. *Трубецкой Н.С.* О притяжательных прилагательных (possessiva) старославянского языка // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987 (1937). С. 219–222.
24. УСб — Успенский сборник XII–XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М., 1971.
25. *Шмелев А.Д.* Посессивы в современной русской грамматике // Динамические модели. Слово. Предложение Текст. М., 2008. С. 927–942.
26. Энциклопедия «Русский язык». 3-е изд. М., 2020.

Svetlana Tolstaya

**LOM KOPEINYI ‘SPEAR BREAKING’
AND SKREZHETANIE MECHNOE ‘SWORD SCREECHING’:
SYNTAGMATIC DERIVATION IN THE OLD RUSSIAN
LANGUAGE AND IN THE LANGUAGE OF FOLKLORE**

*Institute of Slavistics, Russian Academy of Sciences
32A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991*

The article deals with ancient Russian constructions such as *lom kopeinyi* ‘spear breaking’ and *skrezhetanie mechnoe* ‘sword screeching’, which are found in chronicles, hagiographies and other texts describing battles. Later in the history of the Russian language, they were replaced by constructions with the Genitive case (i.e., ‘breaking of spears’, ‘screeching of swords’). It is assumed that they are a product of syntagmatic derivation, i.e. derivation based not on individual words but on whole predicative syntagmas (S+V), which are transformed into a nominative-adjective syntagmas (S+A or A+S). In the examples under analysis, we see the transformation of predicative syntagmas ‘spears break’, ‘swords screech’ into substantive-attributive ones: ‘spear breaking’, ‘sword screeching’, in which predicates become substantives, and the subjects of the predicative constructions become adjectives. The actant structure of the verb of the generating predicative construction is “inherited” by the construction derived from it. Similar examples of syntagmatic derivation can be found in the language of folklore, specifically, in the texts of Northern Russian lamentations from the collection of Barsov. Here both nomina actionis and nomina agentis act as verbal names (*pech’ bliny* ‘bake pancakes’ > *blinnoe pechenie* ‘pancakes baking’, *topit’ banyu* > ‘heat bathhouse’ > *baennyi istopshchik* ‘bathhouse stoker’). When nominalizing a predicate, a direct object can take the form of a genitive case, a dative case, can be included in a compound word or converted into an adjective (possessive or relative). The sphere of syntagmatic derivation also includes many other ways of thickening (compressing) phrases, including reduction, abbreviation, and univerbation.

Key words: Old Russian language; folklore language; syntagmatic derivation; predicative constructions; subject; object; possessive adjectives; relative adjectives; compound words.

About the author: *Svetlana Tolstaya* — Prof. Dr., Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavistics, Russian Academy of Sciences (e-mail: smtolstaya@yandex.ru).

References

1. Apresyan Ju. D. Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya posessivnosti. [Syntactic ways of expressing possessiveness] *Kategoriya prityazhatel’nosti v slavyanskikh yazykakh. Tezisy soveshchaniya*. Moscow: Indrik, 1983, pp. 4–9.

2. Prichitaniya Severnogo kraja, sobrannyye E.V. Barsovym. [Lamentations of the Northern Region, collected by E.V. Barsov] Ed B.E. Chistova, K.V. Chistov, Sankt-Peterburg: *Nauka*, 1997. T. 1–2.
3. Benvenist E. Sintaksicheskie osnovy imennogo slozheniya. [Syntactic bases of complex names] In: Benvenist E. *Obshchaya lingvistika*. Moscow: *Progress*, 1974, pp. 341–356.
4. Boguslavskii I.M., Iomdin L.L. O nasledovanii valentnosti pri syntaksicheskoi derivacii [On valency inheritance in syntactic derivation]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova*. № 3. Ot semanticheskikh kvarkov do vselennoi v alfavitnom poryadke. K 90-letiju akad. Ju.D. Apresyana. Moscow, 2020, pp. 11–25.
5. Demin A.S. Istoricheskaya semantika sredstv i form drevnerusskoi literatury. Istochnikovedcheskie ocherki [Historical semantics of the means and forms of Old Russian literature. Source studies essays]. Moscow: *YaSK*, 2019.
6. Evstifeeva R.A. Poryadok slav v atributivnykh slovosochetaniyakh Novgorodskoi Pervoi letopisi. In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. № 16 (2), pp. 162–202.
7. Zaliznyak A.A. K izucheniyu yazyka berestyanykh gramot. Vyrashenie prityazhatel'nosti. [To study the language of birch bark letters. The expression of possessiveness] In: *Yanin V.L., Zaliznyak A.A. Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1984–1989 gg*. Moscow, 1993, pp. 270–275.
8. Kategoriya prityazhatel'nosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh. Tezisy soveshchaniya. [The category of possessiveness in Slavic and Balkan languages. Abstracts] Moscow: *Nauka*, 1983.
9. Kategoriya possessivnosti v slavyanskikh yazykakh. [The category of possessiveness in Slavic languages] Red. Vyach.V. Ivanov. Moscow: *Nauka*, 1989.
10. Kurilovich E. Derivaciya leksicheskaya i derivaciya sintaksicheskaya. [Lexical derivation and syntactic derivation] *Kurilovich E. Ocherki po lingvistike*. Moscow, 1962, pp. 57–70.
11. Maikov. Ed. Velikorusskie zaklinaniya. Sbornik L.N. Maikova [Great Russian spells. Collection of L.N. Maykov]. Sankt-Peterburg, 1994. Ed. 2.
12. Marojević R. Suffiks *-sk-* u posesivnoj funkcii u ruskom jeziku (u istorijskom razvoju i danas). [The suffix *-sk-* in the possessive function in the Russian language (in historical development and today)] *Južnoslovenski filolog*. XXIX. Beograd, 1983, pp. 159–178.
13. Minlos F.R. Poziciya atributa vntri imennoi gruppy v yazyke Pskovskoi letopisi. [The position of an attribute within a name-group in the language of the Pskov Chronicle] *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. № 16 (2), pp. 203–216.
14. Paducheva E.V. Glagoly sozdaniya obraza: leksicheskoe znachenie i semanticheskaya derivaciya. [Verbs of image creation: lexical meaning and semantic derivation] *Voprosy yazykoznanija*. 2003. № 6, pp. 30–46.
15. Pichkhadze A.A. O poryadke slov v sochetaniyakh “lichnaya forma glagola — pryamoe ob'ektnoe dopolnenie” v drevnerusskom yazyke [About the word order in the combinations “the personal form of the verb — a direct object” in the Old Russian. *Ocherki drevnerusskogo i staroruskogo sintaksisa*.

- Ed. A.A. Pichkhadze. Sankt-Peterburg; Moscow: Nestop-Istoriya, 2020, pp. 36–140.
16. Pichkhadze A.A., Rodionova A.V. O poryadke slov v sochetaniyakh “lichnaya forma glagola — pryamoe ob’ektnoe dopolnenie” v drevnerusskom yazyke. [On the word order in verb — direct object combinations in the Old Russian] *Russkii yazyk v nauchnon osvveshchenii*. 2011. № 21 (1), pp. 127–161.
 17. Russkaya grammatika [Russian grammar]. Moscow: *Nauka*, 1982. V. 1. 783 pp.
 18. Kuznetcova V.P., Loginov K.K. *Russkaya svad’ba Zaonezh’ya. (konec XIX — nachalo XX v.)*. [Russian wedding of Zaonezh’e (late 19th-early 20th century)]. Petrozavodsk, 2001.
 19. *Starobylgarski rechnik*. [Old Bulgarian Dictionary] V.I. Sofiya, 1999.
 20. *Slovar’ drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV c.)], 1988–. V. 1–.
 21. Skorvid S.S. Atributivnye possessivnye konstrukcii v istorii slavyanskikh yazykov. [Attributive possessive constructions in the history of Slavic languages] Moscow: *MIK*, 2018.
 22. Tolstaya S.M. Slozhnye slova i slovosochetaniya: sintaksis i semantika. [Complex words and phrases: syntax and semantics] *Rocznik slawistyczny*. 2020. T. LXIX. S. 143–166.
 23. Trubetskoi N.S. O prityazhatel’nykh prilagatel’nykh (possessiva) starocerkovnoslavyanskogo yazyka. [About possessive adjectives (possessiva) of the Old Church Slavonic language] Trubetskoi N.S. *Izbrannye trudy po filologii*. Moscow: Progress, 1987, pp. 219–222.
 24. *Uspenskii sbornik XII–XIII vv.* [Uspenski sbornik XII–XIII c.] Ed. S.I. Kotkov. Moscow: *Nauka*, 1971.
 25. Shmelev A.D. Possessivy v sovremennoi russkoi grammatike. [Possessives in modern Russian grammar] *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie. Tekst*. Moscow: *YaSK*, 2008, pp. 927–942.
 26. Enciklopediya “Russkii yazyk” [Encyclopedia “Russian Language”]. Moscow: *AST-Press-Shkola*, 2020. Ed. 3.

Е.А. Галинская

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются некоторые особенности количественных числительных, отраженные в деловых документах первой половины XVII в. разной локализации. В системе склонения числительных этого периода были зоны без вариативности и зоны с существенной вариативностью. В текстах, происходящих с разных территорий, отмечается проникновение как исконных, так и инновационных форм творительного падежа дательный падеж. Особый интерес представляют превратившиеся из прежних словосочетаний в числительные слова типа *полтора*, *полтретья* и т.д. Одной из особенностей здесь является то, что в косвенных падежах второй компонент получает окончание падежа, которого требует управляющий глагол или предлог от существительного, и согласуется с ним в падеже, но не обязательно в числе: существительные могут стоять и в ед. ч., и во мн. ч. (например, *в полуторе пу^стоши*, *в полупете постоша^х*). Есть нетривиальные особенности, касающиеся отдельных форм: так, нежелательная слоговость сонанта у слова *(в)осьмь* в том числе в составе образовавшихся из словосочетаний названий чисел 18, 80 и 800, могла преодолевать вставкой [и] после него (И.п. *восьми*, *восьминатцать*, *восьмидесять*, *восьмисотъ*) или его отпадением (*на во³деся^т че^ти*); сочетание «восемьдесят шестнадцать» (*во³деся^т шеснаца^т*), которое обозначает число 96, возможно, является отголоском двадцатеричной системы счисления.

Ключевые слова: история русского языка; количественные числительные; русская деловая письменность XVII в.

Количественные числительные пережили в истории русского языка самую радикальную на фоне слов других классов морфологическую и синтаксическую перестройку, и в XVII в. она была еще далека от завершения, т.е. в отличие от других частей речи, уже при-

Галинская Елена Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (eagalinsk@mail.ru).

ближавшихся в этот период к тому состоянию, которое мы имеем в современности, перед числительными было впереди еще много изменений до имеющейся в современном русском языке системы.

Для того чтобы получить адекватное представление о формах количественных числительных в языке того или иного периода, объем памятников письменности, по которым ведется работа, должен быть достаточно существенным, поскольку числительные не самые частотные слова, и они употребляются чаще в прямых падежах, чем в косвенных, которые как раз наиболее интересны. Материалом для настоящего исследования послужили хранящиеся в РГАДА деловые скорописные тексты общим объемом около 7000 листов. Это отказные и отдельные книги, а также челобитные грамоты в основном первой половины XVII в.¹, происходящие из Новгорода, Пскова, Великих Лук, Твери, Ржева, Вологды, Костромы, Курска и Новосили (список источников и принятые сокращения — в конце статьи). При приведении примеров указывается сокращенное наименование рукописи и через дефис номер листа, а графическая система оригиналов несколько упрощается: синонимичные буквы **я**, **а**, **та** передаются буквой **я**; **о** и **ω** — буквой **о**; **з** и **ѕ** — буквой **з**; **і** десятиричное — восьмеричным **и**; **ѣ** — буквой **ф**. В круглые скобки берутся буквы, пропущенные в сокращенных словах, в квадратные скобки — те надежно восстанавливаемые буквы, которые по тем или иным причинам в тексте не видны. Исследованный материал позволяет представить себе наддиалектную систему числительных и некоторые локальные особенности. Впрочем, многое о морфологическом и синтаксическом поведении числительных в XVII в. уже известно, см., например, [Багрянский, 1957; Дровникова, 1985; Жолотов, 2006; Галинская, 2012], да и объем журнальной статьи не позволяет продемонстрировать и прокомментировать все парадигмы, поэтому здесь будут изложены только отдельные, представляющие определенный интерес сюжеты.

Если взглянуть на систему склонения числительных первой половины XVII в. целиком, то в первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что в ней есть зоны без вариативности и зоны с существенной вариативностью. Далее это будет продемонстрировано на двух примерах.

Большой устойчивостью и отсутствием вариативности в текстах всех территорий обладает старая парадигма слова *сорок*, т.е. исконная парадигма **ѣ*-склонения с инновацией в Т.п. — окончанием женского рода *-ью*:

¹ За пределы первой половины XVII в. выходит лишь ржевская отказная книга 1658–1666 гг. и несколько новгородских челобитных 1597 г.

И–В.пп.	<i>сорокъ</i>
Р.п.	<i>сорока</i>
Д.п.	<i>сороку</i>
Т.п.	<i>сорокью</i>
М.п.	<i>сорокъ</i>

Ср. некоторые примеры из рукописей разной локализации (многочисленные формы Р.п. *сорока*, которые сохранились до сих пор, не приводятся):

к *сороку* к двѣм^м четвертям^м Пск. 8461–117, ко сту к *сороку* к о^дно^и че^{ти} Волог.–123об, к *сороку* двѣма че^тве^ртям^ъ Костр.–473об, к *сороку* к двѣмъ че^тя^м Вел. Луки–231 об, к *сороку* четыре^м че^тве^ртям^ъ Новос.–1045, к *сароку* че^тве^ртя^м Курск–256;

сорокю тремя че^тве^ртьми Новос. —186, владе^{ти} ... *сорокю* двѣма че^тве^ртьми Пск. 23351, ч. 2–19, *сорокю* че^тве^ртьми Новг. 23459–346;

о сте о *сороке* че^тхъ Пск. 23350–198, о *сороки* че^тве^ртя^х Новг.—43363, д.28, л. без номера (с характерной для новгородских рукописей заменой **ѣ** на **и**).

Путь к новой двухпадежной системе (И. — В. *сорок*, Р. — Д. — Т. — М. *сорока*) практически еще и не намечался — встретилась только одна инновационная форма Д.п.: к *сорока* к пяти че^тве^ртя^м Новос. —233об. При этом в дальнейшем этот путь был пройден быстро: в текстах XVIII в., включенных в НКРЯ (ruscorpora.ru), в **творительном** и **местном** падежах уже встречается только форма *сорока* за двумя исключениями²:

<...> плънили^ь Шарпей три судна съ *сорокью* чело^вьк^ами Мавританъ <...> [М.И. Веревкин. История о странствіяхъ вообще по всѣмъ краямъ земнаго круга. Ч. 1 (перевод книги Прево и Лагарпа, 1782)].

И хотя многие прежде думали, что человек одушевляется по *сороке* днях, но оно неправильно <...>. [В.Н. Татищев. Разговор дву приятелей о пользе науки и училищах (1733)].

Более устойчивой была форма **дательного** распределительного падежа с предлогом *по*: сочетания типа *по сороку копеек* в текстах XVIII в. встречены 24 раза при всего трех случаях сочетания *по* с формой *сорока*. Продолжало быть употребительным предложно-падежное сочетание *по сороку* и в XIX в. (34 вхождения при 69 *по сорока*). Один раз в текстах XVIII в. НКРЯ фиксирует сочетание *к сороку* при полном отсутствии *к сорока*:

<...> ибо к *сороку* молотам, кроме других работ, с 500 жителей по^требно <...>. [В.Н. Татищев. Доношение Я.В. Брюсу о целесообразности постройки нового металлургического завода на реке Исети (1721)].

² Примеры «в сороке соболей» и «на сороке соболей» (всего их в текстах XVIII в., входящих в НКРЯ, три) учитываться не могут, так как здесь слово *сорок* употреблено не в числовом значении, а в значении ‘связка’.

Возвратимся к рукописям первой половины XVII в. Парадигма слова *сорокъ*, как было сказано выше, продемонстрировала наличие зоны стабильности в склонении числительных (сюда же могут быть отнесены, например, еще и старые парадигмы слов *сто* и *девяносто*). Что же касается зоны вариативности, то ее можно проиллюстрировать на примере форм Д.п. слова *два*: *двъма, двѣмь, двумь, дву, двѣмя*.

Двъма — исконная форма Д.п., совпадавшая в двойственном числе с Т.п. Форма *двѣмь* появляется под влиянием форм *трѣмь, четыремь*. В форме *двумь* мы видим обобщение исконной формы Р. — М. падежей *дву* как основы числительного «два» (ср. совр. *двух, двум, двумя*), хотя и сама эта форма проникает в Д.п. без форманта *-мь* — *дву*. Форма *двѣмя* пришла из Т.п., где она появилась под влиянием новых форм *трѣмя, четырьмя*. Если говорить о происхождении нового форманта *-м'а* в Т.п., то здесь произошла контаминация флексии *-м'и*, исконной для числительных *три, четыре* и флексии *-ма*, исконной для числительного *два / двѣ* [Leskien, 1875: 57]. Приведем некоторые примеры употребления всех пяти форм.

двѣма

*в двумь стомь к сороку к двѣма*³ *че^тве^рте*^м Костр.—270об, *о^тделено ... двѣма дочеря*^м Тверь—177об.

двѣмь

к сороку к двѣмь четвѣртя^м Пск. 8461—117, *к пятидеся^т к двѣмь че^тве^ртя*^м Костр.—592, *к сороку к двѣмь че^тя*^м Вел. Луки—231 об, *к пятидеся^т двѣмь че^тве^рте*^м Новос.—1010, *к двѣмь че^тямь* Курск—233.

двумь

к осмидеся^т к двумь че^твѣртя^м Костр.—613об, *ко^ш тидеся^т к двумь чѣтя*^м Ржев—362об, *двумь недоро^сле*^м Новос.—534, *двумь дочере*^м Курск—322, *к двумь че^темь* Волог.—85об.

дву

ко сту к штидеся^т ко^ш дву че^тве^ртя^м Пск. 8455—543, *къ пятисоть к девяносту к дву четвѣртя*^м Костр.—1199об, *к трицоти к дву / че^тве^ртя*^м Новос. 250об/251.

двѣмя

к сороку двѣмя че^тве^ртямь Костр.—473об., *двѣмя двѣкамь* Тверь—306об.

Таким образом, все стадии развития первоначальной формы Д.п. в первой половине XVII в. на великорусской территории существовали одновременно, правда, полный набор из пяти форм представлен только в костромской отказной книге, тогда как в других рукописях вариантов меньше.

³ Во всех исследованных рукописях имеется широко распространенная в деловой письменности XVII в. замена *ѣ* на *е*, поэтому формы *двѣма, двѣмь, двѣмя* нормальны.

В текстах разных территорий встречается довольно нетривиальное явление, один пример которого уже был приведен (*двьмя*). Это проникновение формы творительного падежа в дательный падеж.

Многочисленны такие случаи в псковских текстах, где используются окончания Т.п. — *ма*, — *мя*, инновационные, впрочем, для этого падежа (например, *владе^т... пя^тма жере^би* 8455–539об, *три^тца^тю шест^тья че^твер^тми* 23351, ч. 2–255). Кроме того, в Д.п. единично отмечена флексия *-ми*, которая для Т.п. числительных в псковских текстах не зафиксирована, но она присутствует в великолукской отказной книге, отражающей соседний с псковским говор: *пя^тдеся^т дев^тми че^твер^тя^м с че^тверико^м... вла^дти* Вел. Луки–175об. Примеры форм Д.п., равного Т.п., из псковских текстов таковы:

–*ма*: *к тре^мсто^м г деся^тма че^тя^м* 8455–169, *к двусто^т к двуна^тца^тма че^твер^тямъ* 8455–575об, *к тре^мста^м ко штина^тца^тма че^твер^тя^м* 8461–695, *к двусто^м к два^тца^тма че^твер^тя^м* 8455–299об, *ко сту къ три^тца^тма че^твер^тя^м* 8455–263, 264об, *ко сту три^тца^тма че^твер^тя^м* 8455–522об, *к ня^тста^м три^тца^тма че^т* (sic) 8461–237.

–*мя*: *к чтер^тьястамъ* (sic) *к три^тца^тмя к ня^тмя че^твер^тямъ* 8461–378, *к четы^т/ста^м* (sic) *к ня^тмдеся^т к се^тя че^твер^тямъ* 8455–283.

–*ми*: *к двем^тсто^м чety^рнаца^тми че^твер^тя^м* 8461–778об.

Особо следует отметить форму *се^тя*, где произошло наложение вновь приобретенного окончания *-мя* — на основу *се^т'*.

Велико число примеров такого рода в костромской отказной книге: *к о^ммидеся^т тре^тя че^твер^темъ* 859, *к о^ммидеся^т х тре^тя че^твер^темъ* 862об, *х чety^рьма* 110об, *к двусто^т к сороку к чety^рмя че^твер^тямъ* 424об, *к пятидеся^т к чety^рмя че^твер^тя^м* 441 об, *к двусто^м х три^тцати х чety^рмя* (sic) *че^твер^тя^м* 477, *х ня^тмисто^м к семидеся^т к чety^рмя чety^рямъ* 557об, *к ня^тмя че^твер^тя^м* 572, *г десяти^тя че^твер^тямъ* 522, *к двусто^т к три^тце^тмя че^твер^тямъ* 398, *к ня^тюдесятемъ че^тмъ* 580об (sic).

Есть один такой случай в вологодской отказной книге: *ко сту к семидеся^т к чety^рьма че^тм* 625об. В тверской отказной книге помимо уже приведенного примера *двьмя двькамъ* 306об находим и *ко щидеся^т к чety^рмя че^твер^темъ* 243.

В современных псковских, вологодских, костромских и тверских говорах присутствует совпадение форм дательного и творительного падежей в форме дательного падежа во множественном числе субстантивного и адъективного склонений [ДАРЯ II, карты 41, 51]. Это явление существовало уже и в первой половине XVII в. (ср. *и с тѣмъ попамъ* Пск. 8461683, *пожалуи меня ... соро^кю пяти чety^рямъ* Пск. 23351, ч. 1–91), в связи с чем можно было бы предположить тенденцию к совпадению форм дательного и творительного падежей и у числительных, хотя и в форме творительного падежа.

Однако случаи употребления окончаний Т.п. в Д.п. числительных находим и в текстах, происходящих с тех территорий, где совпадения Д.п. и Т.п. в именном и адъективном склонении нет: четыре примера в ржевской отказной книге: *к пѣтя чѣвѣртя*^М 38, *к двустамъ к девеносту к пѣтя чѣвѣртя*^М 201 об, *к трицемя к оми чѣвѣртя*^М 184об, *к трицемя к оми чѣвѣртя*^М 190об — и два примера в курской отказной книге: *к двацама чѣвртя*^М 263, *всьмъ чѣвръмя члѣво*^М 19. Здесь нельзя подозревать влияние склонения существительных и прилагательных, так что следует искать другое объяснение, которое работало бы и для остальных диалектов. Возможно, окончания *-ма*, *-мя*, имевшиеся в Т.п. у слов *два*, *три*, *четыре* (ср. с *двѣма насы^нки* Курск—277об, *з двѣма дочерми* Курск—321 об, *с трѣма дѣвками* Курск—215об, *с трѣма с(ы)ны* Ржев—342об, *с трѣма чѣми* Тверь—190об, *влѣдѣ ... чѣвръмя жерѣ*^б и Пск. 8455—539об) и проникавшие в другие числительные (ср. *трица^тю шѣствья чѣвѣртми* Пск. 23351, ч. 2—255, *трѣмста^{ми} трица^тма четми* Пск. 23350—200; *пожалуи ... трица^тмя чѣ^т и двумя* Пск. 23350—188, *с трица^тмя с пѣтя чѣвѣртя* Тверь—242), оказались сильными, так что иногда попадали в Д.п., что поддерживалось сохранением до какой-то степени в этом падеже древнего окончания двойственного числа *-ма* и приобретенного окончания *-мя* в формах *двѣма*, *двѣмя*, о которых речь шла выше.

Деловые тексты дают интересные данные относительно половинного счета, то есть образований с *пол-*, обозначающих дробные числа (элемент *пол-* в сочетании с именной формой порядкового числительного, стоящего в Р.п.). В XVII в. эти тексты демонстрируют богатство подобных образований, которые используются как в И. — В. пп., так и в некоторых косвенных падежах, например:

И. — В. пп.: *по^ттора четверица* Пск. 8455—445об, *на по^тторы десятины* Пск. 8455—77, *по^ттре^ти версты* Волог. — 566, *по^ттре^ти десятины* Курск—249, *по^тчѣвѣрты вы^т* Пск. 8455—9, *по^тчѣвѣрты десятины* Пск. 8455—469, *по^тпѣты десятины* Пск. 8461—701, Костр. — 1024, *по^тшѣсты десятины* Пск. 8455—193, Волог. — 627, *по^тшѣсты ко^пны* Тверь—392об, *по^тсемы др^вни* Волог. — 26, *по^тсемы ко^пны* Волог. — 742об, *по^твосмы десятины* Пск. 8455—464об, *на полосмы десятины* Пск. 8461—640, *полосмы ко^пны* Волог.—110, *по^т[де]вѣты дѣсятны* Пск. 8461—483об, *по^тдѣвѣты ко^пны* Волог.—42, *по^тдѣсѣты* (sic) *ко^пны* Волог.—43об, *по^ттре^тинацеты ко^пны* Волог. — 743об, *по^тшѣствына^тца^ти др^вни* Пск. 8455—168об, *по^ттре^тяца^т чѣ^т* Волог.— 9об и т.д.

Эти слова легко встраивались в составные числовые наименования: *двѣсте сорок по^тшѣсты чѣ^т* Пск. 23350—86, *дваца^т по^ттре^ти десятины* Пск. 8455—355об, 464об, 361, *на дваца^т на по^ттре^ти десятины* Пск. 8455—462об, *сто сорокъ по^ттре^ти ко^пны* Костр.—251 об, 252,

сто сорокъ по^лтре^ти ко^пны Костр.—253об, *худые зе^мли два^тце^т по^лтре^ти чети* Костр.—510об, *сто во^смидеся^т по^лтары ко^пны* Тверь—313, *два^тца^т по^лторы че^ти* Волог. —355об, *се^мдеся^т по^лдесяты ко^пны* Волог.—566, *пя^тдеся^т по^лчет^верты ко^пны* Волог.—355.

В И. — В. пп. сохраняется древний синтаксис: исконно слово *поль* управляло существительным и требовало от него Р.п. ед.ч., а именная форма порядкового числительного согласовывалась с существительным (например, *поль въторы гривны*). В косвенных же падежах ситуация оказывается сложнее и с точки зрения морфологии, и с точки зрения синтаксиса. Приведем сначала формы, встреченные в текстах.

Р.п. *с(ы)нѣ... полтора го^лу* Новос.—373об, *с(ы)нѣ ... полтора года* Новос.—376, *не дошло ... полтору о^сми^н пашни* Пск. 8455—38, *получе^тв^ерта сажня* Курск—734.

Д.п. *по полутре^ти десятины* Новос.—50, *по полутре^тятца^ти че^тв^ерте^н* Пск. 23350—56.

Т.п. *с полоторымъ четверико^м* Тв. 16061—243, *полупо^рмя о^бжа^м* Новг. 43280—117, *пожалова^л ... полутре^тя стами чети* Пск. 23351, ч. 1—48.

М.п. *в полупоре пу^стоши* Тверь—265, *в полупоре жере^би* Костр. —511, *в полупете постоша^х* Тверь—266.

Грамматические особенности здесь таковы.

1) В Т.п. у слова *полтора* бывает два окончания — адъективное окончание мужского / среднего рода *-ымъ* (*полоторымъ*) и приобретенное под влиянием форм *двумя*, *тремя* внеродовое окончание *-мя* (*полупо^рмя*).

2) Компонент *пол-* всегда стоит в форме *полу-* (генетически Р. — М. пп.).

3) Второй компонент только в одном случае имеет закономерную форму исконно родительного падежа: <пожаловал> *полутре^тя стами чети* Пск. 23351, ч. 1—48.

4) Обычно второй компонент получает окончание падежа, которого требует управляющий глагол или предлог от существительного и, следовательно, числительное согласуется в падеже с этим существительным. Но в числе согласование присутствует не всегда: у числительного бывают только окончания единственного числа, а существительные могут стоять и в единственном, и во множественном числе.

Существительные в единственном числе:

Р.п. *полтора го^лу* Новос.—373об, *сѣ^б... полтора года* Новос.—376, *получе^тв^ерта сажня* Курск—734.

Д.п. *по полутре^ти десятины* Новос.—50.

Т.п. *с полоторымъ четверико^м* Тверь—243.

М.п. в полупоре *пу^стоши* Тверь—265, в полупоре *жере^би* Костр.—511.

Существительное в множественном числе:

Р.п. <не дошло> *полупору о^сми^н паши* Пск. 8455—38.

Д.п. по полупре^тятца^{тн} *че^тве^рте^н* Пск. 23350—56.

Т.п. <пожаловал> *полупо^рмя о^бжа^{мн}* Новг. 43280—117, <пожаловал> *полупре^тя стами чети* Пск. 23351, ч. 1—48.

М.п. в полупете *постои^а*^х Тверь—266.

Числительные с первым компонентом *пол-* до какой-то степени сохранялись в XVIII в. М.В. Ломоносов упоминает о них в «Российской грамматике» и приводит парадигмы склонения, которое отличается от того, которое было в XVII в.: «*Полтора, полтретья, полдесята* и протч^я, также *оба, двое, трое, пятеро, десятеро* склоняются, какъ прилагательныя во множественномъ числѣ»:

Им.	<i>полтора</i>	<i>полтретья</i>
Род.	<i>полупорыхъ</i>	<i>полупретыхъ</i>
Дат.	<i>полупорымъ</i>	<i>полупретьимъ</i>
Вин.	<i>полтора</i>	<i>полтретья</i>
Твор.	<i>полупорыми</i>	<i>полупретьими</i>
Пред.	<i>полупорыхъ</i>	<i>полупретыхъ</i>

[Ломоносов 1755: 103].

Но поиск по НКРЯ показывает, что на самом деле в XVIII в. употребительна была форма косвенных падежей *полупора*: 20 вхождений в Р.п., 10 — в П.п., 2 — в Т.п., причем сам же Ломоносов тоже употреблял эту форму:

Хлебную печь делать выше полупора аршина, <...> [М.В. Ломоносов. Лифляндская экономия (перевод) (1747)] (ruscorpora.ru).

Впрочем, есть у него и форма Р.п. *полупорых*: «... о древности довольное и почти очевидное увѣреніе имѣемъ в величествѣ и могуществѣ Славенскаго племени, которое больше **полупорыхъ** тысячь лѣтъ стоитъ почти на одной мѣрѣ» [Ломоносов, 1766: 12]⁴.

В значении П.п. форму *полупорых* НКРЯ один раз фиксирует в тексте начала XVIII в.:

В полупорых милях от Шверина, получа помянутой генерал-маеор от герцога указ, маршировал с полками мекленбургскими конными и двумя российскими пехотными, <...> [А.М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698—1721)].

А в конце XVIII в. 43 формы Р. и П. пп. *полупорых* обнаруживаются в разных произведениях у одного и того же автора — П.И. Челищева («Послание в Российскую академию» 1793 г., «Дневник П.И. Чели-

⁴ Благодарю Г.А. Молькова за указание на этот пример.

щева» 1791 г., «Путешествие по северу России в 1791 году» 1791 г.). Еще 10 вхождений находим в НКРЯ в текстах XIX–XX вв.

Приводимых Ломоносовым форм Д. и Т. пп. *полоторым* и *полоторыми* в НКРЯ не обнаруживается, равно как и никаких форм косвенных падежей с постулируемыми им окончаниями от остальных числительных, хотя в прямых падежах в имеющихся в корпусе текстах XVIII в. слова *полчетверта*, *полпята*, *полшеста*, *полосьма* и *полдесята* встречаются, но в абсолютно единичных случаях. Однако в картотеке Словаря русского языка XVIII в., подборку примеров из которой приводит Г.А. Мольков, отдельные формы косвенных падежей от этих слов есть, но это формы типа *от полчетверта*, *в полутретье* [Мольков, 2016: 128–120].

Ломоносов знал форму *полоторых*, которая, как мы видим, sporadически употреблялась в том числе им самим, и как можно полагать, искусственно достроил всю парадигму этого слова с окончаниями множественного числа, а заодно создал парадигму *полутретьих*, *полутретьим* и т.д.

Примечательно, что НКРЯ демонстрирует пять случаев употребления числительного *полтретья* в текстах XIX в. (но один из них фольклорный) и в одном случае оно употреблено в позиции Р.п., причем склонение первой части уже утратилось: *Какой молодой человек, в свою очередь, не увлекался славой выпивания полтретья ведра?* [А.А. Фет. Из деревни. 4 (1871)] (ruscorpora.ru).

Следующим интересным явлением, наблюдаемым в текстах первой половины XVII в., можно считать sporadическое проявление влияния соседних форм одна на другую. Известно, что члены числового ряда испытывали взаимовлияние: так, слова *семь* и *осмь*, относившиеся к акцентной парадигме *b*, стали вести себя, как слова акцентной парадигмы *c*, к которой принадлежали *пять* и *шесть*, то есть получили конечное ударение в Т.п. (*семью́*, *осмью́*) и приобрели способность отдавать ударение предлогу (*на́ семь*, *на́ восемь*), а слово *десять*, исконно изменявшееся по консонантному склонению, сблизилось морфологически со словами склонения на *-ĭ, обозначающими числа от пяти до девяти. В текстах первой половины XVII в. эта тенденция имеет свойство расширяться, так что друг на друга sporadически влияют числительное и стоящее рядом существительное или части составного числительного. Перед тем, как приводить примеры, напомним, что в первой половине XVII в. слова, обозначающие числа 50, 60, 70, 80, устойчиво демонстрируют древнюю особенность, унаследованную от породивших их словосочетаний: в них склоняется только первая часть, а вторая, бывший Р.п. мн.ч. от слова *десять*, сохраняется в виде *-десять* [Багрянский 1957: 34–36; Дровникова 1985: 61–63]. Это наблюдается

и в исследованных рукописях, например, *к пятидеся^т че^тве^ртя^м* Новос.—741, *за пя^тюдеся^т че^тве^ртми* Новос.—1069. Но ср. написания: *ко сту ко щидесятемь четв^ртя^м* Новос.—835об, *ко стук сор[]* (конец строки, обрыв) *ко стидесяте^м* (sic) *че^твертмь* (sic) Новос.—839, *к пя^тюдесятемь че^тмь* Костр.—580об. Очевидно, что окончание *-ем* у числительного появляется под влиянием окончания с формантом *-м-* у находящегося в той же синтагме существительного. Есть и обратные случаи: с *три^ца^тмя с пя^ти че^тве^ртмя* Тверь—242, *к трице^тмя к о^сми че^тве^ртмя* Ржев—190об, где окончание числительного влияет на окончание существительного. Имеется также пример влияния частей внутри составного числительного: *кг* (sic) *двѣстя^м четыре^м* че^тве^ртя^м Костр.—400об.

И, наконец, продемонстрирую некоторые нетривиальные локальные особенности, которые касаются отдельных форм.

В северо-восточной зоне числительное, обозначающее число 14, может сохранять в первом компоненте древнюю форму «четыре»: *четырена^тце^т коп^е* Волог.—381, 455, *четырена^тца^т дворо^в* Волог.—469об, *четыренаца^т че^т* Волог.—628, *сто четырена^тца^т че^ти* Костр.—517, *а на ту на сто четырена^тца^т че^ти* Костр.—517.

Материал показывает, что по говорам могла по-разному преодолевать нежелательная слоговость сонанта у слова *(в)осьмь* — в том числе, когда оно становится компонентом образовавшихся из словосочетаний числительных *(в)осьмнадцать*, *(в)осьмдесять*, *(в)осьмсоть*. Распространенный сейчас вариант со вставным гласным перед сонантом (*восемь*), который, кстати, встречается в рукописях первой половины XVII в. крайне редко (например, *восе^мдеся^т* Псков 8455—175), оказалась не единственным.

В псковских рукописях находим вставной гласный после сонанта: *твою г(о)^с(у)д(а)р(е)ву службу служю восми лѣтъ* 23350—113, *триста ше^стдеся^т восми че^ти* 23351, ч. 2—63;

сѣна восмина^тца^т коп^ень 8461—698, *о^смина^тца^т че^ти* 8461—185;

осталос ... триста восмидеся^т три че^ти 23351, ч. 2—63, *сѣна восмидеся^т коп^е* 8455—130об, *отделено... всего... восмидеся^т че^ти* 8455—85об, дано *во^смидеся^т че^ти* 23350—100 (2 р.), *восмидеся* (sic) *коп^ень* 378об, *восмидѣся^т саж^е* 482, *всего ... восмѣсо^т восмидеся^т че^ти* 23351, ч. 1—138, *во^смидеся^т пя^т че^ти* 23351, ч. 2—19, *триста восмидеся^т че^ти* 23351, ч. 2—83, *двести восмидеся^т три че^ти* 23351, ч. 2—51.

в восмисо^т че^тве^ртеи 8455—8, 9.

Подобный случай зафиксирован и в тверской отказной книге: *сто во^смидеся^т по^ттары ко^пны* Тверь—313.

Другой путь устранения слоговости сонанта отражается в новосильской отказной книге: происходит отпадение сонорного, аналогичное диалектному отпадению конечного l-epentheticum в словах типа *ру[п']* из *рубль*, *кора[п']* из *корабль*, *жура[ф']* из *журавль*,

т.е. появляется *во[с']* из *восмь*. Правда, зафиксирована такая форма только в составе числительного, обозначающего число 80:

на *во³деся^Т че^и* Новос.—445об, на *воздеся^Т че^и* Новос.—446об, *четыряста во³деся^Т шеснаца^Т копе^и* Новос.—379, *четыряста [в]о³десе^Т шеснаца^Т копе^и* Новос.—380 (в последнем случае буква **в**, взятая здесь в скобки, скрыта в начале строки переплетом рукописи). Эти написания со всей очевидностью показывают, что сонорный согласный действительно выпал, раз предшествовавший ему [с] (или [с']) подвергся ассимилятивному озвончению.

Небезынтересно в этом плане написание *сто во³мдеся^Т че^и* Волог.—357bis. Возможно, здесь соединилось реальное произношение без сонорного со звонким шумным перед [д'] и орфографически правильное написание с **м**.

Стоит обратить внимание и на необычность сочетания «восемьдесят шестнадцать» (*во³деся^Т шеснаца^Т* Новос. —379, *[в]о³десе^Т шеснаца^Т* Новос.—380), которое обозначает число 96. Не исключено, что это отголосок двадцатеричной системы счисления, пример которой мы находим во французском языке: 80 — quatre-vingts (4 раза по 20), 96 — quatre-vingt-seize (80+16). Последний случай точно соответствует обнаруженному в южнорусской по происхождению новосильской отказной книге первой половины XVII в. сочетанию «восемьдесят шестнадцать».

Список источников и принятые сокращения

- Вел. Луки — Отказные, отдельные и т.д. книги по Великолуцкому уезду 1616–1637 гг. (641 л.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8367.
- Волог. — Отказные, отдельные и т.д. книги Вологодского уезда 1620–1634 гг. (745 л.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 14821.
- Костром. — Отказные, отдельные и т.д. книги Костромского уезда 1619–1634 гг. (1319 л.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 11086.
- Курск — Отказные, отдельные и т.д. книги Курского уезда 1630–1654 гг. (897 л.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 15648.
- Новг. 23280–27 челобитных 1597 г. из Новгородского уезда — РГАДА, ф. 1209, оп. 1246, ст. № 43280.
- Новг. 23459–32 челобитных 1626–1629 гг. из Новгородского уезда — РГАДА, ф. 1209, оп. 1243, ст. № 23459.
- Новг. 43363–82 челобитных 1622 г. из Новгородского уезда — РГАДА, ф. 1209, оп. 1246, ст. № 43363.
- Новос. — Отказные, отдельные и т.д. книги Новосильского уезда 1625–1652 гг. (1092 л.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8994.
- Пск. 23350–26 челобитных 1627 г. из Псковского уезда — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23350.
- Пск. 23351–58 челобитных 1628 г. из Псковского уезда — РГАДА, ф. 1209, оп. 1253, ст. 23351 (ч. 1 и 2).

- Пск. 8455 — Псковская отдельная книга 1618–1623 гг. (599 л.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8455.
- Пск. 8461 — Псковская отдельная и отказная книга 1613–1658 гг. (только черновые записи с 1626 по 1649 г. — всего 182 л.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 8461.
- Ржев — Отказные, отдельные книги Ржевского уезда 1658–1666 гг. (704 л.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 12381.
- Тверь — Тверская отказная книга 1627–1643 гг. (549 л.) — РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 16061.

Список литературы

1. *Багрянский И.М.* Имячислительное в русском языке XI–XVII вв. // Труды Узбекского государственного университета. Новая серия. Вып. 71. Самарканд, 1957. С. 1–99.
2. *Галинская Е.А.* Склонение количественных числительных в псковском диалекте первой половины XVII века // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (22). С. 186–203.
3. Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. II. Морфология. М., 1989.
4. *Дровникова Л.Н.* История числительных в русском языке. Владивосток, 1985.
5. *Жолобов О.Ф.* Числительные. Историческая грамматика древнерусского языка. Т. IV. М., 2006.
6. *Ломоносовъ М.* Россійская грамматика. СПб., 1755.
7. *Ломоносовъ М.* Древняя Россійская исторія от начала Россійскаго народа до кончины Великаго князя Ярослава Перваго или до 1054 года. СПб., 1766.
8. *Мольков Г.А.* История слова *пол* ‘половина’ в русском языке XVIII в. (по материалам картотеки «Словаря русского языка XVIII в.») // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 115–142.
9. *Leskien A.* Das russische двумя, тремя, четырьмя // Archiv für slavische Philologie. Bd. I, Heft 1. Berlin, 1875. S. 56–59.

Elena Galinskaya

CARDINAL NUMERALS IN THE BUSINESS STYLE DOCUMENTS OF THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article examines some of the features of cardinal numerals reflected in Russian business style documents of the first half of the 17th century. In the

declension system of numerals of this period, there were zones without variability and zones with significant variability. A remarkable fact seems to be the penetration of both the original and innovative forms of the instrumental case into the dative case. Of particular interest are such words as *poltora* ‘one and a half’, *poltritya* ‘two and a half’, and *polchetverta* ‘three and a half’. In the 17th century they had specific morphology and syntactic compatibility. There are unusual particularities of some forms. For example, Nom. — Acc. *vosmi* ‘eight’, *vosminatsat* ‘eighteen’, *vosmidesyat* ‘eighty’, *vosmisot* ‘eighty hundreds’ show that the undesirable syllabic character of the sonorant was overcome by inserting the vowel [i] after it. Another way to achieve the same effect is to eliminate the sonorant: *vozdesyat* ‘eighty’. An unusual designation for the number 96 was found: *vozdesyat shesnatsat* ‘eihgty sixteen’, which could have been an echo of the 20-digit number system.

Key words: history of the Russian language; cardinal numerals; Russian business style writing of the 17th century.

About the author: *Elena Galinskaya* — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: eagalinsk@mail.ru).

References

1. Bagryanskii I.M. Imya chislitel'noe v russkomazyke XI–XVII vv. [Numerals in Russian of 11th–17th centuries]. *Trudy Uzbekskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya* [Proceedings of the Uzbek State University. New series]. Issue 71, Samarkand, 1957, pp. 1–99. (In Russ.)
2. Galinskaya E.A. Sklonenie kolichestvennykh chislitel'nykh v pskovskom dialekte pervoj poloviny XVII veka. [Declension of numerals in the Pskov dialect of the 1st half of the 17th century] *Russkijazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2011a. № 2 (22), pp. 186–203. (In Russ.)
3. *Dialektologicheskij atlas russkogoazyka* (Centr evropejskoj chasti SSSR). Karty. Vypusk II. Morfologiya [Dialectological atlas of Russian (Center of the European part of the USSR). Maps. Issue II. Morphology]. Moscow, 1985. (In Russ.)
4. Drovnikova L.N. *Istoriya chislitel'nykh v russkomazyke*. [The history of numerals in Russian] Vladivostok, Far Eastern University Publ., 1985, 112 p. (In Russ.)
5. Zholobov O.F. Chislitel'nye. Istoricheskaya grammatika drevnerusskogoazyka [Numerals. The historical grammar of old Russian]. Vol. IV. Moscow, *Azbukovnik Publ.*, 2006, 360 p. (In Russ.)
6. Lomonosov M. *Rossiiskaya grammatika*. [Russian grammar] Saint Petersburg, 1755. (In Russ.)
7. Lomonosov M. *Drevnyaya Rossiiskaya istoriya ot nachala Rossiiskago naroda do konchiny Velikago knyazya Yaroslava Pervago ili do 1054 goda*. [Ancient Russian history from the beginning of the Russian people to the death of the Grand Duke Yaroslav the First, or until 1054]. Saint Petersburg, 1766. (In Russ.)

8. Mol'kov G.A. Istoriya slova pol 'polovinA' v russkom yazyke XVIII v. (po materialam kartoteki "Slovarya russkogo yazyka XVIII v."). [The history of the word "half" in the Russian language of the 18th century (based on materials from the card index of the "Dictionary of the Russian Language of the 18th Century")]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2016. № 2 (32). S. 115–142. (In Russ.)
9. Leskien A. Das russische двумя, тремя, четырьмя. *Archiv für slavische Philologie*. Bd. I, Heft 1. Berlin, 1875, S. 56–59.

М.Н. Шевелёва

О КОНКУРИРУЮЩИХ КОНСТРУКЦИЯХ В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОЖНОГО БУДУЩЕГО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается вопрос об основных тенденциях в процессе формирования сложного будущего в русском языке от раннедревнерусской эпохи до нового времени. Показано, что в восточнославянской зоне развитие по пути грамматикализации получают не модальные конструкции, а начинательные. Древнерусские конструкции с глаголом *хотьти* имели значение проспектива — они либо остались с тем же значением по говорам, либо утратились; модальные конструкции с глаголом *имъти* в живом языке отсутствовали. Конструкции с глаголами с корнем *-чьн-* использовались для обозначения наступления новой ситуации, отличаясь от современного употребления не собственно фазовой семантикой. В старорусскую эпоху конкурируют конструкции с начинательным значением с глаголами *иму* (от *яти* ‘схватить’), *почну/начну/учну* и *стану*, из которых самым перспективным оказывается *иму*, грамматикализовавшийся в части говоров. Вытеснение *иму* конструкцией с *буду* можно связывать с большими возможностями *буду*, также обозначающим наступление новой ситуации, но не акцентирующим контраст с настоящим.

Ключевые слова: древнерусский язык; старорусский период; сложное будущее время; модальность; начинательность; грамматикализация.

1. В последние годы интерес к проблеме формирования сложного будущего в истории русского языка заметно оживился. Появились как работы, посвященные специфике семантики и употребления инфинитивных конструкций так называемого «сложного будущего» в языке древнерусских памятников [Юрьева, 2009; 2010; 2011; Шевелева, 2017, 2019 и др.], так и исследования перифрастических оборотов с референцией к будущему в языке памятников старорусской эпохи — периода, когда идет активный процесс выбора из

Шевелёва Мария Наумовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mnsheveleva@mail.ru)

конкурирующих вариантов и грамматикализации сложного будущего [Молдован, 2010; Пенькова, 2019 и др.]. Проблемы формирования сложного будущего в русском языке занимают важное место в наследии Г.А. Хабургаева: именно он убедительно показал, что так называемое будущее сложное I древнерусских текстов — это не грамматическое будущее, а модальные конструкции, каждая со своим значением, и референция к будущему здесь вторична по отношению к модальной семантике и не всегда обязательна [Горшкова, Хабургаев, 1981: 293–295; Мустафина, Хабургаев, 1985]. Новейшие исследования в этой области базируются на идеях Г.А. Хабургаева — сейчас мы уже неплохо продвинулись по пути понимания специфики семантики конструкций «будущего сложного I» древнерусских текстов и механизмов ее развития. По поводу позднерусского и старорусского периодов Г.А. Хабургаев пишет о тенденции к формализации *иму* как показателя будущего времени, которая и реализовалась во многих вост.-слав. диалектах (украинских и в украинском литературном языке, а также русских, в особенности северо-восточных — ярославских, костромских, вологодских и др.) [Горшкова, Хабургаев, 1981: 321–322]. С XV в. появляются или активизируются другие конкуренты на грамматикализацию в будущее: *стану*, *учну/почну*, позднее из западных говоров распространяется конструкция с *буду*, которая и вытесняет в говорах Центра и в Москве «еще не завершившую свое формирование в качестве аналитической формы конструкцию *иму*+инфинитив» [там же: 325]. Г.А. Хабургаев говорит о нерешенности проблемы путей грамматикализации конструкции *буду* + инфинитив.

Недавние исследования на материале НКРЯ значительно продвинули нас по пути знания данных о динамике соотношения конкурентов на формализацию в будущее в памятниках XIV–XVII вв. [Молдован, 2010; Пенькова, 2019 и др.]. Однако во многом нерешенным остается вопрос о том, как произошел переход от раннедревнерусского состояния системы к позднерусскому, каково место конструкций с *иму* среди конкурирующих вариантов в старорусскую эпоху, какими семантическими и грамматическими причинами может объясняться стремительная победа *буду*-конструкции и вытеснение ею прочих конкурентов, доминировавших еще в XVI и даже в XVII вв. На базе историко-лингвистических исследований последних десятилетий и с учетом новейших исследований грамматической и семантической специфики современного русского аналитического будущего [Стойнова, 2016; 2019] можно выявить, как кажется, некоторые общие тенденции в процессе формирования сложного будущего в русском языке.

2. Инфинитивные конструкции с *хотѣти*, *имѣти*, *почати* (*начати*) раннедревнерусских памятников, несомненно, не представляли собой аналитического будущего.

Конструкция *хочю* + инфинитив выражала значение, развившееся на базе модального значения намерения: это значение ситуации, которая вот-вот произойдет, применительно к ст.-сл. текстам очень удачно было предложено А.А. Козловым трактовать как **проспектив** — маркирование подготовительной стадии ситуации [Козлов, 2014]. То же значение представлено у *хочю*-конструкций и в вост.-слав. текстах (см. [Юрьева, 2009: 15–17; Шевелева, 2017: 196–202]): на базе значения намерения метафорически развивается значение назревающей ситуации — проспектива (‘желание’ → ‘намерение’ → ‘проспектив’).

Именно такие контексты традиционно рассматривали как будущее время, поскольку первичное значение глагола *хотѣти* здесь утрачено, однако то же проспективное значение *хочю*-конструкций может быть и в прошедшем времени, и в формах причастий. Ср. типичные примеры из ранних памятников: *Се оуже хочемъ померети ѿ глада, а ѿкнѣзѣ помочи нѣту* (ПВЛ, 997 г., Лавр., л. 44=Ипат., л. 48); *Глѣбъ же возма топоръ подъ скуто^м приде к волхву и ре^ч юму. То вѣси ли что ѡтро **хочеть быти** и что ли до вечера* (ПВЛ, 1071 г., Лавр, л. 61 = Ипат., л. 67 = НПЛмл, л. 94об.); *Зимѣ бо велицѣ наставиши и мразоу лютѣ наставиши сѣи^с всѣмъ родѣ плотныи ѿ бѣды зимныа **хотѣше издыхати*** (ЖАЮ, Сол.13, 642–643); *И прѣже поидеть дѣхъ сущиши в немъ съ громомъ.путь творѣ водамъ **хотѣщимъ прити** на облацѣхъ* (ЖАЮ, Тип. 53в, 4269–4271) и др.

В вост.-слав. языках, в отличие от южнославянских, эта сложившаяся на базе сочетания с модальным глаголом проспективная конструкция развития в будущее время не получает — она так и остается проспективом, в части говоров живым и поныне, а в остальных утрачивается. Ср. диалектные примеры из записей XIX–XX вв.: *На дворе **хочет морозить*** (мценск.), *Ни захварать ли **хочити**?* (д. Гнилуше Моск.уезда) [Чернышев, 1970: 257–258]; ср. совр. арханг.: *день **хочет быть** хорошим; лук уши **хочот** гинуть* и др. (КАОС [Юрьева, 2009: 125]); ср. примеры из литературных текстов XIX в.: *Она приветствий двух друзей / Не слышит, слезы из очей / **Хотят** уж **капать**...* (Пушкин, Евгений Онегин, гл. V, XXX); *Изба **завалиться** **хочет**, того и гляди **убьет** кого* (Л. Толстой, Воскресение, ч. II, гл. 4) и др. [Чернышев, 1970: 258].

Таким образом, принципиальных изменений в грамматическом статусе этой конструкции в истории русского языка не произошло — она либо сохраняется в своем прежнем статусе по говорам, либо утрачивается.

Конструкция *имать* + инфинитив в вост.-слав. зоне известна только в книжных текстах. Ее модальное значение «неизбежности, неотвратимости» наступления указанной ситуации [Горшкова, Хабургаев, 1981: 294; Мустафина, Хабургаев, 1985: 25–28; Юрьева, 2011: 68–74; Шевелёва, 2017: 204–215] — значение внешней необходимости — развилось на базе посессивного значения ‘обладать’ формирующего эту конструкцию глагола *имѣти*. Ср. характерные примеры: *Аще ли сего не створимъ погубити ны имать Сѣтославъ неизбежно погубитъ* (ПВЛ, 968 г., Лавр., л.19об.–20 = Ипат., л.26об. = НПЛмл, л.37об.); *И прислаша Торци къ Сѣтополку гл҃ше. Аще не пришеши брашна предатисѧ има^ни ‘вынуждены будем сдаться’* (ПВЛ, 1093 г., Лавр., л.73об. = Ипат., л.81об.); *И ре^ни юму иди в Русь шпѣть и буди бл҃гѣвльнѣ ѿ Сѣтыя Горы. и ре^ни юму тако ѿ тебе мнози черньци быти имуть* (ПВЛ, 1051 г., Лавр., л. 53) — пророчество о том, что непременно совершится. По всей видимости, отсутствие этих оборотов в некнижных текстах связано с нехарактерностью для живого др.-рус. языка самого глагола *имѣти* в значении ‘обладать, habere’ — господствующей конструкцией обладания в вост.-слав. диалектах была конструкция с глаголом *быти* типа *оу мене есть*, о чем свидетельствуют бытовые грамоты и другие некнижные тексты с самого раннего времени (см. подробнее [Шевелёва, 2019]). Вероятно, с отсутствием в живом употреблении глагола *имѣти* ‘habere’ связано и отсутствие конструкций с *имать*: видимо, их в ранних вост.-слав. диалектах просто не было — в отличие от ю.-славянских, где был и глагол *имѣти*, и модальные *имать*-обороты, впоследствии грамматикализовавшиеся в будущее время. Поэтому говорить об утрате *имать*-оборотов живым др.-рус. языком или какой-то их эволюции, как кажется, нет оснований — это всегда был книжный церковнославянизм. *Иму*-конструкция с ним непосредственно не связана (см. ниже).

Конструкции *почьноу* / *начьноу* + инфинитив употребительны и в ранний период, и впоследствии в старорусский. Они обозначают начало существования некоторой новой ситуации. Важное отличие их семантики от семантики тех же сочетаний в совр.рус. языке состоит в том, что *почати* / *начати* могли сочетаться и с глаголами, обозначающими не членимые на фазы ситуации, — состояния, отношения, бытия и под. (*лежати, стояти, хотѣти, знати, быти* и др.) [Юрьева, 2010: 274–283], а значит не были собственно фазовыми глаголами в узком смысле слова (в понимании [Падучева, 2004: 179–189]), так как все сочетание обозначало не начальную фазу некоторого процесса, а наступление ранее не существовавшей ситуации как таковой. Именно это свойство создает у современного читателя иллюзию формализации *начьну* / *почьну* таких сочетаний в показатель будущего, однако точно так же эти конструкции обозначают наступление новой ситуации и в прошлом, ср. примеры: *даже которыи*

кнѧзь по моѧемь кнѧженнѧ **почънетъ хотѣти ѡтати** оу стѧго Геѡргѧа. а Бѣ боуди за тѣмь и стѧга бѣа и тѣ стѣи Геѡргѧи (Мстислав.грам. ок.1130 г.); **И тако*** поклонихсѧ трижды **начахъ стоати и зрѣти емь** на лѣпоть (ЖАЮ, Сол., л.23об, 1021); **По ошествиѧ же сотонинь стѣцъ нача мочити слезами лице свое нача молчати** на многы часы (ЖАЮ, Сол., л. 169, 5935); и самъ **поча владѣти** Пльсковомь с нѣмци (НПЛст, 1240 г., л. 127об).

Сочетания с *почати* (*начати*) очень употребительны для обозначения наступления новой ситуации и цепочки последовательных событий как в прошлом, так и в будущем на протяжении всей древнерусской и старорусской эпохи, и отличная от современного языка специфика их аспектуального значения сохранялась очень долго (о сохранении глаголами с корнем *-чън-* в старорусскую эпоху нефазовой семантики см. ниже, 4). Однако грамматическим будущим они не были и в истории русского языка так и не стали.

3. Важное событие в истории формирования сложного будущего в вост.-слав. диалектах — появление в XIII в. конструкций *иму* + инфинитив (впервые фиксируются в смоленских грамотах XIII в. и в Волынской и Суздальской летописях за XIII в. [Юрьева, 2011: 76–86]). Есть все основания полагать, что *иму*-конструкция не связана с эволюцией модальной конструкции с *имамь* — как мы уже говорили, специфически книжной — и, вообще с глаголом *имѣти*: ее основу составляют формы глагола *тати* ‘взять, схватить’. Именно на базе значения ‘схватить’ у конструкций с *иму* развивается значение наступления новой ситуации, которое впоследствии может грамматикализироваться в значение будущего. Обратим внимание, что это также значение из сферы начинательности, близкое к значению конструкций с *почати*, — не случайно А.А. Потебня называл *иму*-обороты «будущим начинательным», подчеркивая необходимость отличать их от модальных оборотов с *имамь* [Потебня, 1888: 366]. Др.-рус. конструкции *иму* + инфинитив никогда не имели модальной семантики — они обозначали наступление новой ситуации.

Глагол *тати-иму* вполне употребителен в др.-рус. языке, причем особенно часто он встречается в памятниках (и в летописях, и в грамотах) не в нейтральном значении ‘взять’, а в значении ‘схватить, поймать’ — видимо, он обнаруживает тенденцию к специализации на этом значении и, вероятно, именно на базе значения ‘схватить’ развивается начинательное значение *иму*-конструкций: так же, как значение ‘взять’→‘начать’¹, но с дополнительным семантическим компонентом внезапности и контраста с настоящим.

¹ Развитие значения ‘взять что-л. делать’→‘начать что-л. делать’ хорошо известно в вост.-слав. диалектах, ср.: *Он ѡво взялъ бить* арх., *горошина взяла расти* волог. и под. [АОС, 4: 81; СРНГ, 4: 271] — см. подробнее [Шевелева, 2017: 212; 2019: 46].

Показательно, что в текстах, где отмечены старейшие примеры конструкций *иму* + инфинитив, встречаются и формы *иму* в свободном употреблении в значении ‘схватить’, ср. в смоленских грамотах: *Которыи роусинъ или латинескыи имѣть татѧ надъ тѣмъ юмоу свога вѣлѧ камъ кѣо хочеть тамъ дѣвѣть* ‘поймает вора’ (Смол.грам.1229 г., готландская ред., списки А, С, В [СГ: 23, 28, 33]); *Аже оударить по лицу или за волосы иметь или батогомъ шибеть. платити бесъ четверти гривна серебра* ‘за волосы схватит’ (Смол. грам., рижская ред., списки Е, Д [СГ: 40, 36]) — ср. в сочетаниях с инфинитивом: *Или немѣчскыи гость иметь сѧ бити межю собою мѣчи в Роуси или соулицами кнѧзю то не надобе никакому роусиноу. ать правѣть сѧ сами по своему соуду* (Смол.грам., рижская ред., списки Д, Е [СГ: 36, 41], в готландской ред.: *Аже латинескии гость бикѣть сѧ мѣжю събою оу роуской земли любо мѣчемъ. а любо дѣревѣмъ...* списки А, В, С [СГ: 22, 27, 32]); в заключительной формуле: *И которыи роусинъ или латиньскыйи противоу сеѧ правды молвити иметь того почисти за лихий моужь* (Смол.грам. список В, 1297–1300 г. — в списке А *мѣлвить*, в списке С *поцнеть* [СГ: 30, 25, 35]).

По начинательности значения *иму*-конструкции близки к значению конструкций с *почьну* (*начьну*) — не случайно они могут варьироваться по спискам, особенно в заключительных формулах грамот, ср. приведенный пример Смол. грам., ср. выше *почьнеть хотѣти* в Мстислав. грам. — в Духовной Симеона Гордого: *Хто сю грамоту иметь рушити судить ему ему бѣ в семь вѣцѣхъ и в будущемъ* (Дух. грам. Симеона Гордого 1353 г., ДДГ, № 3). Однако с точки зрения возможностей грамматикализации *иму*-конструкция имеет явные преимущества: во-первых, *иму* отрывается от лексического значения ‘схватить’, т.е. фактически формализуется, во-вторых — конструкция закреплена за формой презенса и невозможна в прошедшем времени, что также говорит об отрыве *иму* при инфинитиве от полнознаменательного *гати* и движении по пути превращения в показатель будущего.

В конце XIV– XV вв. *иму*-оборот, видимо, близок к грамматикализации: он чрезвычайно употребителен в деловых документах московского и северо-восточного происхождения, закрепляется в устойчивых формулах, ср.: *А хто моихъ богаръ иметь служити оу моеѣ кнѧгини а волости имуть вѣдати дають кнѧгинѣ моеи прибытка половину* (Дух. грам. Симеона Гордого 1353 г., ДДГ, № 3); *А хто брате наши^х богаръ и дѣтеи богарски^х и слу^г имѣ^т жити въ твоѣи ѿчинѣхъ и тобѣ^х и^х блюсти, ка^к и своихъ* (Докончальная грам. кн.Ивана Вас.князю Андрею Вас., 1486 г., ДДГ, № 82) — устойчивая формула; *А хто иметь продава^т или купити, а архиманѣдрита не слушати, тѣ^х велѣлѣ^х велики кнѧ^з вонъ метати архимендриту михаиловско^м* (Правая

судная грам. митр. Фотия, 1425 г., АСЭИ, т. 3, № 32). Появляется *иму*-конструкция и в новгородских берестяных грамотах этого времени (№ 364 кон. XIV в. и № 962 XV в.) — очевидно, под влиянием северо-восточных говоров и Москвы, поскольку ранее она в новгородских документах не фиксировалась, да и вообще в Новгороде встречается значительно реже, чем в Москве [Юрьева, 2011: 78], ср.: *кто иметь тыи пожни косить и азъ тыхъ поимаю...* (№ 962 [НБГ XII: 69, 73]).

Не раз обращалось внимание на преимущественную связь *иму*-оборотов с условными или относительными придаточными (см., например: [Пенькова, 2019: 576–577]), но в значительной степени это следствие формуляра делового языка, где такие употребления преобладают, — это все-таки не обязательно и свидетельством против тенденции к грамматикализации *иму*-конструкции в будущее быть не может.

Грамматикализация *иму* + инфинитив осуществилась, как известно, в украинском языке и в северо-восточных русских говорах, ср. в диалектных записях XX в.: *иму делать, имём делать* волог., костром., *Имёшь ли обедать-то — поди, я давно собрала костром., Имёт ли эфтог лён прествся? Что имём делать?* яросл. и др. [Чернышев, 1970: 257]. Уменьшение употребительности *иму*-оборота в XVI–XVII вв. и вытеснение его оборотом с *учну* [Пенькова, 2019: 583] надо связывать, видимо, со снижением его «популярности» в формуляре делового языка — в живых вост.-слав. диалектах как юго-запада, так и северо-востока *иму*-конструкция не только не была вытеснена, но и грамматикализовалась в будущее время.

Специфика семантики диалектного будущего с *иму* в сравнении с *буду* до сих пор остается фактически не исследованной, на что сетовал еще В.И. Чернышев [Чернышев, 1970: 257]. А.А. Потенбня, говоря об этом диалектном будущем и называя его начинательным, отмечал, что по значению оно ближе к современным конструкциям со *стану*, чем с *буду* [Потенбня, 1888: 366]. Главное отличие *стану* от *буду*, как показано в недавней работе [Стойнова, 2019: 67–77], состоит в том, что *стану* требует отчетливого контраста с настоящим или акцента на инхотативном компоненте. Можно предполагать, что развившееся на базе значения ‘схватить’ *иму* также акцентирует контраст с настоящим и начинательность.

4. С XV в. появляются новые конкуренты на грамматикализацию в будущее, причем все с начинательным значением: еще один глагол с корнем *-чън-* — *учну*, а также *стану*, развивающий инхотативное значение именно в это время; в XVI–XVII вв. употребительность *учну* резко возрастает и превосходит, по данным памятников, все прочие инфинитивные конструкции, с начала XVII в. активизируется *стану* [Горшкова, Хабургаев, 1981: 322–323; Молдован, 2010: 9–13; Пень-

кова, 2019: 574–575 и др.]. На рост частотности *учну*-конструкции с XVI в. и превращение ее в главного претендента на грамматикализацию в будущее не раз обращалось внимание [там же]. Во многом это связано, очевидно, со стандартом делового языка, где в составе часто одних и тех же устойчивых формул *иму* в XVI в. начинает замещаться на набирающий популярность *учну*, ср.: *И хто у ни^х в то^м селцѣ и в деревнѣх учне^т жити люди, и намѣстници мои гарославецкїе и и^х тиуни тѣ^х и^х люди не судѣ^т ни в чо^м, шпрочѣ душегубства и розбога* (Жалованная грам. вел. кн. Ивана Васильевича, 1487 г., АСЭИ, т. 3, № 75) — устойчивая формула, реже *име^т жити люди; А кто у ни^х учне^т пити силно, а учинитсѣ у ни^х в то^м пиру или в бра^тчинѣ какова гибель, и га³ ту гибель велю на то^м взѣти бе³ суда и бе³ исправы* (Жалованная уставная грам. дмитровского и кашинского кн. Юрия Ивановича, 1509 г.; АСЭИ, т. 3, № 27) — ср. в более ранней грамоте: *А хто оу ни^х име^т пити си^тно, а оучинитсѣ какова гибель, и томоу то платити бе³ суда* (Жалованная уставная грам. вел. кн. Ивана Васильевича, 1488 г., АСЭИ, т. 3, № 22). Именно такие формулы в значительной мере задают высокие показатели частотности *учну* в XVI–XVII вв. Однако рост употребительности *учну*-конструкции в этот период несомненен, встречается она и в летописях, ср. в одном контексте с *иму*-оборотом: *А что учнутъ великіе князи съ вами говорити которое свое дѣло или бояръ великого князя кои съ кѣмъ отъ васъ иметь которое дѣло великихъ князей говорити, и того вамъ государьскаго дѣла не проносити по тому крестному цѣлованію* (НикЛет, 1478 г., 187).

В связи с вопросом о грамматикализации *учну*-конструкции в будущее важно обратить внимание на то, что семантика *учати* в старорусских памятниках остается такой же, как у прочих глаголов с корнем *-чьн-* была с древнерусской эпохи, — наступление новой ситуации, а не начальная фаза процесса (см. выше 2). Именно это отличие от современного языка и возможность сочетаться с глаголами состояния и другими обозначающими не членимые на фазы ситуации создает у нас иллюзию употребления *учну*-оборота в значении «чистого будущего» — ср. приведенные выше примеры типа *учнет жити* и комментарий по поводу такого употребления как собственно будущего в [Горшкова, Хабургаев, 1981: 322]. Такое же употребление инфинитивной конструкции с *учну* для обозначения наступления новой ситуации представлено и в прошедшем времени — так же, как конструкций с *почати* / *начати* на протяжении всей предшествующей истории русского языка (см. выше) — ср. примеры: *по скончаніи же молебновъ призва государь къ собѣ князя Владимира Андрѣевича и бояръ своихъ... и учалъ говорить умильно: «...»* (НикЛет, 1552 г., 23); *И Азстороханскїе люди учали бити челомъ воеводамъ* (НикЛет, 1554 г., 243); ср. все три глагола с корнем *-ча-* в прош. времени с той же нефазовой семантикой: *И оттолѣ начаша*

рознь *быти* в Казани: царь *почаль* на князеи *невѣрку дрѣжати* «вы деи приводили вѣведоѣ великого князя», и *учаль* ихъ *убивати* (НикЛет, 1545 г., 147). Вряд ли на основании высокой частотности *учну*-оборота в презенсе (в противоположности в разы меньшей в прош. времени) стоит делать вывод о близости *учну*+инфинитив к грамматикализации в будущее (вопреки: [Пенькова, 2019: 573–575]): принадлежность *учну*-оборота формуляру делового языка, обуславливающая его широкую употребительность в презенсе, вряд ли дает возможность для вполне надежного статистического сопоставления с показаниями нарративных текстов².

Конструкция *учати*+инфинитив в старорусскую эпоху очень употребительна, но грамматическим будущим не становится. Препятствием к грамматикализации начинательных конструкций с глаголами с корнем *-чьн-* была незакрепленность их за презентной формой; это относится и к конструкциям со *стану*, также состоявшимся кандидатом на грамматическое будущее. Возможно, последующая эволюция семантики глаголов на *-чьн-* в сторону собственно фазовой, приводящая к ограничению их сочетаемости со стативами и прочими «непроцессными» глаголами, также становится препятствием к их формализации.

Итак, в долгом пути выработки сложного будущего в вост.-слав. диалектной зоне развитие получают не модальные конструкции, а начинательные в широком смысле³. Именно между ними идет конкуренция в XIV–XVI вв., и в части диалектов побеждает *иму*. Вытеснение *иму* в XVII в. распространившимся из западных говоров *буду* связано, видимо, с большими возможностями *буду*, также обозначающим наступление новой ситуации, но необязательно акцентирующим контраст с настоящим и, соответственно, разоб-щенность с моментом речи [Стойнова, 2016; 2019]⁴.

Источники

АОС, 4 — Архангельский областной словарь. Вып. 4 / Под ред. О.Г. Гецово-вой. М., 1985.

² Нарративные тексты XVI–XVII вв. дают то число употреблений *учал-* + инфинитив, которое существенно меньше зафиксированных в этот период употреблений *учнет* + инфинитив [там же: 574], но вполне сопоставимо с *почал-* + инфинитив в древнерусских летописях.

³ Благодарю анонимного рецензента за указание на то, что мысль о характерности для вост.-слав. ареала развития аналитического будущего на базе конструкций начинательного типа ('begin', 'take'→'begin'→'Future') высказывалась также в работах Х. Андерсена [Andersen, 2006: 31–33 и др.].

⁴ Ср. сходные соображения по поводу преимущества *буду* перед *стану* в [Пенькова, 2019: 578] — то же относится, можно полагать, к конструкциям с *иму*.

- АСЭИ, т. 3 — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. / Под ред. Л.В. Черепнина. Т. 3. М., 1964.
- ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // Молдован А.М. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. М.; Л., 1950.
- НБГ XII — Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001—2014 гг.). М., 2015.
- НикЛет — Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. XII. СПб., 1901; Т. XIII. СПб., 1904.
- НПЛст, НПЛмл — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950.
- ПВЛ — Повесть временных лет по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997; Т. 2. М., 1998.
- СГ — Смоленские грамоты XIII—XIV вв. / Подг. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. М., 1963.
- СРНГ, 4 — Словарь русских народных говоров. Вып. 4. М.; Л., 1969.

Список литературы

1. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
2. Козлов А.А. К грамматической семантике старославянских конструкций *хотѣти* / *имѣти* с инфинитивом // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 122—149.
3. Молдован А.М. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5—17.
4. Мустафина Э.К., Хабургаев Г.А. Проблема древнерусских форм сложного будущего с глаголами *имамь*, *хощу* и *могу* (на материале «Повести временных лет» по спискам XIV—XV вв.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1985. № 2. С. 20—32.
5. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
6. Пенькова Я.А. *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična revija. 2019. Vol. 67. No. 4. С. 569—586.
7. Потеебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. Харьков, 1888.
8. Стойнова Н.М. Аналитическая конструкция будущего времени. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (URL: <http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.
9. Стойнова Н.М. Будущее НСВ и инфинитивное сочетание с глаголом *стать* как конкурирующие конструкции в современном русском языке // Русский язык в научном освещении. 2019. № 1 (37). С. 58—82.
10. Чернышев В.И. Описательные формы наклонений и времен в русском языке // Чернышев В.И. Избранные труды. М., 1970. Т. I. С. 230—259.

11. *Шевелева М.Н.* К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* vs. *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // *Русский язык в научном освещении*. 2017. № 2 (34). С. 194–218.
12. *Шевелева М.Н.* О древнерусском глаголе *имѣти*, посессивных конструкциях и сложном будущем с *имамь / имоу* в ранних восточнославянских текстах // *Вопросы языкознания*. 2019. № 6. С. 32–50.
13. *Юрьева И.С.* Семантика глаголов *имѣти*, *хотѣти*, *начати* (*почати*) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII–XV вв.: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.
14. *Юрьева И.С.* Особенности древнерусских сочетаний с глаголом *начати* // *Русский язык в научном освещении*. 2010. № 2 (20). С. 270–286.
15. *Юрьева И.С.* Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *имоу* в древнерусских текстах // *Русский язык в научном освещении*. 2011. № 2 (22). С. 68–88.
16. *Andersen H.* Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // *Change in verbal systems. Issues in explanation* / Ed. by K. Eksell, T. Vinther. Bern, 2006. P. 9–45.

Maria Sheveleva

ON THE COMPETING CONSTRUCTINS IN THE HISTORY OF ANALYTICAL FUTURE FORMATION IN RUSSIAN

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper deals the problem of choice of auxiliaries in the process of Future Tense grammaticalization in Russian. The East Slavic dialectal area was known for inchoative periphrastic constructions, not modal. The Old Russian modal construction with *khotěti* has either preserved the prospective semantics in some dialects or disappeared; the modal construction with *iměti* was specifically Church Slavonic. In Middle Russian there was competition between periphrastic constructions with inchoative semantics, in some dialects *imu* ‘catch’→‘begin’ prevailed, but later it was superseded in Moscow by *буду* that doesn’t demand the contrast with present moment.

Key words: Old Russian; Middle Russian; future tense; modality; inchoative verbs; grammaticalization.

About the author: *Maria Sheveleva* — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mnsheveleva@mail.ru).

References

1. Gorshkova K.V., Khaburgaev G.A. *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka*. [Historical Grammar of the Russian Language] *Vysšaya škola Press*. Moscow, 1981.

2. Kozlov A.A. K grammaticheskoj semantike staroslavjanskih konstrukcij *hotěti / iměti* s infinitivom [On the semantics of the Old Church Slavonic *xotěti/iměti* + infinitive constructions]. *Russkij jazyk v nauchnom osvешhenii [Russian Language and linguistic theory]*. 2014, 1 (27), pp. 122–149.
3. Moldovan A.M. K istorii fazovogo glagola *stat'* v ruskom jazyke [On the history of the phasal verb *stat'* in Russian]. *Russkij jazyk v nauchnom osvешhenii [Russian Language and linguistic theory]*. 2010, 1 (19), pp. 5–17.
4. Mustafina Je.K., Khaburgaev G.A. Problema drevnerusskikh form slozhnogo budushhego s glagolami *imam'*, *hoshhu* i *mogou* (na materiale “Povesti vremennyy let” po spiskam XIV–XV vv.) [The problem of Old Russian periphrastic future with *imamь*, *xošču*, and *mogou* (based on 14th–15th century versions of the Primary Chronicle). *Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 1985, 2, pp. 20–32.
5. Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [The dynamic models in the semantics of lexica]. *Yazyki slavyanskikh kultur*. Moscow, 2004.
6. Pen'kova Ja.A. *Imu, uch'nu, stanu, budu*: korpusnoe issledovanie perifraz budushhego vremeni v srednerusskoj pis'mennosti [*Imu, učnu, stanu, budu*: corpus study of Middle Russian future periphrastic constructions]. *Slavistična revija*. 2019. V. 67. N. 4, pp. 569–586.
7. Potebnja A.A. Iz zapisok po ruskoj grammatike. T. 1–2. [Selected writings on the Russian grammar. V. 1–2]. M.F. Siberberg Publ., Kharkov, 1888.
8. Stojnova N.M. Analiticheskaja konstrukcija budushhego vremeni. Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija ruskoj grammatiki [The analytical future construction. The materials for the project of corpus description of the Russian grammar] (<http://rusgram.ru>). Na pravah rukopisi. Moscow, 2016.
9. Stojnova N.M. Budushhee NSV i infinitivnoe sochetanie s glagolom *stat'* kak konkurirujushhie konstrukcii v sovremennom ruskom jazyke [Imperfective future and the infinitive construction of the verb *stat'* ('become') in Modern Russian]. *Russkij jazyk v nauchnom osvешhenii [Russian Language and linguistic theory]*. 2019, 1 (37), pp. 58–82.
10. Chernyshev V.I. Opisatel'nye formy naklonenij i vremen v ruskom jazyke [The periphrastic forms of mood and tense in Russian]. *Chernyshev V.I. Selected writings. Vol. I. Prosvешhenie*. Moscow, 1970, pp. 230–259.
11. Sheveleva M.N. K probleme grammaticheskoj semantiki konstrukcij tipa *imat' byti* vs. *hochet' byti* v rannih vostochnoslavjanskih tekstah [On the grammatical semantics of periphrastic constructions like *imatь byti* vs. *hočеть byti* in early East Slavic texts]. *Russkij jazyk v nauchnom osvешhenii [Russian Language and linguistic theory]*. 2017, 2 (34), pp. 194–218.
12. Sheveleva M.N. O drevnerusskom glagole *iměti*, possessivnyh konstrukcijah i slozhnom budushhem s *imam'* / *imou* v rannih vostochnoslavjanskih tekstah [On Old Russian verb *iměti*, possessive constructions and complex future with *imamь* / *imou* in early East Slavic texts]. *Voprosy jazykoznanija*. 2019. № 6, pp. 32–50.
13. Jur'eva I.S. Semantika glagolov *iměti*, *hotěti*, *nachati* (*pochati*) v sochetanijah s infinitivom v jazyke drevnerusskikh pamjatnikov XII–XV vv. [The semantics of the verbs *iměti*, *xotěti*, *načati* (*počati*) in combinations with infinitive in

- Old Russian texts of the 12th–15th centuries]. *Diss. Ph. doc. philol. sciences*. Moscow, 2009.
14. Jur'eva I.S. Osobennosti drevnerusskikh sochetanij s glagolom *nachati*. [The special features of Old Russian constructions with the verb *nachati*] *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian Language and linguistic theory]. 2010, 2 (20), pp. 270–286.
 15. Jur'eva I.S. Infinitivnye sochetanija s glagolami *imam'* i *imou* v drevnerusskikh tekstah [The infinitive constructions with the verbs *imam'* and *imou* in Old Russian texts]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian Language and linguistic theory]. 2011, 2 (22), pp. 68–88.
 16. Andersen H. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence. *Change in verbal systems. Issues in explanation*, ed. by K. Eksell, T. Vinther. Bern: Peter Lang, 2006, pp. 9–45.

К 100-летию Э. КОСЕРИУ

М.А. Косарик, Л.И. Жолудева

НЕИЗВЕСТНЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ УЧЕНЫЙ. К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Э. КОСЕРИУ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена научному наследию Э. Косериу — одного из наиболее значимых представителей функционального направления в европейской лингвистике второй половины XX в. Опираясь на идеи Ф. де Соссюра и одновременно отталкиваясь от них, Косериу предложил целостную концепцию языкового варьирования в пространстве, в социуме и в функционально-стилистическом отношении. Наряду с соссюрговской диахронией, система параметров языкового варьирования, по Косериу, включает также диатопию, диастратию и диафазию; в своей совокупности эти оси координат образуют «архитектуру» языка. Идеи Косериу, связанные с местом языковой нормы в системе представлений о языке и речи, процессом актуализации языкового знака в речи, значимостью контекста в процессе коммуникации, а также многие другие не утратили актуальности и находят отклик в трудах современных филологов. До недавнего времени Косериу в отечественной лингвистике был известен значительно меньше, чем за рубежом, что, вероятно, связано с экстралингвистическими причинами. Однако те немногие работы Косериу, которые стали доступны для изучения в СССР, существенно повлияли на развитие представлений о языковой норме в отечественном языкознании.

Ключевые слова: Э. Косериу; функциональная лингвистика; языковая норма; языковое варьирование; архитектура языка; история лингвистических учений.

В лингвистике XX столетия важнейшие понятия и концепции, давшие начало новым научным направлениям, как правило, прочно ассоциируются с именами тех ученых, которые их впервые предло-

Косарик Марина Афанасьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: olissipo@yandex.ru).

Жолудева Любовь Ивановна — доктор филологических наук, доцент кафедры романского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: l.zholudeva@gmail.com).

жили, сформулировали и развили. Противопоставление синхронии и диахронии отсылает к Ф. де Соссюру, классификация функций языка — к Р.О. Якобсону, теория речевых актов — к Дж. Остину и Дж. Серлю, исследование полифонии невозможно представить себе без упоминания М.М. Бахтина. Однако есть и исключения: Эухенио Косериу¹ (1921—2002), одна из главных фигур в европейском лингвистическом функционализме, автор не утратившей актуальность концепции языкового варьирования и нормы не относится к числу самых упоминаемых лингвистов.

Такая историческая несправедливость может иметь разные объяснения. Одно из них, предложенное современными исследователями наследия Косериу², состоит в том, что примерно с середины XX в. исследования — в том числе в гуманитарных областях — имеют большие шансы подняться в рейтинге цитируемости, если они опубликованы на английском языке. В списке научных трудов Э. Косериу есть публикации на испанском, немецком, румынском, итальянском, французском, португальском, часть из них переведена на русский, чешский, болгарский, греческий, финский, японский и корейский. Самая полная библиография, собранная учениками Э. Косериу³, насчитывает 387 пунктов (включая переводы и посмертные переиздания трудов). Из них всего пять представляют собой тексты на английском, и это не «программные» сочинения, а небольшие по объему статьи и материалы выступлений на конференциях. Еще одна возможная причина относительной неизвестности Э. Косериу в англоязычной науке, возможно, определяется различиями в подходах к изучению языковых явлений в генеративной лингвистике [Vrbán, 2017] и лабовианской «социологии языка», с одной стороны, и в европейской и, отчасти, латиноамериканской лингвистической традиции — с другой.

Как бы то ни было, лингвистика, в том числе отечественная, слишком многим обязана Э. Косериу, чтобы предать его имя забвению в то самое время, когда его система терминов «диафазия» — «диатопия» — «диастратия»⁴ вошла в научный обиход, наряду с

¹ В статье используется более привычный для отечественного читателя испаноязычный вариант огласовки имени ученого (а не, скажем, румынский — Эуджен Кошеру). На русский переведено всего несколько работ Косериу; возможно, на выбор огласовки повлияло то, что перевод был выполнен с испанского.

² Этой проблеме был посвящен доклад проф. Герды Хаслер (Потсдамский университет) “El origen y el olvido de tradiciones discursivas: Coseriu y la historia de la lingüística” (La Lingüística Coseriana VII. España, Universidad de Cádiz, 2020).

³ Research Unit Eugenio Coseriu (URL: www.coseriu.com).

⁴ Термины «диатопия» и «диастратия» впервые были предложены Л. Флайдалом [Flydal, 1951], однако целостная концепция «архитектуры» языка — научное достижение Э. Косериу [Нарумов, 2005].

косерианской концепцией языковой нормы [Kabatek, 2020], выделением первичных и вторичных (а также третичных) диалектов и функционалистской трактовкой понятия «языковая компетенция», кардинально отличающейся от трактовки компетенции у Н. Хомского [Cosegiu, 1985]. Данная статья не претендует на полное и исчерпывающее описание научного пути Э. Косериу и его вклада в лингвистику; цель статьи скорее состоит в том, чтобы, отдавая должное выдающемуся ученому, постараться привлечь внимание к его наследию, актуализация которого могла бы дать импульс дальнейшему развитию исследований в функционалистском ключе.

Эухени Косериу (Эуджен Кошеру) родился в 1921 г. в селе Михэйлень на территории нынешней Молдовы, окончил университет в г. Яссы. В 1944 г. Косериу защитил диссертацию по славянской филологии в Риме в Университете «Ла Сапиенца», а затем подготовил и защитил еще одну диссертацию, по философии, работая в Миланском и Падуанском университетах. До 1950 г. Косериу преподавал румынский язык в Миланском университете и сотрудничал с издательством Ноерлі.

В 1950 г. Косериу откликнулся на приглашение занять должность профессора кафедры общего и индоевропейского языкознания в Республиканском университете Уругвая. Вернувшись в Европу восемь лет спустя, с 1958 по 1961 г. он преподавал в университетах Испании и Португалии. В начале 1960-х ученый обосновался в Германии: занимал временные позиции в университетах Бонна и Франкфурта, а затем получил постоянное место профессора в Тюбингене, где преподавал до выхода на пенсию в 1991 г. Научная работа Косериу на этом не закончилась: до самой смерти он руководил научной работой своих учеников, общался с коллегами из разных стран, публиковал статьи, участвовал в обсуждении актуальных проблем функциональной лингвистики и философии языка.

Те, кто в нашей стране познакомился с идеями Косериу благодаря сборнику «Новое в лингвистике» [Косериу, 1963], где в переводе И.А. Мельчука и с предисловием В.А. Звегинцева вышла его «Синхрония, диахрония и история», не всегда отдавали себе отчет в том, что эта работа была написана молодым ученым. В 1958 г., когда «Синхронию, диахронию и историю» опубликовали в Монтевидео, Косериу было 36 лет, и его научная карьера, по сути, еще только начиналась. Однако уже тогда Косериу удалось заявить о необходимости пересмотра ряда исследовательских принципов и концепций, которые со времен Ф. де Соссюра превратились в догму и, вместо того чтобы служить ориентиром для исследователя, создали логические противоречия и тупики.

Так, дихотомии «язык — речь» и «синхрония — диахрония», с точки зрения Косериу, перестали способствовать более глубокому осмыслению языковых явлений с того момента, как из предложенных Ф. де Соссюром принципов и приемов исследования превратились в свойства, приписываемые самому объекту изучения — языку. Иными словами, отождествляя синхронную проекцию, удобную для определенных исследовательских целей, с соссюровским «языком», мы сталкиваемся с так называемым парадоксом языкового изменения: язык воспринимается как статичная система оппозиций, где все элементы находятся в состоянии взаимозависимости и равновесия, так что возникает вопрос, как и почему такая герметичная система может меняться. Подобным образом, отождествление диахронного принципа описания языковых явлений с историческим языкознанием в целом может создать ложное впечатление, будто исторический ракурс несовместим с системным подходом к исследованию⁵. Косериу заявляет о необходимости изучать систему в движении и рассматривать языковые явления, не упираясь в тупики, создаваемые необоснованным проецированием исследовательских методологических установок на язык как сущность.

В том же ключе Косериу рассматривает и оппозицию «язык — речь». В работе «Система, норма и речь», впервые вышедшей в 1952 г., Косериу развивает мысль, что отнюдь не всегда методологически целесообразно настаивать на противопоставлении языка и речи при рассмотрении языкового варьирования. Вместо соссюровской дихотомии Косериу предложил модель описания, включающую три элемента: система — норма — речь. В рамках системных возможностей языка сохраняется возможность выбора вариантов реализации; норма — это результат отбора вариантов, выполняемого языковым коллективом⁶. При таком подходе языковое варьирование — как во времени, так и в пространстве, а также в социальном и жанрово-стилистическом отношении — из аномалии превращается в неотъемлемое свойство языка, обеспечивающее его адаптивность и оставляющее простор для реализации творческой способности человека.

Критика злоупотребления соссюровскими оппозициями, впрочем, не означала отказа от их применения в качестве ракурсов исследования. Напротив, принцип противопоставления синхро-

⁵ К критике подобного взгляда на диахронию и историзм в языкознании Косериу возвращался и позже; см., в частности [Coseriu, 1992].

⁶ “Por lo que concierne a la norma, o sea la realización normal del sistema, se comprueba que, aquí también, entre las variantes admitidas por el sistema, tanto desde el punto de vista significativo como desde el punto de vista formal, una suele ser la normal, mientras las demás, o resultan anormales, o tienen determinado valor estilístico” [Coseriu, 1952: 51].

нии и диахронии послужил для Косериу отправной точкой при выстраивании целостной концепции языкового варьирования. Если, говоря об изменчивости языка во времени, можно противопоставить синхронную и диахронную проекции, то вариативность языка в пространстве открывает возможность исследований в синтопии (в центре внимания системные отношения в отдельно взятом диалекте, говоре) и диатопии (в фокусе отдельное явление, предмет исследования — разнообразие речевых реализаций в пространстве). Подобным образом, исследование языка в социальном контексте возможно в синстратии (изучение речи гомогенной социальной группы) и диастратии (сопоставление узуса различных групп). Наконец, оппозиция «синфазия — диафазия» позволяет более детально и системно рассмотреть разнообразие речевых реализаций в зависимости от ситуативного параметра коммуникации, прагматилистических факторов. Совокупность перечисленных оппозиций позволяет создать своего рода объемную модель языка, которая в трудах Косериу и его последователей получила название «архитектуры» языка⁷.

В работе 1980 г. «Исторический язык и диалект» [Coseriù, 1980] Косериу, рассматривая неоднозначность термина «язык», предложил разграничить: а) функциональный язык — синхронную, синтопическую, синстратическую и синфазическую проекцию, объект изучения с позиций структурализма (который, впрочем, Косериу не отделял от функционализма, противопоставляя оба направления генеративистике как частное языкознание общему [Косериу, 1977]), и б) исторический язык, включающий всю совокупность диатопических вариантов, дискурсивных традиций и социолектов данного идиома на протяжении истории.

В той же работе Косериу предложил уточнить содержание термина «диалект», противопоставив первичные, вторичные и третичные диалекты. Первичные диалекты представляют собой результат первоначального дробления языка-предка. Вторичные диалекты — более позднее явление, связанное с вариативностью литературного языка в диатопии; первичные диалекты, сохранившиеся или исчезнувшие, оказывают на литературный язык различных зон влияние, напоминающее субстратное, что, наряду с другими факторами, приводит к формированию языковой ситуации нового — иерархического типа («язык vs его диалекты»). Третичные диалекты могут возникать в тех случаях, когда язык распространяется далеко за пределы своей исторической территории.

Уточнению понятия «диалект» в соотношении с понятием «язык» посвящена статья Косериу «Понятия диалект, уровень и

⁷ Один из примеров — схема «архитектуры» итальянского языка, представленная в классической работе Г. Берруто [Berruto, 1987]; см. также [Нарумов, 2005].

стиль языка» [Coseriu, 1981]. В условиях меняющейся парадигмы в лингвистике⁸ термин «диалект» в исследованиях разной направленности приобретает разное наполнение и значимость. Так, для общей лингвистики противопоставление языка и диалекта, по сути, оказывается нерелевантным, поскольку в обоих случаях в центре внимания находятся структуры и принципы внутренней организации языка / диалекта (а не, скажем, его роль в обществе). Вместе с тем, для частной лингвистики оппозиция «язык — диалект» сохраняет актуальность, поскольку в рамках «исторического языка» можно выделить разновидности речи, гомогенные по одному из базовых параметров вариативности: для диастратии это будут «уровни языка» (язык высокообразованных людей, язык среднего класса, просторечие), для диафазии — языковые стили, а для диатопии — диалекты.

Еще один круг тем, которым Э. Косериу уделял большое внимание, связан с функциональными свойствами языкового знака, системными отношениями в лексике и языковой концептуализацией действительности. В одной из своих ранних работ «Детерминация и окружение» [Coseriu, 1955–1956] Косериу предложил концепцию коммуникации, в основу которой положено представление о первичности речи как формы существования языка. Реальное функционирование языкового знака невозможно представить без учета коммуникативной ситуации, социальных и географических факторов, положения знака в языковой системе, ближайшего контекстного окружения, жанровых характеристик текста, а также внешних факторов (в работе анализируются параметры, влияющие на процесс актуализации языкового знака). Значение слова в каждом конкретном случае формируется говорящим / пишущим и безошибочно считывается собеседником / читателем в силу общности контекста — ситуативного, исторического, дискурсивного, а не только благодаря владению узкой, абстрактной информацией о семантике слова. Эта идея в наши дни может показаться самоочевидной, но стоит отметить, что другая работа, вышедшая в те же годы и также отражающая влияние идей Л. Витгенштейна, — «Как совершать действия при помощи слов» Дж. Остина (1955) — вошла в историю лингвистики, когда как испаноязычный труд Э. Косериу остался известен преимущественно специалистам по романскому языкознанию [Kabatek, 2017]. История лингвистики, как и история в целом, не знает сослагательного наклонения, и трудно прогнозировать, каким могло бы быть влияние идей Косериу на мировую лингвистическую мысль, будь его труды опубликованы в те же годы на английском языке, а он сам — профессором лингвистики не в

⁸ Процессу смены научной парадигмы в лингвистике посвящена другая статья, опубликованная в том числе и на русском языке [Косериу, 1977].

Республиканском университете Уругвая, а в Оксфорде и Гарварде, как его современник Дж. Остин.

В дальнейшем Косериу не раз возвращался к проблемам лексической семантики в своих статьях — «О диахронной структурной семантике» [Coseriu, 1964], «Человек и его язык» [Coseriu, 1966], «Значение и номинация в свете структурной семантики» [Coseriu, 1970], «К вопросу о типологии лексических полей» [Coseriu, 1976a], «Функциональный подход к исследованию лексикона» [Coseriu, 1976b] и др. К сожалению, в отечественном языкознании, где за вторую половину XX в. лексическая семантика и исследование лексики в когнитивном аспекте превратились весьма динамично развивающиеся направления, работы Косериу почти не встречаются в библиографических списках. По-видимому, это объясняется тем, что далеко не все труды западноевропейских ученых были доступны для изучения в СССР: усомниться в актуальности идей Косериу, касающихся семантики и лексикологии, не дает обилие переводов его трудов на европейские и неевропейские языки⁹.

Впрочем, было бы неверно полагать, что отечественная лингвистика не испытала влияния идей Косериу в принципе. Отсылки к его работам, посвященным вопросам социолингвистики и теории языковой нормы, есть у отечественных историков русского языка (в монографиях М.Л. Ремневой [Ремнева, 1995; 2003]), испанистов (в книгах Г.В. Степанова [Степанов, 1963; 1976], в статьях Н.Д. Арутюновой), итальянистов (см., в частности, монографию Т.З. Черданцевой [Черданцева, 1977]), германистов (в работах Н.Н. Семеник и М.М. Гухман), а также в коллективной монографии [Общее языкознание, 1970].

Рецепции и развитию идей Косериу в современном языкознании посвящены регулярно проводимые международные конференции «Косерианская лингвистика» (“La Lingüística Coseriana”), организаторами которых выступают ученики и последователи Косериу из разных стран мира, от Перу до Японии, а принимающей стороной — университеты Европы и Латинской Америки. К сожалению, юбилейная конференция, которую планировалось провести на родине Косериу, в Румынии, из-за ограничений, связанных с пандемией, не состоится в привычном формате.

В наши дни лингвистические исследования одновременно ведутся в рамках различных школ, направлений и подходов, ни один из

⁹ Убедиться в актуальности идей Косериу, касающихся лексикологии и лексической семантики, помогает и поисковый запрос в системе Scholar google: так, например, статья [Coseriu, 1964], по данным поисковой системы, процитирована не менее 289 раз; встречаются и совсем недавние публикации с отсылками к этой — не самой известной — работе Косериу [Haspelmath, 2017; Fritz, 2006; Marchello-Nizia, 2006; Willems, 2006] и др.

которых не претендует на роль единственно верного учения о языке. С одной стороны, это характерно для современной науки в целом. С другой — в истории лингвистики уже были эпохи, когда именно множественность подходов к изучению и описанию языковых явлений обеспечила максимальную эффективность и широту охвата исследовательской работы. В такие периоды, получившие название межпарадигматических [Kossarík, 2016], задачей историка языкознания становится не столько каталогизировать представления о языке, сколько способствовать сохранению концептуального разнообразия в нашей науке: невозможно заранее предугадать, какие идеи обретут новую жизнь на новом витке развития научной мысли. Научное наследие Э. Косериу, безусловно, заслуживает внимания как историков науки, так и лингвистов, чьи исследовательские интересы связаны с функциональными аспектами языка.

Список литературы

1. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 123–343.
2. Косериу Э. Современное положение в лингвистике // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. XXXVI. С. 514–521.
3. Нарумов Б.Н. «Архитектура языка» в концепции Э. Косериу // Вопросы иберо-романской филологии. М., 2005. С. 140–145.
4. Общее языкознание. Т. 1: Формы существования, функции, история языка / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М., 1970.
5. Ремнева М.Л. История русского литературного языка. М., 1995.
6. Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М., 2003.
7. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.
8. Степанов Г.В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.
9. Черданцева Т.З. Язык и его образы. Очерки по итальянской фразеологии. М., 1977.
10. Berruto G. Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo. Roma, 1987.
11. Coseriu E. Bedeutung und Bezeichnung im Lichte der strukturellen Semantik // P. Hartmann, H. Vernay (Hrsg.) Sprachwissenschaft und Übersetzen. München, 1970. P. 104–121.
12. Coseriu E. Der Mensch und seine Sprache // H. Haag und F.P. Möhres (Hrsg.) Ursprung und Wesen des Menschen. Tübingen, 1966. P. 67–79.
13. Coseriu E. Determinación y entorno. Dos problemas de una lingüística del hablar // Romanistisches Jahrbuch. 1955–1956. VII. P. 24–54.
14. Coseriu E. Die funktionelle Betrachtung des Wortschatzes // Probleme der Lexikologie und Lexikographie. Düsseldorf, 1976. P. 7–25.
15. Coseriu E. Historische Sprache und Dialekt // Dialekt und Dialektologie. Ergebnisse des internationalen Symposions zur Theorie des Dialekts. Hrsg. von J. Göschel, P. Ivić & K. Kehr. Wiesbaden, 1980. P. 106–122.

16. *Coseriu E.* Linguistic Competence: What is it Really? The Presidential Address of the Modern Humanities Research Association // *The Modern Language Review*. 1985. Vol. 80, part 4. P. XXV–XXXV.
17. *Coseriu E.* Linguistica storica e storia delle lingue // *La posizione attuale della linguistica storica nell'ambito delle discipline linguistiche*. Roma, 1992. P. 15–20.
18. *Coseriu E.* Los conceptos de “dialecto”, “nivel” y “estilo de lengua” y el sentido propio de la dialectología // *Lingüística española actual*. I. Madrid, 1981. P. 1–32.
19. *Coseriu E.* Pour une sémantique diachronique structurale // *Travaux de linguistique et de littérature*. 1964. II, 1. P. 139–186.
20. *Coseriu E.* Sistema, norma y habla. Montevideo, 1952.
21. *Coseriu E.* Vers une typologie des champs lexicaux // *Cahiers de lexicologie*. 1976. 27. P. 30–51.
22. *Flydal L.* Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue // *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*. 1951. Vol. 16. P. 241–258.
23. *Fritz G.* Historische Semantik. Stuttgart: Metzler, 2006.
24. *Haspelmath M.* The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax // *Folia linguistica*. 2017. T. 51. P. 31–80.
25. *Kabatek J.* Determinación y entorno: 60 años después // G. Hassler, T. Stehl, (eds.) *Kompetenz — Funktion — Variation*. *Linguistica Coseriana* V, Frankfurt am Main: Peter Lang, 2017. P. 19–37.
26. *Kabatek J.* Linguistic Norm in the Linguistic Theory of Eugenio Coseriu // F. Lebsanft, F. Tacke (eds.) *Manual of Standardization in the Romance Languages*. Berlin; N.Y., 2020. P. 127–144.
27. *Kossarik M.* Early Portuguese treatises and the case of scientific paradigms. Interparadigmatic periods and the two hyperparadigms in linguistic history // C. Assunção et al. (eds.) *Tradition and Innovation in the History of Linguistics*. Münster: Nodus Publikationen, 2016. P. 176–185.
28. *Marchello-Nizja C.* Grammaticalisation et changement linguistique. Bruxelles, 2006.
29. *Virban F.* The Coseriu — Chomsky ‘debate’ revisited: integrating Wittgenstein. Ways in understanding linguistic knowledge / competence // G. Hassler, T. Stehl, (eds.) *Kompetenz — Funktion — Variation*. *Linguistica Coseriana* V, Frankfurt am Main, 2017. P. 147–161.
30. *Willems K.* Logical polysemy and variable verb valency // *Language Sciences*. 2006. 28. P. 580–603.

Marina Kosarik, Liubov Zholudeva

THE RENOWNED UNKNOWN E. COSERIU: CELEBRATING THE 100th ANNIVERSARY OF THE RESEARCHER

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The name of E. Coseriu (1921–2002) is well-known outside Russia: he is one of the most prominent European representatives of the functional trend in

modern linguistics. Drawing on F. de Saussure's ideas on language and, at the same time, overcoming methodological difficulties that arise from their over-zealous application, Coseriu came up with a clear-cut concept of language variation — in space, across society, and in terms of register. He singles out diatopic, diastratic, and diaphasic variation, and these parameters, brought together to make up a system of variation axes, form what Coseriu calls “language architecture”. Coseriu's concept of language norm, as well as his theory of communication that highlights the role of context in the actualisation of language signs, his ideas on structural semantics and many other important contributions to linguistic theory make Coseriu stand out as a leading figure in the European functional linguistics of the 20th century. Unlike their foreign colleagues, Soviet and Russian linguists, who had few opportunities to get familiar with the greater part of Coseriu's publications, have not paid much attention to his theoretical contributions, the important exception being Coseriu's idea of language norm. As early as in 1963 Coseriu's “Synchrony, diachrony and history” was published in Russian. Since then, Soviet and post-Soviet linguists have adopted the Coserian concept of language norm as a social phenomenon the origins of which lie in the capacity of the language to vary and human ability to create.

Key words: Eugenio Coseriu; functional linguistics; language norm; language variation; language architecture; history of linguistics.

About the authors: *Marina Kosarik* — Prof. Dr., head of the Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: olissipo@yandex.ru); *Liubov Zholudeva* — Prof. Dr., Associate Professor, Department of Romance Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: l.zholudeva@gmail.com).

References

1. *Coseriu E.* Sinkhroniya, diakhroniya i istoriya (problema yazykovogo izmeneniya) [Synchrony, diachrony, and history (the problem of language change)]. *Novoe v lingvistike*, Vol. 3. Moscow, *Izdatel'stvo inostrannoi literatury*, 1963, pp. 123–343. (In Russ.)
2. *Coseriu E.* Sovremennoe polozhenie v lingvistike [The actual situation in linguistics]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1977, Vol. XXXVI, pp. 514–521. (In Russ.)
3. *Narumov B.N.* «Arkhitektura yazyka» v kontseptsii E. Coseriu [Language architecture in E. Coseriu's conception]. *Voprosy iberoromanskoi filologii*. Moscow, *Moscow University Publ.*, 2005, pp. 140–145. (In Russ.)
4. *Obschchee yazykoznanie* [General linguistics]. Vol. 1: Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka. [Forms of existence, functions, history of language] Ed. by B.A. Serebrennikov. Moscow, *Nauka Publ.*, 1970. (In Russ.)
5. *Remneva M.L.* Istoriya russkogo literaturnogo yazyka [The history of Russian literary language]. Moscow, *Moscow University Publ.*, 1995. (In Russ.)
6. *Remneva M.L.* Puti razvitiya russkogo literaturnogo yazyka XI–XVII vv. [Ways of development of 11th–17th century Russian literary language]. Moscow, *Moscow University Publ.*, 2003. (In Russ.)

7. *Stepanov G.V.* Ispanskii yazyk v stranakh Latinskoi Ameriki [The Spanish language in Latin America]. Moscow, *Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh*, 1963. (In Russ.)
8. *Stepanov G.V.* Tipologija jazykovykh sostojanij i situacij v stranah romanskoj rechi [Typology of language statuses and language situations in Romance-speaking countries]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1976. (In Russ.)
9. *Tcherdantseva T.Z.* Jazyk i ego obrazy. Ocherki po ital'janskoj frazeologii [Language and its images. Outlines of Italian phraseology]. Moscow, *Mezhdunarodnye otoshenija Publ.*, 1977. (In Russ.)
10. *Berruto G.* Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo. Roma, *Carocci*, 1987.
11. *Coseriu E.* Bedeutung und Bezeichnung im Lichte der strukturellen Semantik. P. Hartmann, H. Vernay (Hrsg.) *Sprachwissenschaft und Übersetzen*. München, 1970, pp. 104–121.
12. *Coseriu E.* Der Mensch und seine Sprache. H. Haag und F.P. Möhres (Hrsg.) *Ursprung und Wesen des Menschen*. Tübingen, *Narr*, 1966, pp. 67–79.
13. *Coseriu E.* Determinación y entorno. Dos problemas de una lingüística del hablar. *Romanistisches Jahrbuch*, 1955–1956, VII, pp. 24–54.
14. *Coseriu E.* Die funktionelle Betrachtung des Wortschatzes. *Probleme der Lexikologie und Lexikographie*. Düsseldorf, 1976, pp. 7–25.
15. *Coseriu E.* Historische Sprache und Dialekt. Dialekt und Dialektologie. *Ergebnisse des internationalen Symposions zur Theorie des Dialekts*. Hrsg. von J. Göschel, P. Ivić & K. Kehr. Wiesbaden, *Steiner*, 1980, pp. 106–122.
16. *Coseriu E.* Linguistic Competence: What is it Really? The Presidential Address of the Modern Humanities Research Association. *The Modern Language Review*, 1985, Vol. 80, part 4, pp. XXV–XXXV.
17. *Coseriu E.* Linguistica storica e storia delle lingue. *La posizione attuale della linguistica storica nell'ambito delle discipline linguistiche*. Roma, 1992, pp. 15–20.
18. *Coseriu E.* Los conceptos de “dialecto”, “nivel” y “estilo de lengua” y el sentido propio de la dialectología. *Lingüística española actual*, 1981, I, pp. 1–32.
19. *Coseriu E.* Pour une sémantique diachronique structurale. *Travaux de linguistique et de littérature*, 1964, II, 1, pp. 139–186.
20. *Coseriu E.* Sistema, norma y habla. Montevideo, 1952.
21. *Coseriu E.* Vers une typologie des champs lexicaux. *Cahiers de lexicologie*, 1976, 27, pp. 30–51.
22. *Flydal L.* Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue. *Norsk tidsskrift for sprogvidenskap*, 1951, Vol. 16, pp. 241–258.
23. *Fritz G.* Historische Semantik. Stuttgart: *Metzler*, 2006.
24. *Haspelmath M.* The indeterminacy of word segmentation and the nature of morphology and syntax. *Folia linguistica*, 2017, Vol. 51, pp. 31–80.
25. *Kabatek J.* Determinación y entorno: 60 años después. G. Hassler, T. Stehl, (eds.) *Kompetenz — Funktion — Variation. Linguistica Coseriana V*. Frankfurt am Main, *Peter Lang*, 2017, pp. 19–37.
26. *Kabatek J.* Linguistic Norm in the Linguistic Theory of Eugenio Coseriu. F. Lebsanft, F. Tacke (eds.) *Manual of Standardization in the Romance Languages*. Berlin / New York: *De Gruyter*, 2020, pp. 127–144.

27. *Kossarik M.* Early Portuguese treatises and the case of scientific paradigms. Interparadigmatic periods and the two hyperparadigms in linguistic history. C. Assunção et al. (eds.) *Tradition and Innovation in the History of Linguistics*. Münster, *Nodus Publikationen*, 2016, pp. 176–185.
28. *Marchello-Nizja C.* Grammaticalisation et changement linguistique. Bruxelles, *De Boeck-Duculot*, 2006.
29. *Virban F.* The Coseriu — Chomsky ‘debate’ revisited: integrating Wittgenstein. Ways in understanding linguistic knowledge / competence. G. Hassler, T. Stehl, (eds.) *Kompetenz — Funktion — Variation. Linguistica Coseriana V*, Frankfurt am Main: *Peter Lang*, 2017, pp. 147–161.
30. *Willems K.* Logical polysemy and variable verb valency. *Language Sciences*, 2006, 28, pp. 580–603.

СТАТЬИ

Т.В. Пентковская

АРАБСКИЕ БУКВЫ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ КОРАНА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье представлены наблюдения над особенностями копирования арабских букв, содержащихся в комментариях перед некоторыми сурами Корана в русских рукописях двух переводов петровского времени. Оба русских перевода восходят к французскому переводу Андре Дю Рие, который впервые был опубликован в 1647 г. и ко времени появления русских версий выдержал несколько изданий. Имеющиеся в обоих русских переводах неточности в передаче букв, приводящие к искажению арабских слов, позволяют высказать соображения о том, с какого типа французского издания делались русские переводы. Искажения арабских букв в русских рукописях возникли не самостоятельно, а в результате точного копирования одного из поздних французских изданий, поскольку в более ранних изданиях подобных ошибок нет. Вероятно, таким изданием могло быть гаагское издание 1685 г. как наиболее близкое хронологически к времени появления русских переводов. В корректурном печатном экземпляре перевода 1716 г. арабские буквы остались лишь перед главой 68, в остальных комментариях они устранены. При тиражировании арабские буквы были удалены полностью.

Ключевые слова: переводы Корана; Петровская эпоха; издания; рукописи; редактурa; комментарии; арабские буквы.

Впервые опубликованный в 1647 г., французский перевод Корана дипломата и востоковеда Андре Дю Рие за последующие полвека выдержал около десятка изданий как во Франции, так и в Нидерландах, а также был переведен на несколько европейских языков, в том числе дважды на русский [Hamilton, 2017: 460–462; Пентковская, 2020: 46–47].

Один из русских переводов был опубликован гражданским шрифтом в 1716 г. в Санкт-Петербургской типографии. Его авторство

Пентковская Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета имени М.В. Ломоносова (e-mail: pentkovskaia@gmail.com).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–42009 «Перевод Корана Петровской эпохи».

неизвестно: при отсутствии каких-либо сведений об авторе в рукописи и в издании исследователи приписывали перевод сперва Дмитрию Кантемиру, а позднее одному из братьев Постниковых — дипломату и врачу соответственно (оба они носили имя Петр и занимались переводческой деятельностью). Этот перевод был существенно отредактирован справщиками Михаилом Волковым и Иваном Кременецким без привлечения французского текста. Их правка сохранилась в наборной (кавычной) рукописи РГАДА, ф. 381 (Син. тип.) № 1034 и в корректурном экземпляре издания РГАДА, ф. 1251 (БМСТ) № 3 (36) [Круминг, 1994: 233–235; Густерин, 2010: 85; Запольская, 2002: 436–437].

Неизданный перевод А.А. Круминг связывает с Петром Постниковым — дипломатом. Обе известные рукописи этого перевода написаны одним почерком. Старшая рукопись БАН 33.7.6 насчитывает 361 лист и содержит только 20 глав. Вторая рукопись РГАДА, ф. 181 (МГАМИД) № 148/217 имеет 780 листов, на л. 780 запись: «Переводилъ сію кнѣгу петръ посниковъ», однако это почерк не Постникова и не самого писца. Рукопись из собрания РГАДА была переплетена в январе 1726 г. В отличие от печатного перевода в неизданном переводе воспроизводятся два аттестационных письма консулов Марселя, в которых выражается удовлетворение службой Дю Риe в качестве французского вице-консула в Египте, а также французский перевод охранной грамоты султана Мурада IV, выданной Дю Риe после его назначения чрезвычайным послом [Круминг, 1994: 236–238].

Русский перевод двух первых документов содержит юго-западнорусские лексические элементы, восходящие чаще всего к польскому языку: *звычайный* ‘обычный’ (дворяни^н звычайны комноты его королевского величества л. 776 об., то же л. 777 об. — gentilhomme ordinaire de la Chambre du Roi² p. 487 и 489; ге^рбъ звычайны л. 777 — ср. armes de cette ville acoutumés p. 488), *лист* ‘грамота’ (се^л ли^цть л. 777 — ср. ces présentes p. 488)³, *привилей* ‘документ, подтверждающий преимущественное право на что-либо’ (л. 776 об.) — privilege (p. 487); в султанской грамоте имеется лексема *скарбъ* ‘имущество’ (су^ндука^м и^ска^рбъ егѡ л. 779 об. — jes cofres et hardes p. 490).

Лексема *звычайный* (< польск. *zwycajny*) использовалась в источниках петровской эпохи первой четверти XVIII в. (в частности, в Книге о эксерциции церемониях и должностях воинским людем надлежащих. СПб., 1715) [СлРЯз XVIII в., вып. 8, с пометой *юго-*

² URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 28.01.2021). Об этой институции и титуле см. [Richard, 2012: 103–130].

³ URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 28.01.2021). При этом в переводе 9-й суры употребляется лексема *грамота*: РГАДА, ф. 181 (МГАМИД) № 148/217 Жалованная грамота (л. 221 об.) — Lettre Patente (p. 146). В печатном переводе в этом месте стоит выражение Писма явственные (с. 105).

зан.]⁴, однако вошла в состав литературного языка в более раннее время. Она находится в источниках 1990-х годов XVII в., в том числе и в письмах, и бумагах Петра I [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 5: 358; Смирнов, 1910: 112].

Лексема *листъ* ‘грамота’ (старопольск. и старочешск. *list*) приблизительно в XIV в. была заимствована в деловой западнорусский язык [СУМ, I: 547], откуда перешла в великорусскую деловую письменность и в книжный язык. В данном значении регистрируется здесь с XV в., причем прежде всего в источниках, связанных с Польшей, и с северо-западом (Псковские летописи) [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 8: 239]. Продолжает употребляться она и в петровскую эпоху: мы находим ее в Путешествии стольника П.А. Толстого (1697–1699), в Ведомостях 1703–1719 гг., в архиве кн. Ф.А. Куракина 1661–1727 гг. [СлРЯз XVIII в., вып. 11]⁵.

То же можно сказать и о лексеме *привилей* (< польск. *przywilej*), которая фиксируется в источниках уже первой трети XVII в. В более раннее время (в памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, 1570 г.) эта лексема была заимствована в форме *привилье* [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 19: 112]. Н.А. Смирнов отмечает вариант *привилія* ‘преимущество’, также восходящий к польскому *przywilej*. При этом в петровскую эпоху распространяется и непосредственно заимствованные из латыни варианты *привилегиумъ* (< лат. *privilegium*) и *привилегія* [Смирнов, 1910: 240].

Лексема *скарбъ* (< польск. *skarb*) в значении ‘имущество’ с XV в. отмечается в летописных источниках [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 24: 177]. Таким образом, все рассмотренные лексемы регистрируются в русских источниках до начала XVIII в.

Такая концентрация юго-западнорусской лексики объясняется, вероятнее всего, характером текста, который в данных частях представляет собой перевод документов. Может она объясняться и влиянием языка Посольского приказа, где полонизмы могли употребляться не только непосредственно при переводах с польского, но и в других случаях. Если принять версию А.А. Круминга о том, что переводчиком неизданного текста Корана был Петр Постников старший, следует обратить внимание на то, что отец братьев Постниковых, Василий Тимофеевич, был дьяком Посольского приказа, а старший из братьев по возвращении из-за границы был зачислен в Аптекарский приказ, однако с обязанностью переводить тексты для Посольского приказа [Кислова, 2019: 54–55; Беляков и др., 2021: 238–239].

⁴ URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 20.06.2021).

⁵ URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 20.06.2021).

Вопрос о том, каким изданием французского текста пользовались русские переводчики, остается непроясненным. Определенную информацию об этом могут дать скопированные в рукописях двух переводов арабские буквы, наличие которых в корректурной рукописи печатного перевода РГАДА, ф. 381 (Син. тип.) № 1034 впервые отметил А.А. Круминг [Круминг, 1994: 233].

Арабские буквы находятся в примечаниях французского переводчика, расположенных перед главами, которые в оригинале называются по традиции определенными буквами арабского алфавита, стоящими в начале суры (главы 20, 36, 38, 50, 68). В тех же комментариях перед указанными выше главами буквы копируются и в двух имеющихся рукописях другого перевода Корана, оставшегося неизданным.

Рассмотрим эти комментарии по порядку. Так, 20-я сура Корана, в которой рассказывается о пророке Мусе и египетском фараоне, носит название Та Ха (араб. طه). В расположенном перед этой главой французском комментарии говорится о том, что ط и ه — это буквы арабского алфавита, и при помощи тафсиров (толкований на Коран, принадлежащих различным авторам) объясняется смысл названия суры. Приведем этот комментарий по первому изданию 1647 г., выпущенному в Париже⁶:

Le chapitre de la Beatitude & de l'Enfer, contenant cent trente-cinq versets, écrit à la Meque. Lecteur, les Mahometans ont intitulé ce Chapitre طه Thé⁷. Ce sont deux lettres de l'Alphabet Arabe, à sçavoir ط Tt et ه Hè ou ه. En ce lieu ط Tt signifie طوبا [twba] Thouba, c'est à dire Beatitude et ه signifie هويه [hawîha] haoihé, c'est à dire l'Enfer <...> (p. 347).

В поздних изданиях, однако, происходит перестановка арабских букв, что вызвано, очевидно, незнанием с ними наборщиков. Кроме того, искажены буквы в арабских словах, обозначающих 'блаженство' и 'ад'. Путаница обнаруживается уже в парижском издании 1672 г. (p. 243) и воспроизводится далее.

Приведем интересующий нас текст по гаагскому изданию 1685 г. как наиболее близкому по времени к обоим русским переводам:

Lecteur, les Mahometans ont intitulé ce Chapitre طه Thé. Ce sont deux lettres de l'Alphabet Arabe, à savoir ط Tt et ه Hè ou ط (!)⁸. En ce lieu ه (!) Tt signifie طوط (!) [twta] Thouba, c'est à dire Beatitude et ه signifie هوه (!) [hawha] Haoihé, c'est à dire l'Enfer <...> (p. 243).

⁶ URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k109735r?rk=21459;2> (дата обращения: 28.01.2021).

⁷ Парижское издание 1649 г., p. 343: Tthé. <http://mdz-nbn-resolving.de/urn:nbn:de:byb:12-bsb10249233-3> (дата обращения: 28.01.2021).

⁸ Ошибочно повторена буква *fā'* вместо второго варианта написания буквы *hā'*.

Сопоставим с этими двумя версиями передачу арабских букв в двух русских переводах. В рукописи печатного перевода РГАДА, ф. 381 № 1034 находим следующее:

Глава о бл҃гоствореніи содержитъ ·рлѣ· стіхо^в, писанные мек'ке (!), Читателю ^всію главѣ магоме^т написа^т сїи сѣтъ два слова арапскіе ط Tt и ه He или ط (!) въ семь мѣстѣ et Tt It знаменѣ^т طوط (!) таѣба, то есть бл҃го^словение, и знаменѣть ГаГоИ [.]⁹ то есть адъ (л. 199 об.).

Примечательно, что в конце этого пассажа арабское вкрапление не скопировано. Однако по тому, как ошибочно передаются буквы вначале, ясно, что было использовано не раннее издание, а одно из поздних. При подготовке рукописи к печати арабские буквы были устранены: в корректурном печатном экземпляре на их месте пропуски (РГАДА, БМСТ № 3 (36), с. 175), а окончательный текст комментария к 20-й суре приобрел следующий вид:

РГБ, МК Си-2°/16-К¹⁰ ГЛАВА О БЛАГОСВОТВОРЕНИИ. содержитъ сто тридесять пять стіховъ, пісанныхъ въ меккѣ. Читателю въ сеи главѣ магометъ написаль два слова арапскія сложенные съ протчїми знаменуютъ ΘΟΥБА, т.е. благословеніе, и знаменуютъ ГАГОИГЕ, т.е. Адъ (с. 175). При транслитерации арабского слова Т было передано как Θ, по всей вероятности, под действием идущего от церковнославянских грамматик принципа использовать фиту в заимствованиях.

В двух рукописях второго перевода арабские вкрапления также присутствуют, причем в большем, чем в рукописи первого перевода, объеме.

БАН 33.7.6 Глава ѿ блажен'ствѣ и ѿ аде, соде^ржушая стѡ тридесять ѡсьмь стихѡ^в, писанныхъ во амекѣ. Читателю, Магометаны во^главили сїю главу ѡ ط. Сїи сѣтъ две литеры а^ббуки ара^бскіе, Сїи рѣчь ط Tt или ѡ He. в семь мѣ^сте ѡ Tt (!) знаменуе^тся طوط (!) Thouba, сїи рѣчь блаже^нство и ѡ знаменуе^тся ѡ ه Nahoihe, Сїи рѣчь адъ (л. 345). То же РГАДА, ф. 181 (МГАМИД) № 148/217 (л. 397).

Следующий комментарий к употреблению арабских букв находится перед главой 36. Paris 1647:

Le Chapitre intitulé O Homme, contenant quatre-vingts huit verjets, escrit à la Meque. Lecteurs, les Mahometans ont intitulé ce Chapitre de deux lettres de l'alphabet Arabe س ن is. Le Bedaoi dit que ي i, signifie يا ia, c'est à dire o, particula vocativa, et س s est une abbreviation qui signifie انسان [insan] inſan, c'est à dire homme, et que l'Ange parlant à Mahomet commença ce Chapitre de cette façon. O homme, je jure par l'Alcoran, etc. Voy Teffir¹¹ Kitab el tenoir (p. 490).

⁹ Одна буква попала в переплет и читается неразборчиво.

¹⁰ Далее тиражированный печатный Коран 1716 г. будет цитироваться по данному экземпляру.

¹¹ В издании Paris 1649 ошибочно Teffin (p. 485). Опечатка издания 1649 г. не воспроизводится в более поздних изданиях.

В ранних изданиях арабские буквы транслитерируются как *is*, а в поздних — *if*. Так, в издании 1685 г. находим *if* (р. 343). В обоих переводах копируется поздний вариант *if*. В рукописи печатного перевода РГАДА, ф. 381 № 1034 находим:

Глава содержащая о члвкѣ содержитъ ꙗко пишанꙗ мекке. Читателю, магомета^нцы называли сию главѣ двема словами алѣабетиче^скими, арабски *يس if*. Бедаои рече^т что *ي i* знаменѣть, *يا ia*, т.е. ча^сть гласныя *o et* и *س f*, т.е. украшение знаменѣть¹² *سان инсанъ*, т.е. члвкѣ и ангел [.] нача говорити магометѣ тако сию глѣвѣ: о члвче, а^з божѣся Алкорано^м, и про^т: зри теѣѣиръ китаб [ел] тенѣаръ (л. 312 об.).

Правка в корректурном экземпляре затрагивает преимущественно уровни орфографии и лексики, а также устраняет сами арабские буквы:

ГЛАВА СОДЕРЖАЩАЯ О ЧЕЛОВѢКѢ. содержитъ осмьдесятъ стѣховъ, писанныхъ въ меккѣ. Читателю, магометанцы называли сию главу двѣма літерами алфавітическими, арабскими, о нихже Бедаои речеть, яко знаменуютъ оныя літеры часть гласную сокращеннѣ, челѣвѣка и ангела, иже нача говорити магомету тако сию главу: О челѣвѣче, азъ божаюся алкораномъ, и протчее: Зри Тефѣиръ, Китабель тѣнуаръ (с. 247).

Рукописный перевод РГАДА, ф. 181 (МГАМИД) № 148/217 содержит следующий текст:

Глава огла^влена, ѡ члвкѣ, соде^ржающая ѡс^мьдесятъ ѡс^мь стѣхо^в, писа^нны^х ѡ аме^к, Читателю, магометаны ѡглавили сию главу двумя літерами алѣавиты арабские *يس i.f*. Бедаои^н глаголетъ *ي i* знаменуетъ *يا ia*, сиречь *o*, частица во^зывательная, *س f*, есть единое умаление которое разумѣется *انسان [insan]* инсамъ (!), си^рѣчь члвкѣ, и что а^нге^л глаголя магомету началъ сию главу симъ о^бразомъ: ѡ члвче, клянѣся алкораномъ, и про^тчая, зри теѣѣира китабѣла тѣноѣра (л. 564).

Сура 38 в переводе носит название «Глава об истине»:

Paris 1647 Le Chapitre de la verité, contenant quatre vingts huict verjets, escrit à la Meque. Lecteur, Mahomet a intitulé ce Chapitre de la letter nommée en l'Alphabeth Arabe *ص ffad*, qui signifie en ce lieu *صدق*, *βidk*¹³, c'est à dire verité. Voy la Glofe de Gelaldin, Kitab el tenoir: Ils ont intitulé ce Chapitre de la Verité (р. 506).

Во французской транслитерации эмфатический характер произношения *ص [s]* передается с помощью удвоения *β (ff)* в ранних изданиях и последовательности *fs* в более поздних. В поздних изданиях имеются и неточности в передаче арабских букв: так, в издании

¹² Первые две буквы копируемого слова попали в переплет.

¹³ В издании Paris 1649 *βidk* (р. 500).

1685 г. над буквой ق стоит одна точка вместо двух¹⁴, т.е. ق обозначено как ف, а вместо ۛ появляется ۛ, т.е. пишется صذف (р. 354).

В рукописи первого перевода РГАДА, ф. 381 № 1034 точки над буквами вообще отсутствуют:

Глава о Истин'нѣ соде^ржить ·҃пи· стиховъ, писанные ме^кке. Читателю магоме^т написа сию глѣву словами арабскими азбучными ص Сс и д. которое знаменѣ^т صدق (!) ССИДК то есть истина, зри толкование Гелалдіна, китабель теноирь: Сии написали и нарекли сию главѣ о истинѣ (л. 321).

Кириллическая транслитерация Сс явно воспроизводит вариант fs поздних французских изданий. В окончательном варианте печатного текста данный фрагмент приобретает следующий вид:

ГЛАВА О ИСТИННѢ. содержитъ осмьдесятъ осмь стиховъ, писанныхъ въ меккѣ. Читателю, магометъ написа сию главу літерами арапскими алфавітическими, которое знаменуеть С: С: И: Д: К: т.е. истинна. Зри толкованіе гелялдіна, китабель тенуарумъ, и написавше, нарекли сию главу о истиннѣ (с. 255).

С одним из поздних французских изданий связан и второй перевод, переписчик которого сохраняет транслитерацию латиницей:

РГАДА, ф. 181 (МГАМИД) № 148/217 Глава ѿ и^тин'нѣ, соде^ржащая. ѿ^смьдесятъ ѿсмь стиховъ, писа^нны^х ѿ аме^кк Читателю, магометъ во^зглави^т сию главѣ литерою именованною в а^тѳавите ара^бско' ص fsad. которая разумѣ^тся все^м ме^сте, صذف (!) fsidk, сии рѣчь и^ти^нна, зри словесное толкование Гела^тдиново китабела теноира: оглавили сию главу глава ѿ и^тиннѣ (л. 580). В этом переводе воспроизводится также искажение арабского слова صدق, которое есть в поздних французских изданиях.

Сура 50 носит название ق (каф): Paris 1647 Le Chapitre de la Chofe jugée, contenant quarante cinq versets, escrit à la Meque. Mahomet a intitulé ce Chapitre de la lettre ق kaf de l'Alphabet Arabe qui signifie en ce lieu أقضي الأمر Kda el emer, c'est à dire, la chofe est jugée. Voids Gelaldin et le Bedaoi, ils ont intitulé ce Chapitre du Jugement ou de la chofe Jugée. Plusieurs Mahometans, disent aussi que ق Kaf est une montagne qui entoure tout ce monde, et que Mahomet iure par cette montagne (р. 497).

В поздних изданиях написание двух этих арабских слов искажено: вместо ي используется ب, а вместо ر – و: قضب ألامو (изд-е 1685 г., р. 408). Переписчик корректурной рукописи печатного перевода копирует و вместо ر, под ۛ нет точки:

Глава о вещахъ судимыхъ содержи^т ·ме· стихо^в писанные ме^кке. Магометъ оглави^х (!) сию главѣ словами ق каѳ азбучны^м арабскими

¹⁴ С одной точкой наверху пишется буква каф ق в магрибском письме [Тихонова, Мазняк 2020: 87], однако видеть здесь его влияние нет оснований.

в семь мѣсте, قضب الأمر (!) кда ел емер вещь ра³сѣдигелная, зри Геллялдинъ и Бедаои, они назвали сию главѣ о сѣдѣ, или о вещахъ сѣдны^х. Многия магомета^нцы рекѣтъ такожде, что ق کا^е е^стъ единая гора которая естъ крѣто^м сего свѣта и ибо магоме^т божи^тся сею горою (л. 361). Отметим, что f в названии буквы передается как ѳ: каѳ.

После редакторской правки печатный текст выглядит так: ГЛАВА О ВЕЩАХЪ СУДИМЫХЪ. содержитъ четыредесять пять стиховъ, писанныхъ въ меккѣ. Магометъ огласилъ сию главу словами К.А.Ө. Алфавитическими, арапскими, въ семь мѣстѣ, которые знаменуютъ званіе: ВЕЩЬ РАЗСУДИТЕЛНАЯ, О семь зри геллялдина и Бедаоина. иже назвали сию главу о судѣ, или о вещахъ судныхъ. многія магометанцы рекѣтъ такожде, что К.А.Ө. естъ едина гора, которая естъ кругомъ всего свѣта, ибо магометъ божитъся сею горою (с. 294).

В рукописном переводе сохраняются те же искажения и прибавляется новое (ض вместо ط): Глава о вещи судимо^е, четырѣ десять пять стиховъ^б. писан^ныхъ воамекѣ, Магометъ оглавилъ сию главу литерою ق کا^е а^лѳабаты арапско^е которая знаменуетъ в семь мѣ^сте ق کا^ельмеръ, сирѣчь вѣшь естъ судимая. Сри Геля^лдена и Бедаоина, оглавили сию главу о суде или ѳ вещи судимо^е. многіе магометаны глаголютъ сице, что ق کا^е естъ единая гора, которая окружаетъ ве^с се^е свѣтъ, і что магометъ кляне^тся чрез сию гору (л. 657об.—658). Это последнее искажение, видимо, возникло под пером переписчика, а не восходит к какому-либо изданию французского текста.

Таким образом, передача арабских букв и слов, имеющихъ во французскомъ тексте Корана, в обоихъ переводахъ отражаетъ изменения и неточности, появившіеся в позднихъ изданияхъ перевода Дю Рие. Более конкретно определить издание, однако, по данному материалу невозможно.

В комментаріяхъ к суре 68 Аль-Калам (Письменная трость, буква нун) расхождения между французскими изданиями касаются лишь орфографии и пунктуации. Однако возможно, что одно пунктуационное различіе значимо для обоихъ русскихъ переводовъ. Приведемъ ихъ тексты, чтобы продемонстрировать разницу между ними, а также редактуру, которой подвергся печатный перевод 1716 г.:

Paris 1647 Le Chapitre de la Plume, contenant cinquante-deux versets, escrit à la Meque. Le Bedaoui intitule ce chapitre de la letter ن noun, n, et dit que c'est à dire Baleine ou grand poisson; Quelques autres Docteurs disent que ن noun, n, est le nom de l'ancre ou de la table, sur laquelle les Anges escrivent les commandemens de Dieu, les autres aurent qu'il signifie

escritoire, mais une bonne partie des Docteurs Mahometans intitulent ce Chapitre de la Plume (p. 596).

В изданиях 1672 г. (р. 449) и 1685 г. (р. 449) стоит точка с запятой перед словами “les autres affurent”. Отметим, что в корректурной рукописи перевода 1716 г. в соответствующем месте также находится точка с запятой:

РГАДА, ф. 381 № 1034 Глава о Пере, содержитъ 52 стиха писанные Меке¹⁵, Бедаои оглавиль сию главѣ словами ъ ноун, н, и рече^т что сие есть **балеи**^н единая великая рыба. Нѣкоторые иные учителя рекѣтъ что ъ ноун, н, есть имя черни^л или стола на которомъ ангели пишѣтъ приказанія бжия; иные увѣщаютъ что сие знаменѣтъ чернилицѣ (!), токмо единая ча^{ть} о^т учителяи Магомета^нскихъ называет сию главѣ о Пере (л. 389).

В печатном корректурном экземпляре при этом, в отличие от предыдущих случаев, сохранена арабская буква и транслитерация французского слова Baleine. Вместо точки с запятой стоит точка. Помимо системных орфографических изменений, внесенных в этот печатный экземпляр, справщики дополнительно вычеркивают арабскую букву и заменяют глагол увѣщаютъ на глаголють (л. 323). В окончательном печатном варианте арабская буква нун отсутствует и заимствование **балеинь** заменено на **китъ**: Бедаои оглавиль сию главу словами ноун, Н, глаголя яко сие есть КИТЬ единая великая рыба (с. 323).

Точка с запятой в указанном месте стоит в рукописном переводе: РГАДА, ф. 181 (МГАМИД) № 148/217 Глава ѿ пере, соде^пжѣщая пятьдесятъ два стиха писа^нны^х воамекъ. ЛеБедаоинь оглави^л сию главу литерою ъ нунъ, н, и глаголетъ сиірѣчь китъ или рыба великая, некоторые иные учителя глаголють что ъ нунъ, н, есть имя **якорю**, или столу, на которомъ а^нгели пишутъ заповеди бжия; иные увѣряютъ что разумѣется **чернилица** (!), но большая часть учителя магомета^нскихъ оглавляет сию главу ѿ пере (л. 707). В этом переводе обращает на себя внимание калькирование артикля при указании на тафсир ЛеБедаоинь — Le Bedaoui и перевод г’анкре¹⁶ ‘чернила’ как якорь (ср. совр. *encre* ‘чернила’, но *ancre* ‘якорь’).

Итак, ошибки транслитерации и копирование особенностей некоторых литер изданий французского перевода в русских рукописях оказывается важным для выяснения вопроса о хронологическом

¹⁵ Слова «содержитъ 52 стиха писанные Меке» написаны другим почерком. Здесь числительные, в отличие от основного почерка, обозначены арабскими цифрами, а не кириллическими буквами.

¹⁶ В средневековых источниках и источниках XVII–XVIII вв. возможны оба написания — *ancre* и *encre*. URL: <http://stella.atilp.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/advanced.exe?8; s=66906900> (дата обращения: 26.01.2021).

типе издания, с которого делался перевод. Искажения начерков не являются особенностями индивидуальной передачи арабских букв писцами рукописей двух русских переводов. Напротив, они достаточно точно отражают ситуацию во французских изданиях. Вероятнее всего, оба переводчика могли использовать одно издание, хотя приведенное сравнение переводов показывает их независимость друг от друга. Таким изданием, возможно, было издание, выпущенное в Гааге в 1685 г., как наиболее близкое по времени к обоим русским переводам.

Список литературы

1. *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю / Науч. ред. А.А. Романова. М., 2021. 304 с.
2. *Густерин П.В.* Первый переводчик и первое издание Корана на русском языке // *Исламоведение*. 2010. № 1. С. 84–92.
3. *Запольская Н.Н.* Культурно-языковой статус личности и текста в Петровскую эпоху (опыт прогнозирующего анализа) // *Славянская языковая и этноязыковая системы в контакте с неславянским окружением*. М., 2002. С. 422–447.
4. *Кислова Е.И.* Династия Постниковых: знатоки иностранных языков и переводчики конца XVII–XVIII в. // *Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия*. М., 2019. С. 53–59.
5. *Круминг А.А.* Первые русские переводы Корана, выполненные при Петре Великом // *Архив русской истории*. М., 1994. Вып. 5. С. 227–239.
6. *Пентковская Т.В.* К проблематике изучения русского печатного перевода Корана 1716 г. // *Stephanos*. № 6 (44). С. 43–52.
7. СУМ—Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.: У 2 т. / Укл.: Д.Г. Гринчишин, У.Я. Єдлінська, В.Л. Карпова, І.М. Керницький, Л.М. Полюга, Р.Й. Керста, М.Л. Худаш. Київ, 1977–1978. Т. 1–2.
8. *СлРЯз XI–XVII вв.* — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31. М., 1975–2019.
9. *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СПб., 1910.
10. *Тихонова О.В., Мазняк М.М.* Особенности применения арабских букв tā' (t) и zā' (z) для передачи звуков, обозначаемых латинской буквой t в португальских рукописях на алжамии XVI в. // *Stephanos*. 2020. № 6 (44). С. 84–95.
11. *Hamilton A. André Du Ryer* // *Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History*. Vol. 9. Western and Southern Europe (1600–1700) / Ed. by David Thomas and John Chesworth with Luis P. Bernabe Pons, Stanisław Grodz, Emma Gaze Loghin, Radu Păun, Mehdi Sajid, Davide Tacchini, Ann Thomson. Leiden, Boston. Brill. 2017. P. 463–465.

12. *Richard V.* La chambre du roi aux XVIIe et XVIIIe siècles: une institution et ses officiers au service quotidien de la majesté // Bibliothèque de l'École des chartes. T. 170. 2012. P. 103–130.

Tatiana Pentkovskaya

ARABIC LETTERS IN RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE QURAN OF THE FIRST QUARTER OF THE 17th CENTURY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article discusses the peculiarities of copying Arabic letters contained in the comments before some surahs of the Quran in the Russian manuscripts of two translations of the Petrine period. Both Russian translations go back to the French translation made by André Du Ryer, which was first published in 1647. By the time the Russian versions appeared, it had gone through several editions. Both Russian translations have inaccuracies in the transfer of the Arabic letters, which lead to a distortion of Arabic words. This observation allows us to express the idea about the type of French edition from which Russian translations were made. The Arabic letters in the Russian manuscripts were distorted not independently, but as a result of the accurate copying one of the later French editions, since there are no such errors in the earlier editions. It could have been the Hague edition of 1685, as chronologically closest to the time of the Russian translations. In the proofreading printed copy of the 1716 edition, the Arabic letters remain only before chapter 68, and they are eliminated in the rest of the comments. In the entire edition the Arabic letters were removed completely.

Key words: Quran translations; Petrine era; editions; manuscripts; editorial correction; commentaries; Arabic letters.

About the author: *Tatiana Pentkovskaya* — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: pentkovskaia@gmail.com).

References

1. Belyakov A.V., Guskov A.G., Liseytshev D.V., Shamin S.M. *Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: materialy k slovaryu* [Translators of the Ambassadorial Prikaz in the 17th century: materials for the dictionary] / nauch. red. A.A. Romanova. Moscow, Indrik, 2021. 304 p.
2. Gusterin P.V. *Pervyy perevodchik i pervoye izdaniye Korana na russkom yazyke* [First Translator and First Edition of the Quran in Russian]. *Islamic Studies*, 2010, 1, pp. 84–92.
3. Hamilton A. *André Du Ryer. Christian-Muslim Relations. A Bibliographical History. Vol. 9. Western and Southern Europe (1600–1700)* / Ed. by David

- Thomas and John Chesworth with Luis P. Bernabe Pons, Stanisław Grodź, Emma Gaze Loghin, Radu Păun, Mehdi Sajid, Davide Tacchini, Ann Thomson. Leiden, Boston. *Brill*. 2017, pp. 463–465.
4. Kislova E.I. Dinastiya Postnikovykh: znatoki inostrannykh yazykov i perevodchiki kontsa XVII–XVIII v. [Postnikov Dynasty: experts in foreign languages and translators of the end of the 17th–18th centuries]. Translators and translations in Russia of the end of the 16th – beginning of the 18th century. Moscow, 2019, pp. 53–59.
 5. Kruming A.A. Pervyye russkiye perevody Korana, vypolnennyye pri Petre Velikom [The First Russian translation of the Koran made under Peter the Great]. *Archive of Russian history*, 5. Moscow, 1994, pp. 227–239.
 6. Pentkovskaya T.V. K problematike izucheniya russkogo pechatnogo perevoda Korana 1716 goda [Russian Translation of the Quran, Printed in 1716: Problems of Studying]. *Stephanos*, 6 (44), pp. 43–52. doi: 10.24249/2309-9917-2020-44-6-43-52.
 7. Richard V. La chambre du roi aux XVIIe et XVIIIe siècles: une institution et ses officiers au service quotidien de la majesté. *Bibliothèque de l'École des chartes*, 170, 2012, pp. 103–130. doi: <https://doi.org/10.3406/bec.2012.464182>.
 8. Slovar' russkogo yazyka 11–17 vekov [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th cent.]. 1–31. Moscow, 1975–2019.
 9. Smirnov N.A. Zapadnoye vliyaniye na russkiy yazyk v Petrovskuyu epokhu [Western influence on the Russian language in the Peter the Great Era]. St.-Petersburg, 1910.
 10. SUM — Slovník staroukrayins'koyi movy XIV–XV st.: U 2 t. [Dictionary of the Old Ukrainian language of the 14th – 15th centuries: In 2 volumes] / Ukl.: D.G. Grinchishin, U. Ya. Yedlinska, V.L. Karpova, I.M. Kernytsky, L.M. Polyuga, R.Y. Kersta, M.L. Khudash. Kyiv: Naukova dumka, 1977–1978. T. 1–2.
 11. Tikhonova O.V., Maznyak M.M. Osobennosti primeneniya arabskikh bukvy tā' (t) i zā' (z) dlya peredachi zvukov, oboznachayemykh latinskoy bukvoy t v portugal'skikh rukopisyakh na alzharii XVI v. [Peculiar Use of the Arabic Letters tā' and zā' for Conveying Sounds Denoted by the Latin Letter t in Portuguese Manuscripts in Aljamia Dated Back to the 16th century] *Stephanos* 2020, 6 (44), pp. 84–95. doi: 10.24249/2309-9917-2020-44-6-84-95.
 12. Zapolskaya N.N. Kul'turno-yazykovoy status lichnosti i teksta v Petrovskuyu epokhu (opyt prognoziryuyushchego analiza) [Cultural and Linguistic Status of a Person and a Text in the Petrine Era (experience of predictive analysis)]. *Slavonic Language and Ethno-linguistic Systems in Contact with Non-Slavic Environment*. Moscow, 2002, pp. 422–447.

А.В. Орлова

**СЛОВА «КЛАТВА» И «РОТА» В ЗНАЧЕНИИ
‘ОБЕЩАНИЕ, ЗАВЕРЕНИЕ’ В ЯЗЫКЕ
ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ XI–XVI вв.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются слова *клатва* и *рота* в значении ‘обещание, заверение’ в древнерусских памятниках XI–XVI вв. Оба слова, относящиеся к древнейшему пласту славянской лексики, могут выступать в качестве синонимов и указывать как на подтверждение слов («ассерторные клятвы»), так и на обещание чего-либо («промиссорные клятвы»), однако нами выявлены определенные различия в употреблении этих слов, связанные с языковыми регистрами, в которых они используются. Если слово *клатва* преимущественно употребляется в стандартных церковнославянских и гибридных текстах, то слово *рота*, кроме названных типов, может быть также представлено в памятниках деловой и бытовой письменности. Для указания на клятву-подтверждение в стандартных церковнославянских текстах используется слово *клатва*, в деловых — *рота*. Для наименования клятв-обещаний (например, при закреплении договоренностей между князьями) в стандартных церковнославянских и гибридных текстах мы встречаем оба слова. Однако *рота* чаще используется при указании на договоры с князьями-язычниками или если речь идет о языческом ритуале (*нити роту*, но не **нити клатву*). В бытовых древнерусских текстах, как отражение народной (языческой) традиции, используется именно слово *рота*, а не *клатва*. При этом данная особенность не исключает употребления слова *рота* при упоминании обрядов, выполненных по христианскому образцу (целование креста и др.), что можно объяснить существованием в течение долгого времени двоеверия на Руси.

Ключевые слова: *клатва, рота*; лексическая семантика; древнерусский язык; языковые регистры; клятва-подтверждение; клятва-обещание.

В древнерусском языке XI–XVI вв. представлен широкий круг наименований клятв: *клатва, рота, присага, вѣра*, причем наибольшую близость в употреблении демонстрируют слова *клатва* (< *клати(са)* < праслав. **klęti*, **klъnŏ (se)*, соотносительного с **kloniti*

Орлова Антонина Вячеславовна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета имени М.В. Ломоносова (e-mail: antonina-orlova2607@yandex.ru).

‘клонить’ [ЭССЯ, X: 39; Фасмер, 1986, II: 259] и *рота* (< **ro(k)ta*: **re(k)ti*, букв. — ‘произнесенное’ (ср. ст.-слав. рѣшти, рус. *речь*) [Трубачев, 2004: 601; Топоров, 1959: 93], которые фиксируются в ранних древнерусских памятниках.

Слова *клатва* и *рота* уже с древнейшего периода обнаруживают достаточную близость в употреблении, как в значении ‘обещание, заверение’, так и в значении ‘проклятие’. В то же время они не являются полными синонимами. Проведенный анализ показывает, что в древнерусском языке употребление данных слов в значении ‘обещание, заверение’ во многом определяется использованием в различных типах (регистрах) древнерусского языка (о понятии регистра см. [Живов, 2017: 205–325]).

Исследованные тексты составляют четыре группы: **стандартные церковнославянские** тексты (Успенский сборник XII–XIII вв., Ефремовская Кормчая XII в., «История иудейской войны» Иосифа Флавия по списку XV в. и др.), **гибридные церковнославянские** тексты (Повесть временных лет, Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку 1377 г., Киевская, Галицкая летописи по Ипатьевскому списку XV в., Рогожский летописец XV в., Постниковский летописец XVI в. и др.), **деловые** тексты (Русская Правда по списку Новгородской кормчей XIII в.), **бытовые** тексты (берестяные грамоты XI–XV вв.).

Анализ показал, что слово *клатва* в значении ‘обещание, заверение в чем-либо’ представлено преимущественно в стандартных церковнославянских и гибридных текстах. В юридических документах, не связанных с церковным правом¹, а также в **бытовых** текстах берестяных грамот слово *клатва* в данном значении нами не зафиксировано. Слово *рота* широко представлено в **гибридных текстах** (обычно в летописях), в **стандартных церковнославянских** памятниках, а также в **деловых и бытовых текстах**. В переводных контекстах оба слова в данном значении обычно являются соответствиями греческого ῥωσ *‘клятва’* [Liddell–Scott, 1940: 1252].

Клятвы по содержанию можно разделить на ассерторные («клятвы-подтверждения») и промиссорные («клятвы-обещания»). Ассерторные клятвы используются для подтверждения истинности фактов, отсылая к какому-либо событию в прошлом или настоящем, а промиссорные — направлены в некоторый момент будущего [Толстая, 2019: 491].

В **стандартных церковнославянских** текстах для указания на клятву ассерторного типа используется слово *клатва*, обычно в Т.п. с

¹ Исключение составляют тексты «Договоров Руси с греками», однако они «... в отличие от более поздних оригинальных восточнославянских юридических актов... отражают церковнославянские языковые традиции» [Хабургаев, 1994: 135]; языку «Договоров» посвящена обширная литература (см. подробнее: [Ларин, 1975: 25–29; Хабургаев, 1988: 58–59; 1994: 135–137; Якубинский, 1953: 286–287] и др.).

предлогом *съ* в сочетании с глаголом *извъщати*: *онъ же съ клятвою извъщася. яко и еще свѣтъ затвореномъ соущемъ воротомъ и w(t)толь нъсмъ ихъ w(t)врѣзалъ* (Жит. Феод. Печ.) [Усп. сб. XII–XIII: 45]. В памятниках делового регистра для указания на ассерторный тип клятвы используется слово *рота* при описании юридических процедур в составе устойчивых выражений *ити ротъ* (на роту), *ходити ротъ* ‘приносить клятву’: *аже кто не въдая чюжь холопъ оусрачетъ... то ити ѹмоу ротъ... яко не въдалъ ксмъ же ксть холоп* [РПр 1282: л. 627а].

Промиссорные клятвы, в отличие от клятвы-подтверждения, направлены в некоторый момент будущего, часто они используются для закрепления договоров, союзов, например, между Богом и человеком [Ринкер, Майер, 1999: 702]: *видѣвшие тѧ оузрѣхомъ. яко есть гдѣ с тобою и глахомъ. буди клатва межю нами* (Быт 26:28) [Пятокнижие Моисеево, XIV в.: л. 25 об]. Вероятно, под влиянием библейских контекстов этот тип ярко представлен в стандартных церковнославянских и гибридных текстах, где клятва во многих случаях является гарантией прекращения вражды между государствами и правителями, а также закреплением договоренностей между ними.

В этом случае может быть использовано как слово *клатва* (в сочетании *створити клатву*), так и слово *рота*, возможно, под влиянием сложившейся юридической практики на Руси (в сочетаниях *за)ходи-ти ротъ* и др.). По всей видимости, эта традиция прослеживается уже в «Договорах Руси с греками» X в., в которых противопоставляются «закон русский» и «закон греческий» [см. подробнее: Рождественская, 2001; Стефанович, 2006а; 2006б]. Слово *рота* в составе устойчивых выражений *заходити ротъ*, *водити ротъ* (на роту) могла использоваться, как в отношении языческих, так и христианских обрядов, например, при описании клятвы на оружии с заклинаниями (языческий тип) [Стефанович, 2006б: 388]: *Илга водивше на ротуу и моуже по роу(с)кому законуу, клѧшасѧ в роу(ж)емъ свои(м) и перуно(м) бгомъ свои(м) и волосомъ ско(т)емъ бгомъ, и оутвердиша миръ* ((Пов. вр. лет.) ок. 1425 ~ 907) [ПСРЛ II: 23] или целования креста (христианский тип): *Црь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имшеся по дань и ротъ заход(и)вше межы собою, цѣловаше кр(е)сть* (Пов. вр. лет., ок. 1425 ~ 907) [ПСРЛ II: 23].

Синонимия слов *клатва* и *рота* наблюдается в стандартных церковнославянских и в гибридных текстах: *кльнуущасѧ клатвами елиньсками* (ѳроуѡс) (Ефр. Корм. XII, 67а) [Бенешевич, 1906: 198]; *Главизна. ѿ. о ротѣхсѧ елиньскими ротами. василия правило* (ѳроуѡс) (Ефр. Корм. XII, 106) [Бенешевич, 1906: 51]; *створиша же межы собою клатвою Роусь и Лахове...* (Галицк. лет., ок. 1425 ~ 1228) [ПСРЛ II: 757]; *и ту блѧху мужи Двди оу Стошь. заходилъ бо бѣ ротъ Стѧа к Двди, аще поиде (т) на тѣ Стополкъ то повѣмъ ти.* (Пов. вр. лет., 1377 ~ 1097) [ПСРЛ I: 272].

Как показывает анализ, в летописях слово *клятва* может использоваться, в частности, для описания ситуации вступления в княжение: *и посла ярополкъ по друугаго мьстислалича. в полотескъ по изяслава приведе и съ клятвою* (Киевск. лет., ок. 1425 ~ 1133) [ПСРЛ II: 295]. В приведенном фрагменте описываются события после смерти Мстислава в 1132 г., когда Ярополк (брат Мстислава) вызывает Изяслава (сына Мстислава) княжить в Переславле, что сопровождается клятвой последнего.

В то же время «в летописях для обозначения соглашений, скрепленных клятвой, с половцами, позднее с татарами употребляется только *рота*. Возможно, такое словоупотребление и говорит в пользу того, что *рота* ассоциировалась больше с чем-то “нехристианским” и “народным”» [Стефанович, 2006а].

Действительно, при описании отношений между русскими князьями (или их доверенными лицами) и нехристианскими кочевыми народами (половцами, печенегами, берендичами, «черными клобуками»), а также их правителями находим именно слово *рота* в составе устойчивых выражений: *и посажа посадники свои Гльбъ Гюргевичь. по Посъмью за полемь. и тоу выр. половчи мнози. тоу заходиша ротъ с ни(м)* (Киев. лет., ок. 1425 ~ 1147) [ПСРЛ II: 356]; *посла к нимъ с тъм же втрокомъ. тои же ноци. влбыр шерошевича. и яса имъ по всю волю ихъ. и ротъ к нимъ ходи* (Киев. лет., ок. 1425 ~ 1159) [ПСРЛ II: 501]. Пример из Суздальской летописи примечателен тем, что слово *рота* имеет определение *половьцьскую*, указывая на обряд, совершенный по половецкому обычаю: *кнѧже Половци Емкове. пришли ѧсмы со кнѧземъ Болгарьскы(м) воѧватъ Болгарь. кнѧзь же Всеволодъ здумавъ с братьею своею. и дружиною. води ихъ в роту в Половьцьскую...* (Сузд. лет., 1377 ~ 1183) [ПСРЛ I: 389].

В Рогожском летописце слово *рота* указывает на монгольский ритуал принятия клятвы, связанный с питьем вина, смешанного с тертым золотом: *Мамаевы же князи биша челомъ царю Токтамышу и даша ему правду по своей вѣрѣ, и пиша къ нему роту* (Рог. лет., сер. XV в.) [ПСРЛ XV: 141]. Этот ритуал имеет древние тюркские корни и связан с представлениями о том, что золото способно аккумулировать силу проклятья в случае невыполнения обещанного [Юрченко, 2009]. Параллельно выражению *пити роту* в более поздних памятниках (например, в Постниковском летописце XVI в.) также встречается *пити шертъ*²: *И по великого князя приказу перед Останю все казанские люди великому князю шертъ пили* (Постник. лет., XVI в.) [ПСРЛ XXXIV: 27]. При этом выражение **пити клятву* не фиксируется.

² *Шертъ* — присяга на верность договорным отношениям с Русским государством, из араб. — тюрк. *šart* ‘соглашение, условие’, алт. *šert* ‘клятва’ [Фасмер, IV: 431].

Сходное употребление мы встречаем в переводных памятниках стандартного церковнославянского регистра. Так, в «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия слово *rota* может использоваться для обозначения конкретного договора (как соответствие греческого $\sigma\upsilon\nu\theta\eta\eta\iota$ ‘соглашение’ [Liddell—Scott, 1940: 1717]), причем этот договор заключают язычники: *Александриа же, слышавши яко Тигранисъ, Арменскыи црь, обступил Клеопатру... пославши дары и силу и роту, покори его* (Флавий. Полон. Иерус. II, 349 г.) [Пичхадзе, 2004: 74].

Промиссорный тип клятв представлен и в **бытовых берестяных грамотах**. Здесь в немногочисленных фрагментах употребляется слова *rota*, причем обычно в составе устойчивого выражения (*за*)*ходити ротъ: не оуправивше того а я т.я передамо святее богородице ко нее же еси заходиле роте* (ГрБ № 705, XIII) [Зализняк, 2004: 315], что, вероятно, является следствием отражения народной традиции. Обратим внимание при этом, что клятва дается перед иконой Богородицы. Слово *клатва* в текстах данного типа не зафиксировано.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Слово *клатва* преимущественно употребляется в стандартных церковнославянских и гибридных текстах, слово *rota*, кроме названных типов, может быть также представлено в памятниках деловой и бытовой письменности.

Для указания на клятву ассерторного типа в стандартных церковнославянских текстах используется слово *клатва* (обычно в Т.п. с предлогом *съ* или без предлога в сочетании с глаголом *извъщати*), в деловых — преимущественно употребляется слово *rota* (в составе устойчивых сочетаний *ити ротъ (на роту)*, *ходити ротъ*).

Для номинации клятв промиссорного типа (например, при закреплении договоренностей между князьями) в стандартных церковнославянских и гибридных текстах мы встречаем слово *клатва* (в сочетании *створити клатву*). При этом в подобных контекстах может встречаться и слово *rota* (в стандартных церковнославянских и гибридных текстах), в том числе в случаях, если договор заключался с князем-язычником (в сочетаниях (*за*) *ходите роте, водити роте, яти роту*), а также если речь идет о языческом ритуале (*пити роту*, но не **пити клатву*) или в бытовых древнерусских текстах как отражение народной (языческой) традиции (в сочетании (*за*) *ходити ротъ*).

Список литературы

1. Бенешевич В.Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. сп. XII в. СПб., 1906.

2. *Живов В.М.* История языка русской письменности: В 2 т. Т. 1. М., 2017.
3. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
4. *Ларин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — сер. XVIII в.). М., 1975.
5. *Пичхадзе А.А., Макеева И.И., Баранкова Г.С., Уткин А.А.* «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1. М., 2004.
6. ПСРЛ I — Лаврентьевская и Троицкая летописи. 2-е изд. Л., 1926—1928.
7. ПСРЛ II — Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908.
8. ПСРЛ XV — Рогожский летописец, 2-е изд. Пг., 1922.
9. ПСРЛ XXXIV — Постниковский летописец. М., 1978.
10. Пятюнские Моисеево. РГБ. ТСЛ. Ф.304/1 № 1. XIV в.
11. *Ринкер Ф., Майер Г.* Библийская энциклопедия Брокгауза. М., 1999.
12. *Рождественская Т.В.* Об отражении устной и письменной традиций в договорах Руси с греками X в. (*речи — писати; клятва — рота*) // Норна у источника судьбы: Сборник статей в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2001. С. 333—339.
13. РПр 1282 — Русская правда (пространная редакция) по списку Новгородской кормчей 1282 г. // Рукоп. ГИМ. Син. № 132. Л. 615в—627в. XIII в.
14. *Стефанович П.С.* Давали ли служилые люди клятву верности князю в средневековой Руси? [Электронный ресурс] // Мир истории. Электронный журнал. 2006а, № 1. URL: <http://web.archive.org/20060623163847/www.history.ru/2006/01/klyatva.htm> (дата обращения: 20.04.2018).
15. *Стефанович П.С.* Клятва по русско-византийским договорам X в. // Политические институты Древней Руси. М., 2006б. С. 383—403.
16. *Толстая С.М.* Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М., 2019.
17. *Топоров В.Н.* Slovenica // Вопросы славянского языкознания. Вып. 4. М., 1959. С. 90—99.
18. *Трубачев О.Н.* Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. М., 2004.
19. Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С.И. Коткова. М., 1971.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986.
21. *Хабургаев Г.А.* Дискуссионные вопросы истории русского литературного языка (древнерусский период) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1988. № 2.
22. *Хабургаев Г.А.* Первые столетия славянской письменной культуры. М., 1994.
23. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачева. Вып. 10. М., 1983.
24. *Юрченко А.Г.* Клятва на золоте: тюркский вклад в монгольскую дипломатию // Тюркологический сборник. 2007—2008. М., 2009. С. 410—423.
25. *Якубинский Л.П.* История древнерусского языка. М., 1953.
26. *Liddell G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940.

Antonina Orlova

LEXEMES “KJATBA” AND “POTA” MEANING 'PROMISE, ASSURANCE' IN THE LANGUAGE OF OLD RUSSIAN MANUSCRIPTS (11–16th CENTURIES)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the words *κλαμβα* and *poma* meaning 'promise, assurance' in Old Russian texts of 11–16th centuries. These words belonging to the oldest Slavic vocabulary may be considered as synonyms and they indicate both the confirmation of words (“assertory oaths”) and the promise of something (“promissory oaths”), but we have identified some differences in the use of these words related to the language registers in which they are presented. If the word *κλαμβα* is mainly used in standard Church Slavonic and hybrid texts, then the word *poma*, in addition to these types, can also be represented in the monuments of business and everyday writing. Assertive oaths in the standard Church Slavonic texts have been expressed by the word *κλαμβα*, but in business text in this case we find the word *poma*. Promissory oaths (for example, agreements between dukes) in standard Church Slavonic and hybrid texts, may be named by both words. However, the *poma* is more often used when referring to contracts with pagan princes or, if it is a pagan ritual (*numu pomy*, but not **numu κλαμβy*). Everyday Old Russian texts contain the word *poma* as a reflection of the pagan tradition, and not the word *κλαμβα*. At the same time, this feature does not exclude the use of the word *poma* when referring to rites performed according to the Christian model (kissing the cross, etc.), which can be explained by the existence for a long time of double-belief in Old Russia.

Key words: *κλαμβα, poma*; lexical semantics; Old Russian language; language registers; assertive oaths; promissory oath.

About the author: *Antonina Orlova* — PhD Student, Department of Russian language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: antonina-orlova2607@yandex.ru).

References

1. Beneshevich V.N. Drevneslavyanskaya kormchaya XIV titulov bez tolkovanii [Old Slavic Nomocanon]. sp. XII v. Saint-Petersburg, *ORYaS*, 1906.
2. Zhivov V.M. Istoriya yazyka russkoi pis'mennosti [History of the Russian written language]. V 1. Moscow, *Izdatel'stvo Universiteta Dmitriya Pozharskogo*, 2017.
3. Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskii dialekt [Old Novgorod dialect]. 2-e izd. Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury* [LRC-PRESS], 2004.
4. Larin B.A. Leksii po istorii russkogo literaturnogo yazyka (X — ser. XVIII v.) [Lectures on the history of the Russian literary language (10–18th centuries)]. Moscow, 1975.

5. Pichkhadze A.A., Makeeva I.I., Barankova G.S., Utkin A.A. “Istoriya Iudeiskoi voiny” Iosifa Flaviya. Drevnerusskii perevod [“The Jewish War” by Josephus Flavius. Old Russian translation.]. V.I. Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury* [LRC-PRESS], 2004.
6. PSRL I—Lavrent'evskaya i Troitskaya letopisi [Laurentian and Troitsky Chronicle]. 2-e izd. Leningrad, *Tipografiya Eduarda Pratsa*, 1926—1928.
7. PSRL II—Ipat'evskaya letopis' [Ipatiev Chronicle]. 2-e izd. Saint-Petersburg, *Tipografiya Eduarda Pratsa*, 1908.
8. PSRL XV — Rogozhskii letopisets [Rogozhsky chronicler]. 2-e izd. Petrograd, *Akademiya nauk*, 1922.
9. PSRL XXXIV — Postnikovskii letopisets [Postnikovsky chronicler]. Moscow, *Nauka*, 1978.
10. *Pyatoknizhie Moiseevo* [Bible. O.T. Pentateuch]. RGB [RSL]. TSL. F.304/I № 1. XIV v.
11. Rineker F., Mayer G. Bibleiskaya entsiklopediya Brokgauza [Biblical encyclopedia by F. Brockhaus]. Moscow, *Rossiiskoe Bibleiskoe Obshchestvo*, 1999.
12. Rozhdestvenskaya T.V. Ob otrazhenii ustnoi i pis'mennoi traditsii v dogovorakh Rusi s grekami X v. (rechi — pisati; klyatva — rota) [On the reflection of verbal and written Traditions in the Treaties of Russia with the Greeks of the 10th century (речи — писати; клятва — рота)]. *Norna u istochnika sud'by: Sbornik statei v chest' Eleny Aleksandrovny Mel'nikovoi*. Moscow, Indrik, 2001. pp. 333—339.
13. *RPr 1282* — Russkaya pravda (prostrannaya redaktsiya) po spisku Novgorodskoi kormchei 1282 g. [Russian Truth]. Rukop. GIM. Sin. № 132. L. 615v—627v. XIII v.
14. Stefanovich P.S. Davali li sluzhilye lyudi klyatvu vernosti knyazyu v srednevekovoi Rusi? [Did the service people swear an oath of loyalty to the prince in medieval Russia?] *Mir istorii*. 2006a. № 1. URL: <http://web.archive.org/20060623163847/www.historia.ru/2006/01/klyatva.htm> (accessed: 20.04.2018).
15. Stefanovich P.S. Klyatva po russko-vizantiiskim dogovoram X v. [The oath of the Russian-Byzantine treaties of the 10th century]. *Politicheskie instituty Drevnei Rusi*. Moscow, 2006b, pp. 383—403.
16. Tolstaya S.M. Mir cheloveka v zerkale yazyka. Ocherki po slavyanskomu yazykoznaniiu i etnolingvistike [The world of man in the mirror of language. Essays on Slavic Linguistics and Ethnolinguistics]. Moscow, *Indrik*, 2019.
17. Toporov V.N. Slovenica. *Voprosy slavyanskogo yazykoznaniiya* [Issues of Slavic linguistics]. V. 4. Moscow, 1959, pp. 90—99.
18. Trubachev O.N. Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura. [Proceedings of the etymology. Word. History. Culture.] V. 1. Moscow, *Yazyki slavyanskoi kul'tury* [LRC-PRESS], 2004.
19. Uspenskii sbornik XII—XIII vv. [Uspensky collection 12—13th] / Ed. by Kotkov S.I. Moscow, *Nauka*, 1971.
20. Vasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, *Progress* [Progress Publishers], 1986. Khaburgaev G.A. Diskussionnye voprosy istorii russkogo literaturnogo yazyka (drevnerusskii period) [Discussion issues of the history of the Russian

- literary language (Old Russian period)] // Vestn. Mosk. un-ta [*Moscow University Philology Bulletin*]. Ser. 9, Filologiya. 1988. № 2.
21. Khaburgaev G.A. Diskussionnye voprosy istorii russkogo literaturnogo yazyka (drevnerusskii period). [Discussion issues of the history of the Russian literary language (Old Russian period)] Vestn. Mosk. un-ta [*Moscow University Philology Bulletin*]. Ser. 9, Filologiya. 1988. № 2.
 22. Khaburgaev G.A. Pervye stoletiya slavyanskoi pis'mennoi kul'tury [The first centuries of Slavic written culture]. Moscow, *Ed. MSU*, 1994.
 23. ESSYa — Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov [Etymological dictionary of Slavic languages]. Ed. by Trubachev O.N. V. 10. Moscow, *Nauka*, 1983.
 24. Yurchenko A.G. Klyatva na zolote: tyurkskii vklad v mongol'skuyu diplomatiyu [The Oath on gold: the Turkic contribution to Mongolian diplomacy]. *Tyurkologicheskii sbornik* [Turkological collection] 2007–2008. Moscow, 2009, pp. 410–423.
 25. Yakubinskii L.P. Istoriya drevnerusskogo yazyka [History of the Old Russian language]. Moscow, 1953.
 26. Liddell G., Scott R. A Greek-English Lexicon. *Oxford University Press*, 1940.

П.В. Дурягин, М. Джеромел

**ВОСПРИЯТИЕ КЛАСТЕРОВ
С ПАЛАТАЛЬНЫМ СОГЛАСНЫМ ИТАЛЬЯНЦАМИ,
ИЗУЧАЮЩИМИ РУССКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ:
РОЛЬ КАТЕГОРИЙ РОДНОГО ЯЗЫКА**

*Университет Венеции Ка' Фоскари
30123, Италия, Венеция, Dorsoduro, 3246*

В работе представлены результаты фонетического эксперимента по различению псевдослов, содержащих контраст *тя — тья* (палатализованный согласный и сочетание такого же палатализованного согласного с палатальным [j] в позиции перед гласным) итальянцами, владеющими русским языком на среднем уровне. В рамках исследования была подвергнута проверке гипотеза о том, что на успешную категоризацию таких сочетаний может влиять наличие палатальных сонантов в фонологической системе родного языка испытуемых. Предполагалось, что опора на эти категории может помочь информантам успешнее различать минимальные пары псевдослов, в которых содержатся слоги с носовым и боковым переднеязычными, по сравнению с другими согласными. При проведении перцептивного эксперимента псевдослова были встроены в элементарные русские фразы. Результаты, полученные от 31 испытуемого, показали, что италоговорящие студенты испытывают трудности при различении изучаемого контраста и показывают результаты на уровне случайности вне зависимости от сегментного состава и ударности слогов. При этом был обнаружен статистически значимый эффект порядка презентации стимулов: испытуемые чаще отвечали верно в тех случаях, когда правильный ответ предлагался к прослушиванию вторым в паре стимулов. Этот «эффект новизны» был отмечен только для целевых стимулов, но при этом отсутствовал в филлерах. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что по крайней мере вплоть до среднего этапа обучения италоговорящим не удастся сформировать перцептивные категории, позволяющие успешно различать контраст *тя — тья*.

Дурягин Павел Васильевич — кандидат филологических наук, преподаватель департамента лингвистики и сравнительной культурологии Университета Венеции Ка' Фоскари (e-mail: pavel.duryagin@unive.it).

Джеромел Маргерита — магистрант департамента лингвистики и сравнительной культурологии Университета Венеции Ка' Фоскари (e-mail: 858689@stud.unive.it). В соответствии с требованиями итальянского законодательства авторы указывают ниже свой индивидуальный вклад в подготовку публикации. Концепция и дизайн исследования, написание текста статьи — П. Дурягин; сбор и обработка материала — М. Джеромел; статистический анализ данных, обзор литературы — П. Дурягин и М. Джеромел.

Ключевые слова: фонетика; русский как иностранный; согласные; восприятие; палатализация; палатальные согласные.

Введение

Влияние фонологических категорий родного языка на формирование способностей различать звуковые контрасты в языке иностранном является общим местом в теоретической и методической литературе, посвященной усвоению неродного языка, начиная с первой половины XX в. Контрастивный анализ фонологических систем и представление об интерферирующем влиянии родного языка позволяют успешно предсказать основные трудности при формировании навыков порождения и восприятия иноязычной звучащей речи. В последние десятилетия акцент в исследованиях на эту тему сместился к эмпирической проверке гипотез об интерференции, что привело к созданию ряда теорий усвоения неродной звучащей речи, среди которых наиболее известными являются Speech Learning Model (SLM) Дж. Флере [Flege, 1995] и Perceptual Assimilation Model (PAM) К. Бест [Best, 1995]. Не имея возможности подробно остановиться на обсуждении основных теоретических различий между моделями в рамках данной статьи, отметим, что эти исследования стремятся не только предсказать трудности, но и описать алгоритмы формирования фонологических категорий на разных этапах изучения иностранного языка.

В настоящей работе представлен эксперимент такого рода, целью которого являлось изучение промежуточного этапа формирования способности носителей итальянского языка различать русские сочетания «палатализованный согласный + гласный» и «палатализованный согласный + [j] + гласный» (контраст, в русскоязычной литературе традиционно условно обозначаемый *тя — тья*; см. минимальные пары *Коля — колья*¹, *суди — судьи*). Трудность усвоения этого контраста (а точнее, противопоставления между членами триады *та — тя — тья*) неоднократно обсуждалась в исследованиях на материале итальянского языка [Сущева, 1995; Беженарь, 2015; Некрасова, 2017]. При этом в фокусе экспериментальных исследований, как правило, оказываются только два первых элемента, т.е. контраст между веларизованными и палатализованными согласными. Насколько нам известно, эксперименты, специально посвященные восприятию контраста *тя — тья* итальянцами, изучающими РКИ, ранее не проводились. С целью заполнить этот пробел нами

¹ Здесь и далее с целью экономии места мы используем орфографическую запись, а не транскрипцию примеров из русского языка и псевдослов из эксперимента.

был проведен эксперимент по различению псевдослов. В рамках исследования предполагалось проверить гипотезы о том, на какие категории родного языка опираются итальянцы, поставленные перед задачей различить контраст *тя* — *тья*. При формулировании гипотез мы исходили из сохранившегося в обновленной версии SLM [Flege, Bohn, 2021] представления о том, что при первом знакомстве со звучащей речью на неродном языке осуществляется автоматический когнитивный процесс «межъязыковой идентификации»: учащиеся интерпретируют весь инвентарь неродных аллофонов как более или менее точные реализации фонем родного языка. Таким образом, на раннем этапе изучения языка иноязычные аллофоны накладываются на категории родного языка, формируя «композитные» категории, но не создавая новые. И лишь впоследствии, в результате длительного процесса осознания фонетических различий между более и менее «подходящими» членами композитной категории, может быть сформирована отдельная новая категория.

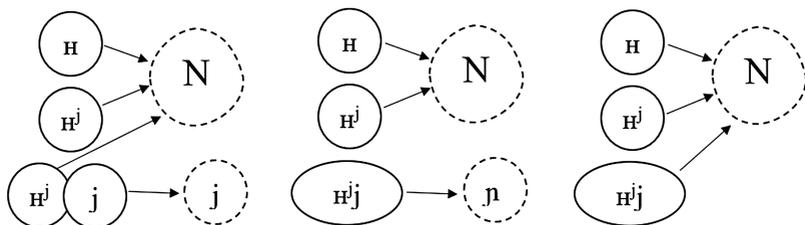

Рисунок 1. Гипотетические сценарии формирования категорий при идентификации контраста *та* — *тя* — *тья* италогovorящими на примере носового переднеязычного. Сплошной линией и кириллицей обозначены воспринимаемые категории русского языка; пунктиром и латиницей — формирующиеся на раннем этапе категории (заглавной буквой обозначена композитная категория для согласного, не охарактеризованного по признаку палатализованный / непалатализованный)

Итак, нам представляются возможными три сценария формирования категорий, соответствующих контрасту *та* — *тя* — *тья* в восприятии итальянцев². Первый схематически изображен на рис. 1 слева. В итальянском языке присутствуют консонантные кластеры с глайдом [j], схожие с русскими сочетаниями типа *тья* [Rogers, d’Arcangeli, 2004]: ср. итал. *più* ‘больше’ и рус. *тью*; итал. *sedia* ‘стул’ и рус. *оладья*. Фонематический статус этих кластеров представляет

² На основании имеющихся в литературе сведений об усвоении категории твердости/мягкости мы исходим из допущения о том, что на среднем этапе в восприятии итальянцев еще не сформирована отдельная категория для палатализованных согласных. Отказ от этого допущения несколько изменил бы схему на рис. 1, но не суть нашей гипотезы, касающейся контраста *та* — *тя*.

собой сложную проблему [Krämer, 2009: 84–99]; ряд исследователей анализируют [j] во всех позициях как элемент дифтонгов [Bertinetto, Loprocato, 2005]. Вне зависимости от интерпретации, акустическое и артикуляционное сходство между этими сочетаниями с невокализованным глайдом в итальянском и сочетаниями типа *тья* в русском языке не вызывает сомнений. Однако в данном случае серьезным препятствием для установления связей между этими категориями родного и изучаемого языка является орфография. В итальянском языке этот кластер всегда графически обозначается сочетанием с гласным *i*, в связи с этим преподаватели РКИ не используют для объяснения эту напрашивающуюся аналогию во избежание таких ошибочных написаний, таких, как **пианый/пияный* вместо *пьяный*, **лиот/лиёт* вместо *лёт*. Кроме этого, студенты не могут не обращать внимание на то, что в русском языке в именах собственных и заимствованиях сочетания с глайдом графически передаются при помощи гласных, а не мягкого знака (*Италия, фортепиано*). Все это заставляет усомниться в том, что италоговорящие студенты ассоциируют русские кластеры с [j], графически обозначаемые разделительными мягким и твердым знаком, с графическими дифтонгами родного языка. Однако если установление этой связи все же имеет место, мы предполагаем, что в рамках нашего эксперимента итальянцы, изучающие русский язык на среднем этапе обучения, должны быть в состоянии успешно отличать сочетания с [j] от сочетаний с палатализованным согласным вне зависимости от качества согласного, предшествующего палатальному.

Альтернативный сценарий (см. рис. 1, в центре) связан с наличием в фонологической системе итальянского языка двух палатальных сонорных согласных: бокового [ʎ] и носового [ɲ] [Rogers, d'Arcangeli, 2004; Bertinetto, Loprocato, 2005]. Мы предполагаем, что акустическое сходство между этими звуками и русскими сочетаниями переднеязычных бокового и носового с [j] (отраженное, в частности, в кириллической транслитерации итальянских имен собственных: например, *Конельяно, Скровеньи*) может оказывать влияние на восприятие контраста изучающими русский язык. Представляется возможной гипотеза о том, что итальянцы в процессе «межъязыковой идентификации» на раннем этапе изучения языка могут проецировать на эти фонологические категории русские сочетания *ля* и *ня* (а также *льё* и *нё*, *лью* и *ню* и т.д.). Если эта связь действительно существует, мы ожидаем, что при выполнении эксперимента по различению сочетаний типа *тя* — *тья* испытуемые должны показать более высокие результаты для переднеязычных носового и бокового по сравнению с другими согласными (ср. ука-

зание на похожую вспомогательную роль палатальных в усвоении контраста венграми в [Бархударова, 2001]).

Наконец, третий возможный сценарий (рис. 1, справа) заключается в том, что на ранних и средних этапах изучения носители итальянского языка не связывают сочетания типа *тья* ни с присутствующими в их родном языке кластерами с [j], ни с имеющимися в итальянском категориями палатальных сонантов. При этом «пессимистическом» сценарии все три члена противопоставления *та — тя — тья* должны на среднем этапе изучения языка накладываться на единую композитную категорию родного языка. Эксперимент, фиксирующий отсутствие категоризации членов интересующего нас противопоставления, должен продемонстрировать одинаково низкий результат (на уровне случайности) для всех согласных вне зависимости от наличия или отсутствия в итальянском палатального соответствия.

Метод эксперимента

Для проверки представленных во введении гипотез нами был поставлен эксперимент по установлению способности италоговорящих студентов различать контраст *тя — тья*. Эксперимент был проведен в формате АВХ. При использовании этого метода информанту сначала предлагается стимул А, затем отличающийся от него стимул В, а затем стимул Х, который соответствует либо А, либо В. Прослушав три стимула, испытуемый должен указать, к какой категории относится Х: А или В.

Стимулами послужили псевдослова, записанные в произнесении двух носителей русского литературного произношения: женщины 28 лет (стимулы А и В) и мужчины 30 лет (стимулы Х). Все они были встроены в короткие русские фразы (*Это А; Это В; Когда было Х?*). Таким образом, для испытуемых эксперимент выглядел следующим образом:

На экране компьютера изображена цифра 1. Звучит женский голос: «Это *мáлья*». Далее пауза 1 секунда.

На экране компьютера цифра 2. Звучит женский голос: «Это *мáля*». Далее пауза 2 секунды.

На экране компьютера вопросительный знак. Звучит мужской голос: «Когда было *мáлья*?»

На экране компьютера текст: «1 или 2»? Испытуемый должен нажать клавишу 1, если ему кажется, что слово *мáлья* звучало первым, или 2, если, по его мнению, слово *мáлья* звучало вторым.

После того как испытуемый нажимает клавишу, задание повторяется с новым стимулом.

Стимулы

Материал эксперимента составили двусложные псевдослова, в которых второй слог содержал сочетание типа *тя* или *тья*³. При составлении разных пар псевдослов (полный список стимулов см. в Табл. 1 и в онлайн-приложении по ссылке <https://osf.io/hxwdg>) во втором слоге варьировались следующие параметры:

качество согласного в инициали: два согласных, которым соответствует палатальный в системе фонем итальянского языка (*л* и *н*), и два согласных, не имеющих такого соответствия в итальянском (*м* и *в*)⁴, варианты пар стимулов: *ма́ля* — *ма́лья*, *га́ня* — *га́нья* vs. *ба́мя* — *ба́мья*, *ла́вя* — *ла́вья*;

качество гласного (*а* или *у*), варианты пар стимулов: *ма́ля* — *ма́лья* vs. *на́лю* — *на́лью*;

ударность слога: слог с контрастом *тя* — *тья* всегда был вторым в псевдословах, однако он мог быть как ударным, так и безударным, варианты пар стимулов: *ма́ля* — *ма́лья* vs. *маля́* — *маля́я*.

Таблица 1

Список 16 пар «целевых» стимулов, использовавшихся в эксперименте формата АВХ

Согласный в слоге с контрастом	Гласный в слоге с контрастом	Слог с контрастом ударный	Слог с контрастом безударный
Л	А	<i>маля́</i> — <i>маля́я</i>	<i>ма́ля</i> — <i>ма́лья</i>
	У	<i>налю́</i> — <i>налю́ю</i>	<i>на́лю</i> — <i>на́лью</i>
Н	А	<i>ганя́</i> — <i>ганя́я</i>	<i>га́ня</i> — <i>га́нья</i>
	У	<i>даню́</i> — <i>даню́ю</i>	<i>да́ню</i> — <i>да́нью</i>
М	А	<i>бамя́</i> — <i>бамя́я</i>	<i>ба́мя</i> — <i>ба́мья</i>
	У	<i>замю́</i> — <i>замю́ю</i>	<i>за́мю</i> — <i>за́мью</i>
В	А	<i>лавя́</i> — <i>лавя́я</i>	<i>ла́вя</i> — <i>ла́вья</i>
	У	<i>жавю́</i> — <i>жавю́ю</i>	<i>жа́вю</i> — <i>жа́вью</i>

Кроме 16 пар «целевых» стимулов, в материал эксперимента были включены 16 филлеров — похожих на них по сегментному составу пары псевдослов, различающихся, однако, не наличием палатального, а позицией ударения либо качеством ударного гласного. Поскольку восприятие двух этих контрастов не представляет труда для носителей итальянского языка, предполагалось, что они не только помешают испытуемым догадаться о целях эксперимента, но и дадут

³ В первом слоге согласный варьировался случайным образом, чтобы избежать монотонности стимулов, а гласным всегда был *а*.

⁴ Выбор губных согласных обусловлен тем, что они имеют общий с *л* и *н* признак сонорности. Мы благодарим рецензентов за указание на то, что в качестве альтернативы губным могли бы выступить шумные, имеющие общее с *л* и *н* место образования.

экспериментаторам возможность отсеять участников, выполнявших задание без необходимого уровня внимания. Порядок презентации целевых стимулов и филлеров был рандомизирован и являлся уникальным для каждой экспериментальной сессии.

Участники и процедура эксперимента

В эксперименте приняли участие 32 добровольца: 29 студенток и три студента третьего курса бакалавриата департамента лингвистики и сравнительной культурологии университета Венеции Ка' Фоскари; родным языком всех студентов являлся итальянский. Средний возраст участников эксперимента составил 21,1 год; средний опыт изучения русского языка — 4,6 (при минимуме в два года). Все они на протяжении двух лет до эксперимента изучали русский язык в университете по одинаковой программе, обучение на третьем курсе университета предполагает достижение уровня владения русским языком В1. 8 из 32 студентов ранее посещали Россию, большинство из них провели в стране изучаемого языка только две недели.

В связи с переходом на дистанционное обучение эксперимент проводился онлайн: студенты выполняли задание дома перед экранами своих компьютеров. Все инструкции были представлены на итальянском языке. Каждой экспериментальной сессии предшествовала короткая тренировка, которая позволяла испытуемым ознакомиться с форматом. Процедура эксперимента была одобрена этическим комитетом Университета Венеции Ка' Фоскари. Испытуемые дали письменное согласие на публикацию результатов эксперимента и не получали вознаграждения за участие в нем.

Для проверки корректности процедуры эксперимент был предложен для выполнения двум носительницам русского языка в возрасте 23 и 25 лет. Задание не вызвало затруднений у контрольной группы; процент верных ответов составил 93,75 (четыре ошибки в 64 заданиях). Отдельные ошибки, наблюдавшиеся как в целевых стимулах (3), так и в филлерах (1), были связаны, вероятно, с недостатком концентрации при выполнении этого задания, не представляющего трудностей для носителей русского языка.

Результаты

С целью проконтролировать степень внимательности испытуемых при выполнении задания нами были проанализированы реакции на филлеры. Биномиальный тест показывает, что при $\alpha=.05$ нулевая гипотеза о том, что ответы на филлеры давались случайным образом, может быть отвергнута, если количество верных ответов в филлерах

составляет 12 из 16 и более. Только один испытуемый дал менее 12 верных ответов в филлерах (11); его данные были исключены из статистического анализа.

В то время как доля правильных ответов в филлерах составила 88,7% (440 из 496), количество правильных ответов в целевых стимулах оказалось крайне низким — лишь 53% (263 из 496). Студенты с разной степенью успешности выполняли задание: количество правильных ответов составляло от четырех до 13 (из 16); 10 студентов ответили верно ровно на половину вопросов с целевыми стимулами (восемь из 16). Такие результаты, безусловно, указывают на то, что задание оказалось трудным и многие из испытуемых показали результаты на уровне случайности. Тем не менее статистические методы анализа данных позволяют установить, какие факторы, учтенные в дизайне эксперимента, упрощали либо, напротив, затрудняли восприятие контраста. В связи с этим ответы 31 информанта на целевые стимулы были проанализированы с помощью языка программирования R. Для 496 реакций испытуемых была построена смешанная модель логистической регрессии с использованием пакета *lme4* [Bates et al., 2015]. В качестве зависимой переменной в модели выступала правильность ответа (*ошибочный* vs. *верный*), в качестве независимых переменных (предикторов) — наличие у согласного в инициали палатального аналога в итальянском (гипотетически легкие для категоризации слоги с *л* и *н* vs. гипотетически трудные слоги с *м* и *в*), качество гласного (*а* vs. *у*), ударность слога, содержащего контраст (*ударный* vs. *безударный*), а также порядок презентации стимулов (правильный ответ был в позиции А или в позиции В); также в модель был включен свободный член для испытуемого.

Результаты статистического анализа приведены в Табл. 1 онлайн-приложения. Был обнаружен статистически значимый эффект ($p < .001$) только для одного предиктора — порядка презентации стимулов. Эффекты всех остальных предикторов (качества инициали и финали, а также позиции ударения) оказались статистически незначимыми.

Обсуждение и выводы

Проведенный эксперимент не подтвердил выдвинутую во введении гипотезу о том, что на формирование отдельной категории для сочетаний с палатальным [j] у итальянцев, изучающих русский язык на среднем этапе, оказывает влияние наличие в их родном языке палатальных согласных [ʎ] и [ɲ]. Согласно нашим результатам, испытуемые даже несколько реже ошибались при восприятии контраста в сочетаниях типа *мя* — *мья*, *вя* — *вья*, нежели в сочетаниях типа *ля* — *лья*, *ня* — *нья*, однако этот обратный ожидаемому эффект

(который, вероятно, объясняется тем, что губные артикуляционно и акустически сильнее отличаются от [j], чем переднеязычные) не достиг уровня статистической значимости. Еще слабее оказались эффекты качества гласного в финали и позиции ударения: эти факторы не оказывали заметного влияния на успешность различения контраста.

Отдельного обсуждения заслуживает сильный эффект порядка презентации стимулов. Судя по всему, в данном случае мы имеем дело с хорошо известным в исследованиях памяти частным проявлением «краевого эффекта» — эффектом новизны: лучше запоминается информация, представленная в конце списка. Формат АВХ имеет долгую историю использования в фонетических перцептивных экспериментах, в частности, в исследованиях категориального восприятия гласных [Gerrits, Schouten, 2004]. Предполагается, что эффект новизны должен ослабевать в том случае, если испытуемые относят А и В к разным фонологическим категориям. В таком случае они присваивают каждому стимулу отдельный «ярлык», за счет чего получают возможность перенести репрезентации из хранилища акустической информации [Pisoni, 1975] в более надежную краткосрочную фонологическую память (англ. *short-term phonological memory*, обзор литературы на тему см. в [Fiez, 2016]). В самом деле, аналогичная смешанная логистическая модель, построенная для 496 реакций на филлеры, не продемонстрировала значимого эффекта порядка презентации стимулов ($p=.232$; см. Табл. 2 онлайн-приложения)⁵. Таким образом, можно заключить, что обнаруженный нами значимый эффект новизны в целевых стимулах (и его отсутствие в филлерах) является дополнительным подтверждением того, что в восприятии испытуемых не сформированы отдельные категории для кластеров типа *тя* и *тья*. Не будучи в состоянии сразу распределить услышанные стимулы по разным перцептивным категориям, испытуемые, выполняя задание, могли опираться только на акустическую информацию. В связи с крайне коротким сроком ее хранения, им удавалось успешно сравнивать стимул Х только со стимулом В, но не со стимулом А, что и приводило к возникновению описанного выше эффекта.

Проведенное нами исследование наглядно демонстрирует, что италоговорящие студенты, изучавшие русский язык в школе и университете на протяжении двух и более лет и достигшие уровня владения В1, испытывают существенные трудности при различении контраста типа *тя* — *тья* в связи с тем, что они еще не сформировали

⁵ При этом в реакциях на филлеры был обнаружен сильный ($p=.051$) эффект типа стимула: вероятность ошибки возрастала почти в два раза в парах, различавшихся качеством ударного гласного, по сравнению с парами, которые различались ударением.

отдельные фонологические категории для восприятия палатализованных согласных и кластеров тех же согласных с [j]. Полученные результаты, безусловно, свидетельствуют о необходимости дальнейшей разработки лингвоспецифических корректировочных курсов русской фонетики для итальянцев. Наше исследование также ставило целью определить, на какие фонологические категории родного языка могут опираться италоговорящие учащиеся при усвоении этого контраста и формировании новых фонологических категорий: на сочетания с глайдом [j], либо же на палатальные боковой и носовой сонанты [ʎ] и [ɲ]. В связи с невозможностью выделить из числа испытуемых репрезентативную группу успешно освоивших контраст, поставленный вопрос остается открытым. Для ответа на него необходимы новые эксперименты, которые, по нашему мнению, могут продолжаться в трех направлениях. С одной стороны, они могут быть ориентированы на носителей итальянского языка с более высоким уровнем владения русским, а именно, магистрантов и аспирантов. С другой — достижение более высокой доли правильных ответов возможно за счет усовершенствования дизайна эксперимента. Так, обнаруженный нами эффект порядка презентации стимулов может быть нивелирован использованием иных экспериментальных методов, например схемы презентации АХВ, либо предоставления испытуемым возможности прослушивать стимулы по несколько раз. Наконец, третий путь представляет собой сопоставление результатов выполнения аналогичного задания до и после практических занятий, содержащих эксплицитные инструкции на тему различения контраста *ta — тя — тья*. Сравнение результатов экспериментальной и контрольной групп, инструкции в которых могли бы различаться опорой на разные категории родного языка, позволило бы проследить за формированием фонологических категорий в восприятии учащихся, а затем на основании этих данных выработать предпочтительный подход к этой трудной теме; см., в частности, рекомендации к проведению подобных экспериментов, предложенные в [Flege, Bohn, 2021: 60–64]. Несмотря на свою ресурсоемкость, именно такой формат будущих исследований в области фонетики РКИ представляется нам наиболее эффективным.

Список литературы

1. Бархударова Е.Л. Палатализованность и палатальность в русской и венгерской консонантных системах // *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*. 2001. № 25. С. 189–195.
2. Беженарь О.А. Интерферирующее влияние итальянского языка при изучении русского языка: фонетическая, орфографическая, грамматическая и синтаксическая интерференция // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2015. № 4. С. 51–57.

3. *Некрасова Ю.В.* Фонетическая интерференция и общие принципы методики формирования фонетических навыков у итальянских учащихся при обучении РКИ // Международная научно-практическая интернет-конференция «Актуальные вопросы описания и преподавания русского языка как иностранного/неродного»: сборник материалов / Под ред. Н.В. Кулибиной. М., 2019. С. 709–715.
4. *Сущева Т.В.* Сопоставительная фонетика как основа прогнозирования типичных ошибок (на примере русской речи итальянцев) // *Slavica tergestina*. 1995. № 3. С. 179–196.
5. *Bates D., Mächler M., Bolker B., Walker S.* Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4 // *Journal of Statistical Software*. 2015. 67/1. P. 1–48.
6. *Bertinetto P., Loporcaro M.* The sound pattern of Standard Italian, as compared with the varieties spoken in Florence, Milan and Rome // *Journal of the International Phonetic Association*. 2005. 35/2. P. 131–151.
7. *Best C. T.* A direct realist view of cross-language speech perception // *Speech perception and linguistic experience: Issues in cross-language research / W. Strange (Ed.)*. 1995. P. 107–126.
8. *Fiez J.E.* Neural Basis of Phonological Short-Term Memory // *Neurobiology of Language / G. Hickok, S.L. Small (Eds.)*. 2016. P. 855–862.
9. *Flege J.E.* Second-language speech learning: Theory, findings, and problems // *Speech perception and linguistic experience: Issues in cross-language research / W. Strange (Ed.)*. 1995. P. 229–273.
10. *Flege J.E., Bohn O. — S.* The Revised Speech Learning Model (SLM-r) // *Second Language Speech Learning: Theoretical and Empirical Progress / R. Wayland (Ed.)*. 2021. P. 3–83.
11. *Gerrits E., Schouten M.E.H.* Categorical perception depends on the discrimination task // *Perception & Psychophysics*. 2004. № 66. P. 363–376.
12. *Krämer M.* The phonology of Italian. N.Y., 2009.
13. *Pisoni D.B.* Auditory short-term memory and vowel perception // *Memory & Cognition*. 1975. 3/1. P. 7–18.
14. *Rogers D., d’Arcangeli L.* Italian // *Journal of the International Phonetic Association*. 2004. 34/1. P. 117–121.

Pavel Duryagin, Margherita Geromel

PERCEPTION OF CLUSTERS WITH A PALATAL CONSONANT BY ITALIAN LEARNERS OF RUSSIAN: THE ROLE OF NATIVE LANGUAGE CATEGORIES

*Ca’ Foscari University of Venice, 30123,
Italy, Venice, Dorsoduro, 3246*

The paper presents the results of a phonetic experiment that aimed to test discrimination of nonce-words containing Russian [tʰa] — [tʰja] contrast (a palatalized consonant vs. a cluster of this consonant and a palatal [j] followed by

a vowel) by native Italian university students learning Russian at intermediate level. A hypothesis was tested that successful discrimination of this contrast can be facilitated by the presence of palatal sonorants in the native phonemic inventory of the participants. It was suggested that the use of these categories might help the respondents better discriminate minimal pairs containing Russian syllables with nasal and lateral dental/alveolar consonants, compared to other consonants. In the discrimination task, the nonce words were embedded in elementary Russian phrases. The results obtained from 31 participants show that Italian learners of Russian perform at chance level in discriminating the contrast regardless of the segmental composition of the syllable and the position of stress. A significant effect for the stimuli presentation order was found which was present only in target stimuli but was absent in fillers. The data suggests that at least until the intermediate level Italian learners of Russian struggle to form perceptive categories that would allow them to successfully identify the members of [tʲa] — [tʲja] opposition.

Key words: phonetics; L2 Russian; consonants; perception; palatalization; palatal consonants.

About the authors: *Pavel Duryagin* — PhD, postdoctoral researcher, Department of Linguistics and Comparative Cultural Studies, Ca' Foscari University of Venice (e-mail: pavel.duryagin@unive.it); *Margherita Geromel* — MA student, Department of Linguistics and Comparative Cultural Studies, Ca' Foscari University of Venice (e-mail: 858689@stud.unive.it).

References

1. Barkhudarova E.L. Palatalizovannost' i palatal'nost' v russkoi i vengerskoi konsonantnykh sistemakh [Palatalization and palatal consonants in Russian and Hungarian consonant systems]. *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*, 2001, 25, pp. 189–195. (In Russ.)
2. Bezhenar' O.A. Interferiruyushchee vliyanie ital'yanskogo yazyka pri izuchanii russkogo yazyka: foneticheskaya, orfograficheskaya, grammaticheskayai sintaksicheskaya interferentsiya. [Interference of Italian in learning Russian: phonetic, orthographic, grammatical and syntactic interference] In: *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practice], 2015, 4, pp. 51–57. (In Russ.)
3. Nekrasova Yu.V. Foneticheskaya interferentsiya i obshchie printsipy metodiki formirovaniya foneticheskikh navykov u ital'yanskikh uchashchikhsya pri obuchenii RKI [Phonetic interference and general principles of forming phonetic skills of Italian learners of Russian]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya internet-konferentsiya "Aktual'nye voprosy opisaniya i prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo/nerodnogo": sbornik materialov*, N.V. Kulinbina (Ed.), Moscow, 2019, pp. 709–715. (In Russ.)
4. Sushcheva T.V. Sopostavitel'naya fonetika kak osnova prognozirovaniya tipichnykh oshibok (na primere russkoi rechi ital'yantsev) [Contrastive phonetics as a basis for predicting typical mistakes (on the example of the Russian speech of Italians)]. *Slavica tergestina*, 1995, 3, pp. 179–196. (In Russ.)

5. Bates D., Mächler M., Bolker B., Walker S. Fitting Linear Mixed-Effects Models Using lme4. *Journal of Statistical Software*, 2015, 67, 1, pp. 1–48.
6. Bertinetto P., Loporcaro M. The sound pattern of Standard Italian, as compared with the varieties spoken in Florence, Milan and Rome. *Journal of the International Phonetic Association*, 2005, 35, 2, pp. 131–151.
7. Best C.T. A direct realist view of cross-language speech perception. In: *Speech perception and linguistic experience: Issues in cross-language research*, W. Strange (Ed.), Timonium, York Press, 1995, pp. 107–126.
8. Fiez J.E. Neural Basis of Phonological Short-Term Memory. In: *Neurobiology of Language*, G. Hickok, S.L. Small (Eds.), Cambridge, *MIT Press*, 2016, pp. 855–862.
9. Flege J.E. Second-language speech learning: Theory, findings, and problems. In: *Speech perception and linguistic experience: Issues in cross-language research*, W. Strange (Ed.), Timonium, *York Press*, 1995, pp. 229–273.
10. Flege J.E., Bohn O. — S. The Revised Speech Learning Model (SLM-r). *Second Language Speech Learning: Theoretical and Empirical Progress*, R. Wayland (Ed.), Cambridge, *CUP*, 2021, pp. 3–83.
11. Gerrits E., Schouten, M.E.H. Categorical perception depends on the discrimination task. *Perception & Psychophysics*, 2004, 66, pp. 363–376.
12. Krämer M. *The phonology of Italian*. New York, 2009.
13. Pisoni D.B. Auditory short-term memory and vowel perception. *Memory & Cognition*, 1975, 3, 1, pp. 7–18.
14. Rogers D., d’Arcangeli L. Italian. *Journal of the International Phonetic Association*, 2004, 34, 1, pp. 117–121.

А.Н. Николоюкин

РОМАНТИЧЕСКИЕ УТОПИИ В.Ф. ОДОЕВСКОГО И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21*

Утопия В.Ф. Одоевского возникла в среде русского романтизма и отражает мечты об идущем расцвете и величии России (неоконченный роман «4338-й год») или, напротив, грозит ужасом потребительского развития («Последнее самоубийство», «Город без имени»). Утопический тип сознания присущ Одоевскому. Особый интерес представляет то, что писатель может возразить или противостоять следующим поколениям. Такова одна из особенностей неоконченной утопии «4338-й год. Петербургские письма». Русские утопии со времен «Путешествия в землю Офирскую» князя М.М. Щербатова (1786) содержат вполне положительное восприятие действительности. Даже грядущая космическая катастрофа в утопии Одоевского не лишает спокойной жизни петербуржцев и прилетевшего к ним китайца. Главная книга Одоевского, «Русские ночи», отражает связи утопии с идеями безумия (первоначальное название «Дом сумасшедших»). «Русские ночи» и история ее создания, впервые исследованная П.Н. Сакулиным, может рассматриваться как часть современного утопического дискурса. Целью Гоголя в «Мертвых душах» были не столько временные жильцы гоголевского «Дома сумасшедших»: весь роман замыслился ради утопии второго тома. Как и у Одоевского, утопия осталась незаконченной. В невозможности для Одоевского и Гоголя завершить выстраданную утопию и содержится историческая судьба этого жанра в условиях старой России. Близость судеб «Дома сумасшедших» и «Мертвых душ» заставляет по-новому взглянуть на развитие русского романтизма.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский; Н.В. Гоголь; русский романтизм; рассказы; «Русские ночи»; утопия и антиутопия.

Достойный писатель умеет заглянуть в будущее и сказать этому будущему словами поэта:

Не я увижу твой могучий поздний возраст.

Утопический тип сознания присущ В.Ф. Одоевскому. Особый интерес представляет то, что писатель может возразить или противо-

Николоюкин Александр Николаевич — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (e-mail: anikolyukin1928@yandex.ru).

стоять будущему, следующим поколениям. Такова одна из особенностей неоконченной утопии «4338-й год. Петербургские письма». Отрывок из романа («Петербургские письма») был опубликован в журнале «Московский Наблюдатель» (1835, № 1. Подпись: В. Безгласный), другой отрывок («4338-й год. Петербургские письма») — в альманахе «Утренняя заря» (СПб., 1840. Подпись: Кн. В. О-ий). К утопии Одоевского также принято относить повесть «Город без имени» и своеобразное стихотворения в прозе «Последнее самоубийство» (написано задолго до тургеневского жанра стихотворений в прозе). Две последние утопии входят в книгу Одоевского «Русские ночи». К жанру утопии примыкает новелла «Два дни из жизни земного шара» (Московские Ведомости. 1828. № 14).

В последнее время утопическая мысль Одоевского привлекает исследователей. Менее обращалось внимания на историю происхождения утопических идей Одоевского.

Утопия в русской литературе развивалась по нарастающему чувству ужаса. В утопиях и снах в XIX в. такое тревожное, связанное с идеологией коммунизма и созданием Советского государства, привело к появлению нового жанра — антиутопии. В 1920 г. — «Мы» Е. Замятина, «Чевенгур» А. Платонова, написанный в 1927–1928 гг.

Массовый расстрел всех «буржуев» в Чевенгуре, когда в городе остаются одни коммунисты, обосновывается приказом: «Советская власть предоставляет буржуазии все бесконечное небо, оборудованное звездами и светилами на предмет организации там вечного блаженства; что же касается земли, фундаментальных построек и домашнего инвентаря, то таковые останутся внизу — в обмен на небо — всецело в руках пролетариата и трудового крестьянства» [Платонов, 2009: 327]. Конечно, «Чевенгур» не только антиутопия, но и правдивый роман об условиях жизни в России после большевистской революции.

Утопический герой Одоевского, китаец, пишущий письма из Петербурга в Пекин, — совсем иное дело. Он восхищается всем новым, увиденным в России. Он признает существование монархии, не дает повода критиковать что-либо. Перед нами образец «чистой утопии», положительная картина того, каким видится писателю далекое будущее.

В предисловии Одоевский объясняет появление этих бумаг: «Вычисления астрономов, доказывающих, что в 4339 году, то есть 2500 лет после нас, комета Вьелы должна непременно встретиться с Землею, сильно поразили гнерооя-сомнамбула; ему захотелось проведать, в каком положении будет находиться род человеческий за год до этой страшной минуты; какие об ней будут толки, какое впечатление она произведет на людей, какие будут тогда нравы,

образ жизни; какую форму получают сильнейшие чувства человека: честолюбие, любознательность, любовь; с этим намерением он погрузился в сомнамбулическое состояние, продолжавшееся довольно долго; вышедши из него, сомнамбул увидел перед собою исписанные листы бумаги, из которых узнал, что он во время сомнамбулизма был китайцем XLIV столетия, путешествовал по России и переписывался с своим другом, оставшимся в Пекине».

Предшественников утопии Одоевского было немало в русской литературе его времени. В 1830 г. анонимно был издан роман А.Ф. Вельтмана «МММCDXLVIII год. Рукопись Мартына-Задека», названный так замысловато, что дамы не могли уяснить сущность социальной утопии, обязанной своим происхождением французскому утопическому роману «Год 2440-й» Л. Мерсье (1771).

«Европейские письма» В. Кюхельбекера (1830) написаны от лица американца, путешествующего по Европе XXVI столетия и рассуждающего о прошлом и настоящем европейских стран. По своему просветительскому пафосу и вере в будущее России утопия Кюхельбекера предваряет «4338-й год».

По предположению П.Н. Сакулина, именно Одоевский был автором заметки «Комета Виелы в нынешнем 1839 году», где сообщалось о комете: «По новейшим, самым строгим исчислениям, она непременно должна наткнуться на нашу землю... в 4339 г., т.е. две тысячи пятьсот лет после нас. Мы тогда не преминем сообщить нашим читателям все подробности о сем замечательном происшествии. В ожидании того, мы считаем излишним предупредить наших читателей, что предположение об этой катастрофе подало мысль одному из наших известных литераторов написать роман, под названием: 4338 год; отрывки из него будут помещены в альманахе «Утренняя Заря», издаваемом г. Владиславлевым на 1840 г.» [Сакулин, 1913, ч. 2: 183]. Обратил внимание на это высказывание Сакулина замечательный исследователь русской утопии Б.Ф. Егоров, составивший наиболее полный свод утопической темы [Егоров, 2007].

К неподдельному своему удовольствию я обнаружил в этом фундаментальном труде даже давно забытую, но когда-то весьма известную (выдержала семь допечаток) книгу Николая Николаевича Шелонского «В мире будущего» (1892). Готовя статью о Шелонском, критиковавшем в послесловии своего фантастического романа столь популярный в конце XIX в. утопический роман Э. Беллами «Через сто лет» (Looking Backward), я в далеком 1961 г. хотел найти биографические сведения о русском писателе. Напрасно искал в архивах листы опросов знаменитой переписи 1897 г., все они были уничтожены. И все же мне удалось напечатать статью об Беллами в России, куда

вошли и материалы о полемическом романе Шелонского [Николюкин, 1962]. К этой же утопической традиции относится и фантастический роман Сергея Федоровича Шарапова «Через полвека» (1902), в котором провозглашается расцвет православной церкви в России в 1951 г. Не дотянул полвека известный тогда писатель Шарапов, выпускавший свое собрание сочинений в девяти томах.

Одоевский начинает повествование с утверждения, что и в 44-м столетии люди также подвержены несчастным случаям и природным катастрофам, как и в его время. Электроход, на котором летит китаец Ипполит, был вынужден остановиться, ибо аеролит, пролетавший через Каспийский туннель, засыпал дорогу и пассажиры вынуждены были идти пешком через груды железа, чтобы сесть в новый электроход.

Летать по воздуху, считает Одоевский, — врожденное чувство человека. Гальваностатом, как называется самолет, управляет особый профессор. Читаем письмо китайца, передающее, по мысли Одоевского, огромные различия между народами в то время: «Я сажусь в Русский гальваностат! — увидев эти воздушные корабли, признаюсь, я забыл и увещания деда Орля, и собственную опасность, — и все наши понятия об этом предмете. Воля твоя, — летать по воздуху есть врожденное чувство человеку. Конечно, наше правительство поступило основательно, запретив плавание по воздуху; в состоянии нашего просвещения еще рано было нам и помышлять об этом; несчастные случаи, стоившие жизни десяткам тысяч людей, доказывают необходимость решительной меры, принятой нашим правительством. Но в России совсем другое; если бы ты видел, с какою усмешкою русские выслушали мои опасения, мои вопросы о предосторожностях... они меня не понимали! они так верят в силу науки и в собственную бодрость духа, что для них летать по воздуху то же, что нам ездить по железной дороге».

Одоевский исходит из старых представлений о китайцах. Но начинались уже новые времена в знакомстве России с современной китайской империей Цин (1644—1912). С 1828 г. в Петербурге под именем монаха Иакинфа печатались работы основоположника российской синологии Н.Я. Бичурина. Труды этого первого китаеоведа, получившего общеевропейское признание, не могли не привлечь внимания Одоевского. В 1828 г. Бичурин был избран членом-корреспондентом Российской академии наук по литературе и древностям Востока; в 1828 г. работал в Петербургской публичной библиотеке, где в этот период работал Одоевский. Бичурин был избран почетным библиотекарем, к концу 1829 г. подготовил первую библиографическую работу — «Реестр китайских и маньчжурских книг, находящихся в императорской Публичной библиотеке».

В 1829 г. в Петербурге вышло составленное все тем же монахом Иакинфом описание Пекина, где он преподавал в 1808—1821 гг.

О встречах Одоевского с Иакинфом вспоминал И.И. Панаев: «Привлекал к себе любопытство великосветских гостей князя Одоевского отец Иакинф, изредка появлявшийся на субботах. Он обыкновенно снимал в кабинете Одоевского свою верхнюю одежду, оставался в подряснике, имевшем вид длинного семинарского сюртука, и начинал ораторствовать о Китае, превознося до небес все китайское. Он до того окитаился вследствие своего долгого пребывания в этой стране, что даже наружностью стал походить на китайца: глаза его как-то сузились и поднялись кверху. Когда Иакинф заговаривал о своем Китае, многие светские господа из салона княгини приходили слушать его. Отец Иакинф говорил грубо, резко напирал на букву *о* и не стеснялся в своих выражениях» [Панаев, 1988: 119]. М.П. Погодин вспоминал, что в литературном салоне Одоевского «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф (Бичурин) с китайскими, сузившимися глазами» [Погодин, 1869: 56].

В романе Одоевского китайцы еще не достигли такого высокого научно-технического развития, как русские. Тем не менее писатель пророчески показал, что Россия и Китай главенствуют в мире. За 500 лет до начала действия романа родился великий Хун-Гин, который пробудил Китай от его векового усыпления, «мертвого застоя», «ввел... в общее семейство образованных народов». Америка представлена в романе странным персонажем: «Ординарный Историк при дворе американского поэта Орлия».

В письмах, посланных из Петербурга в 4338 г., китаец Ипполит рисует утопическую картину жизни России в XXIV в. Во втором письме, пролетая над единым городом-столицей России, он верит «баснословному преданию», что здесь некогда были два города, из которых один назывался Москвой, а другой собственно Петербургом, они были отделены друг от друга едва ли не степью. Петербургский Васильевский остров превратился в Кабинет Радостей и стал «огромным крытым садом, где растут деревья и кустарники, а за решетками, но на свободе, гуляют разные звери, этот сад есть чудо искусства! Он весь построен на сводах, которые нагреваются теплым воздухом постепенно, так, что несколько шагов отделяю знойный климат от умеренного».

На богатых домах крыши все хрустальные или крыты хрустальной же черепицей, а имя хозяина сделано из цветных хрусталей. Отопление страны основано на системе теплохранилища, протянутой в северное полушарие от экватора. Наблюдательный китаец пишет о поставке теплого воздуха с экватора: «Воздушные дороги содержат в отличном порядке; мы залетели к экватору, но лишь на короткое

время, посмотреть начало системы теплохранилищ, которые отсюда тянутся почти по всему северному полушарию; истинно, дело, достойное удивления! Непрерывно огромные машины вгоняют горячий воздух в трубы, соединяющиеся с главными резервуарами; а с этими резервуарами соединены все теплохранилища, особо устроенные в каждом городе сего обширного государства; из городских хранилищ теплый воздух проведен частью в дома и в крытые сады, а частью устремляется по направлению воздушного пути, так что во всю дорогу, несмотря на суровость климата, мы почти не чувствовали холода. Так русские победили даже враждебный свой климат!»

Особую тревогу вызывает у людей того времени неизбежное падение на Землю кометы, которая уничтожит всё живое. Одоевского говорит не о страхе человечества перед гибелью, что было бы естественно в антиутопии, а об изыскании способов преодолеть угрозу. Союз государств, включая Китай, создает специальные снаряды (очевидно, ракеты), чтобы предотвратить катастрофу. В общем семейство просвещённых народов» почему-то не входят американцы. Без просвещения, говорится во втором письме, «мы, без шуток, сделались бы похожи на этих одичавших американцев, которые, за недостатком других спекуляций, продают свои города с публичного торгу, потом приходят к нам грабить и против которых мы одни в целом мире должны содержать войско».

Однако все эти описания жизни в Петербурге, где даже лошади измельчали ввиду отсутствия необходимости в езде на них, не вызывают чувства страха, тем более тайного ужаса, как будет в антиутопиях. Просто люди перестали использовать лошадей и не могут себе представить, что когда-то человек мог верхом садиться на лошадь.

В утопии преобладают светлые, даже пророчаские будущее тона. Таков раздел в четвертом письме о предвидении неизбежного появления интернета в жизни общества. Между знакомыми домами устроены магнетические телеграфы, посредством которых живущие на далеком расстоянии разговаривают друг с другом. Или далее в «Заметках», сопровождающих неоконченный роман: «Переписка заменится электрическим разговором».

Отдельные строки поражают переключкой с нашей современностью, более близкой, чем избранный писателем год, когда «переписка заменится электрическим разговором». Роль электричества в жизни общества живо обсуждалась в первой половине XIX в. Одоевский внимательно следил за такими публикациями, обращая особое внимание на космос и всё, что было с ним связано. Даже о Луне нашлось замечание, ибо она служит источником снабжения Земли разными житейскими благами.

Размышления о жизни в будущем, о климате и его регуляции выражены у Одоевского в форме вопросов, предположений. Люди нашли средства изменять климат или, по крайней мере, улучшать его.

Наиболее полную научную характеристику утопии Одоевского и ее роли в 1830-е годы приводит П.Н. Сакулин: «Утопия Одоевского в разных отношениях представляет типичное явление для русской жизни тридцатых годов. Во-первых, в “4338 году” нашло себе место широко распространенное убеждение наших идеалистов, что России предназначена мировая роль, что ей предстоит выполнить великую общечеловеческую *миссию*. Одоевский верит, что именно Россия станет во главе всемирного просвещения. Во-вторых, утопия завершает развитие главной идеи, лежащей в основе всей трилогии, — идеи о культурном значении просвещения, начавшегося у нас со времени Петра Вел. Будущее рисуется нашему автору как полная *победа человека над природой*. Прогресс человечества выразится почти исключительно в успехах науки. В этом смысле произведение Одоевского похоже на романы Жюль Верна. Одоевский не забыл сказать о магнетизме и френологии, о чем так много толковали в тридцатых годах, но все же главное его внимание сосредоточено на изобретениях и открытиях в области точных наук» [Сакулин, 1913, ч. 2: 197].

Пародийное начало ощущается в описании общественной жизни далекого будущего века. В седьмом, последнем письме петербуржец Хартин пытается объяснить китайцу причину протестов: люди на улицах громко кричали, махали руками и бранились. «О, не спрашивайте лучше... эта толпа — одно из самых странных явлений нашего века. В нашем полушарии просвещение распространилось до низших степеней; оттого многие люди, которые едва годны быть простыми ремесленниками, объявляют притязание на ученость и литераторство; эти люди почти каждый день собираются у передней нашей Академии, куда, разумеется, им двери затворены, и своим криком стараются обратить внимание проходящих. Они до сих пор не могли постичь, отчего наши ученые гнушаются их сообществом, и в досаде принялись их передразнивать, завели также нечто похожее на науку и на литературу; но, чуждые благородных побуждений истинного ученого, они обратили и ту и другую в род ремесла: один лепит нелепости, другой хвалит, третий продает, кто больше продаст — тот у них и великий человек». Нам сложно судить о далеком ХХIV столетии, но к нынешнему ХХI в. с его проблемами, недовольством и беспорядками утопия Одоевского имеет непосредственное отношение. Многое предвидел и изобразил писатель в своей утопии, но еще большее в социальном, нравственном и всемирном отношении осталось недосягаемо.

История прокладывает путь не по начертаниям самых великих утопистов, подобных Уэллсу, Хаксли или Оруэллу, а по своим программам, которые лишь отчасти угадываются современниками. При этом так называемая случайность может определять ход исторического процесса, что дает повод историкам-потомкам судить о возможностях иного развития исторических событий. И тогда на помощь приходит знаменитая фраза о том, что история не имеет сослагательного наклонения.

Русские утопии со времен «Путешествия в землю Офирскую» князя М. М. Щербатова (1786) содержат вполне положительное восприятие действительности. Даже грядущая космическая катастрофа в утопии Одоевского не лишает спокойной жизни петербуржцев и прилетевшего к ним китайца. Частные социальные протесты перед входом в Академию не нарушают общего благополучия. Может, именно поэтому писатель и прекратил дальнейшую работу над книгой. Через несколько лет он по-иному, гораздо трагичнее обратился к утопической теме в вошедших в «Русские ночи» текстах «Последнее самоубийство» и «Город без имени».

Рассказ «Город без имени» написан под впечатлением от учения Бентама. Последователи этого социолога, следуя идеям утилитаризма, создают свою страну. Суть утилитаризма сводится к тому, что вся жизнь страны определяется «принципом пользы». Все то, что противоречит идее пользы (искусство, религия, творчество), категорически отвергается. Поначалу страна процветает, однако вскоре раскалывается на несколько политических лагерей и погибает в распрях и природных катаклизмах.

Характерно, что монологическое рассуждение в конце повести заменяется формой беседы. В «Русских ночах» выступает четверо беседующих, сущность которых П. Н. Сакулин определяет следующим образом: Фауст — наука, Виктор — искусство, Вечеслав — любовь, Я — русский скептицизм [Сакулин 1913, ч. 2: 220].

Утопию Одоевского М. А. Турьян [Турьян, 2016: 240–241] сравнивает с романом Достоевского: «горькую насмешку» своего предшественника Достоевский переводит в трагический регистр гибели цивилизации в сне Раскольникова в эпилоге «Преступления и наказания». Так утопия приближается к антиутопии. Однако само заглавие статьи М. А. Турьян вводит в заблуждение, ибо пропадает различие между утопией, жанром, присущему творчеству Одоевского, и будущей антиутопией XX в.

Особенностью утопии Одоевского, как впрочем, и многих утопий, является то, что они буквально «без места» (*ou topos*), хотя Петербург и присутствует в тексте. Но это не живой город, как у Пушкина или Достоевского, а символ, в котором не живут и по которому не ходят

Евгений Онегин, Раскольников или гоголевский Бамшачкин. Утопичность городов у Одоевского подтверждается тем, что заводится целая дискуссия на тему: «Как в древности назывался Петербург».

Чтение утопии Одоевского заставляет вспомнить многие события и явления нашего времени. Неоконченный «4338-й год» вполне вписывается в «Русские ночи». Повторяются даже отдельные фразы и мысли. «Слились границы городов, и весь земной шар от полюса до полюса обратился в один обширный, заселенный город» [Одоевский 1975: 54], — читаем в «Русских ночах», что лишь расширяет до мировых масштабов приведенную уже выше мысль из «4338-го года» о слиянии Москвы и Петербурга.

Главная книга Одоевского, «Русские ночи», и история ее создания, впервые исследованная Сакулиным, может рассматриваться как часть современного утопического дискурса. Философско-мистическое настроение углубило интерес писателя к сумасшедшим людям. Он тщательно фиксирует их разновидности, надеется собрать их вместе и поселить в одном доме. «Еще в 1837 году Одоевский продолжал думать о «Доме сумасшедших». Но рядом с этим, не позднее середины 1836 года оформляется у него идея «Русских ночей». По крайней мере, в ч. VI «Московского Наблюдателя» за 1836 г. (с. 5–15) за подписью «Безгласный» Одоевский печатает «Русские ночи. Ночь 1-я». «Ночь 1-я» здесь появляется уже в той самой редакции, какую мы имеем в общем тексте» [Сакулин, 1913, ч. 2: 213].

Еще 30 ноября 1832 г. Гоголь писал из Петербурга И.И. Дмитриеву: «Князь Одоевский скоро порадует нас собранием своих повестей, в роде Квартета Бетговена, помещенного в Север. Цветах на 1831. Их будет около десятка, и те, которые им написаны теперь, еще лучше прежних. Воображения и ума куча! Это ряд психологических явлений, непостижимых в человеке! Они выдут под одним заглавием Дом сумасшедших» [Гоголь, 2009: 199]. Именно в это время, в 1832–1833 гг., формировался у Гоголя замысел «Записок сумасшедшего». Потому Гоголь так живо откликнулся на тему безумия у Одоевского, определив ее как «психологическое явление, непостижимое в человеке».

Утопическая тема постоянно возникала в творчестве Гоголя. Вспомним обращение в «Мертвых душах»: «Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека...» Утопическая картина исправления нравственных «уродов» нарисован Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Романтические мечтания о достойной жизни человека в условиях того времени не были поняты современниками. Чтобы найти настоящего человека, говорил Гоголь, «нужно проехать по России». Так мечта превращается в утопию.

Как то ни странным может показаться, тема безумия у Одоевского непосредственно соотносится с утопическими тенденциями Гоголя. Поприщин в «Записках сумасшедшего» приходит к заключению, ссылаясь на цирюльника с Гороховой, что «во Франции большая часть народа признает веру Магомета». Поразительные слова, написанные почти двести лет назад!

Не менее и не более утопично его открытие, «что у всякого петуха есть Испания, что она у него находится под перьями». Подобное мог увидеть и китаец, прилетевший в 4338 г. в Петербург. На вопрос «кто сумасшедшие?» Одоевский отвечал средствами утопии.

И, наконец, главное: если посмотреть на Гоголя глазами Одоевского, обнаруживается много общего. Гоголь увидел близкое себе и создал свой «Дом сумасшедших» — первый том «Мертвых душ». Реальность существования «восковых фигурок» в первом томе вызвала сомнение у В.В. Розанова, который видел в великолепных героях от Манилова и Собакевича до Плюшкина и Ноздрева нечто гораздо большее и важное, чем русские помещики в глубине николаевской России. Все они связаны с «мертвыми душами», выглядят милыми и душевными вампирами, вроде булгаковского Варенухи, ставшего на два дня мертвецом. Целью Гоголя были не столько эти временные жильцы «Дома сумасшедших» (дантова «Ада»), сколько свой «Рай» во втором томе «Мертвых душ». Главный замысел был в утопии второго тома, ради которой и замышлялся весь роман. Как и у Одоевского, утопия осталась незаконченной. Именно ощущение невозможности создать утопию, написать нечто, не уступающее по силе «аду» первого тома, и привело к тому, что в отчаянии Гоголь сжег второй том.

В невозможности Одоевского и Гоголя завершить выстраданную утопию и содержится историческая судьба этого жанра в условиях старой, России. Близость судеб «Дома сумасшедших» и «Мертвых душ» заставляет по-новому взглянуть на развитие русского романтизма.

П.Н. Сакулин рассматривает замысел «Дома сумасшедших» как произведение, отличное от «Русских ночей». Мысль о сооружении «Дома сумасшедших» родилась у Одоевского давно. В предисловии к «Пестрым сказкам» (1833) В. Безгласный уже заявлял, что он возьмет на себя «издание давно обещанного “Дома сумасшедших”» [Сакулин, 1913, ч. 2: 202–203].

Как известно, название «Дом сумасшедших» в истории русской литературы связано с именем А.Ф. Воейкова, который создал неподцензурную насмешливую поэтическую панораму современных ему поэтов. У Одоевского была совершенно иная идея. Может, поэтому ему в конце концов пришлось отказаться от самого назва-

ния. Среди писателей того времени нередко обсуждалось понятие «дом сумасшедших». Н.А. Полевой пишет очерк «Сумасшедшие и несумасшедшие» (1831), Гоголь — «Записки сумасшедшего» (1835).

Одоевский пишет своего рода вступление к «Дому сумасшедших» под названием «Кто сумасшедшие?» (Библиотека для Чтения. 1836. Ч. 14. С. 50–64). В переработанном виде статья эта была включена в «Русские ночи». Заменяя идею «Дома сумасшедших» на мысль о книге «Русские ночи», он перенес в «Русские ночи» эпиграф: знаменитые слова начала поэмы Данте, открывавшие введение к «Дому сумасшедших».

П.Н. Сакулин как знаток архива Одоевского приходит к выводу, что «в 1836 г. “Дом сумасшедших” как будто был совершенно закончен. Но в печати в целом виде он не появился, и мы не знаем, в сущности, ни его общего плана, ни состава» [Сакулин, 1913, ч. 2: 213].

Утопическая фантастика ощущается в рассказе «Насмешка мертвеца», который завершается непосредственной отсылкой к «Последнему самоубийству». Мне уже приходилось писать, что романтический пафос, вакханалия звуков у Одоевского близки вакханалии звуков и цвета в новеллистике Эдгара По, которого он еще не мог читать, хотя особенности жанра романтической повести невольно сближали писателей [Николюкин, 1973].

Утопические мотивы в эстетике романтизма подлежат серьезному изучению. В «Русских ночах», помимо двух названных утопий, черты фантастики, обращенной к будущему или прошлому, встречаются постоянно. Вся четвертая ночь пронизана этими мыслями. Первый рассказ, «Бригадир», завершается словами героя, что атмосфера светского вихря, в которой протекала его жизнь и которая была ему не по сердцу, заставила его набросать на бумагу строки, «из которых одним я дал название “Бала”; другой отрывок носит на себе название “Мститель”» [Одоевский, 1975: 44].

Короткий рассказ «Бал» начинается с победы, с победы неизвестно над кем и неизвестно когда. Просто победа естественным образом превращается в бал под оркестр некоей потусторонней силы. «Этот страшный оркестр темным облаком висел над танцующими, — при каждом ударе оркестра вырывались из облака: и громкая речь негодования; и прорывающийся лепет побежденного болью; и глухой говор отчаяния; и резкая скорбь жениха, разлученного с невестой; и раскаяние измены; и крик разъяренной торжествующей черни; я насмешка неверия; и бесплодное рыдание гения; и таинственная печаль лицемера; и плач; и взрыд; и хохот...» [Одоевский, 1975: 46].

Фантастическое у Одоевского ведет к утопическому, и только тогда получается романтическая утопия, пронизывающая новеллы четвертой и пятой ночи. «Бал» естественно переходит в новеллу

«Мститель», в которой дан «образ нравственного чудовища» и которая завершается упоминанием следующего повествования, «Насмешка мертвеца», где петербургское наводнение превратилось во всемирный потоп, оказавшийся на самом деле лишь болезненным обмороком, бредом княгини. Этот рассказ в первой публикации в альманахе «Денница» назывался «Насмешка мертвого» и не имел еще заключительной страницы, где содержится упоминание «Последнего самоубийства». Так осуществляется связь фантастических и утопических тем и образов.

Линия утопической фантастики, начатая в «Бале», развивается в «Последнем самоубийстве».

Переходом от утопии «Последнего самоубийства» к наиболее последовательному утопизму «Города без имени» стал маленький рассказ «Цецилия» о теории Мальтуса. Его проблематику исследовал Б.Ф. Егоров. Одоевский проводит мысленный эксперимент: что будет, если на земле восторжествует утилитарная теория Бентама с ее культом пользы. Будет, считает автор, торжество «банкирского феодализма», править страной станут купцы и доведут все до развала (особенно пренебрегая совестью, науками и искусством). Купцов затем вытеснят ремесленники, ремесленников — землепашцы, но страна будет продолжать нищать и разваливаться социально, материально, нравственно. Ее захлестнут военные раздоры, голод, болезни, люди вымрут. От былой цветущей страны останутся лишь развалины и одинокий полусумасшедший человек, повествующий о печальной судьбе отечества. Таковы итоги успешного развития утопического общества в самых благополучных случаях.

И все же антиутопией повествование Одоевского называть нельзя. Не пришло еще время для подлинных антиутопий, связанных с историей XX в. Негативное отношение к изображаемому может существовать в утопии. Развитие утопии может вести к антиутопии как ее стадии. Необходимо нечто художественно и нравственно большее, чтобы называться антиутопией. В этом отношении термин «антиутопия» содержит и некоторое оценочное определение: не художественного уровня произведения, а жанровой его определенности. Однако в современных исследованиях термин «антиутопия» прилагается к наследию Одоевского [Турьян, 2016]. Едва ли научно оправдан такой внеисторический подход.

Термин «современность», употребленный в заглавии настоящей статьи, может иметь различные значения. Во-первых, современность обозначает время, в котором мы живем. Но и тут возникают существенные различия. Для меня современность охватывает период, начиная от моего довоенного детства. Для моих внуков современность начинается с послесоветского периода. Это естественно и понятно.

Сложнее обстоит дело, когда мы обращаемся к памятникам литературы. Чтобы называться современной, книга должна читаться и вызывать интерес. И это определяет не время ее создания, а многое иное, иногда личное, иногда всё прошлое человека, когда складывались его интересы. Трудно объяснить, почему из поэтов я люблю Лермонтова. А вот о Пушкине я могу попытаться объяснить. Когда я вижу небывалый по красоте танец, на сцене или на льду, когда я слушаю любимую музыку или песню, — у меня возникает настойчивое желание, надежда, чтобы **это** увидел и услышал Пушкин. Так мечтаешь, чтобы любимый, близкий тебе человек увидел и почувствовал то же, что и ты. Пушкин становится твоим современником, с которым ты хочешь всем поделиться, как с близким, родным.

Современность становится не столько тем, что дает тебе искусство или книга, а тем, что ты сам в силу своих способностей можешь вложить в произведение. Если человек войдет, как говорят, вчитается в Одоевского, он станет для него современным, воспримет живую его утопические картины. Помню, в детстве я так увлекся деятельностью Робинзона Крузо, что по ночам мечтал открыть лавку с собранными или сделанными товарами. Значит, Дефо был для меня тогда современен.

Понимание современности через свое личное восприятие развилось и продолжилось в наше время. Режиссеры ставят классику так, как она им видится. И здесь становится главным принципом самовыражение. Захотел режиссер и вставил в «Горе от ума» пушкинскую «Черную шаль». А если бы ему привиделась «Песнь о вещем Олеге»? Один молодой режиссер в Сибири с гордостью заявил, что поставил «Идиота» так, что не использовал ни одного слова из Достоевского. И сюжет сменил, сделал современным. Ибо ему так видится. Самовыражение становится опасной ловушкой для классики. «Дерзайте, ныне ободренны», — сказал Ломоносов, правда, по другому поводу.

Список литературы

1. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 10. М., 2009.
2. *Егоров Б.Ф.* Российская утопия. Исторический путеводитель. СПб., 2007.
3. *Николюкин А.Н.* К типологии романтической повести // К истории русского романтизма. М., 1973. С. 259–282.
4. *Одоевский В.Ф.* Русские ночи. Л., 1975.
5. *Панаев И.И.* Литературные воспоминания. М., 1988.
6. *Платонов А.* Чевенгур. Котлован. М., 2009.
7. *Погодин М.П.* Воспоминание о князе Владимире Фёдоровиче Одоевском // В память о князе В.Ф. Одоевском. М., 1869. С. 43–68.
8. *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевской. Мыслитель-писатель. Т. 1: Ч. 1–2. М., 1913.

9. Турьян М.А. Об антиутопиях Владимира Одоевского: по ком звонит колокол // Вопросы литературы. 2016. № 5. С. 225–247.
10. Nikoljukin A. A Little-Known Story: Bellamy in Russia. Edward Bellamy abroad / Ed. by Sylvia E. Bowman. N.Y., 1962. P. 67–85.

Alexander Nikoljukin

VLADIMIR ODOEVSKY'S ROMANTIC UTOPIA AND OUR TIME

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418*

V.F. Odoevsky's romantic utopia originated in the environment of Russian romanticism and either reflects on dreams of the future prosperity and greatness of Russia (the unfinished novel "4338") or, on the contrary, threatens with horrors of the consumer development of the country based on the concept of utility (the stories "The Last Suicide" and "The City without a Name"). The utopian type of consciousness is inherent in Odoevsky. Of particular interest is the fact that a writer can object or oppose the future, the next generations. This is one of the features of Odoevsky's unfinished utopia "4338. Petersburg Letters". Russian utopias from the time of Prince M.M. Shcherbatov's "Journey to the Land of Ophir" (1786) contain quite a positive perception of reality. Even the upcoming space disaster in Odoevsky's utopia does not deprive the St. Petersburg residents and the Chinese who flew to them of a quiet life. Odoevsky's main book, "Russian Nights", reflects on the connections of utopia with the ideas of madness (the original title of the book was "The House of Madmen"). The "Russian Nights" and the history of its creation, first explored by P.N. Sakulin, can be considered as part of the modern utopian discourse. Gogol's aim in "Dead Souls" was not so much these temporary residents of Gogol's "House of Madmen", but the desire to draw his "Paradise" in the second volume of "Dead Souls". The main idea was in the utopia of the second volume, for which the whole novel was conceived. Like Odoevsky's, utopia remained unfinished. It was the feeling that it was impossible to create a utopia, to write something not inferior in strength to the "hell" of the first volume, that led to the fact that in despair Gogol burned the second volume. In the impossibility of Odoevsky and Gogol to complete the long-suffering utopia, the historical fate of this genre in the conditions of old Russia is contained. The proximity of the fates of the "House of Madmen" and "Dead Souls" makes us take a new look at the development of Russian romanticism.

Key words: Vladimir Odoevsky; N.V. Gogol; Russian romanticism; tales; "Russian Nights"; utopia and antiutopia.

About the Author: *Alexander Nikoljukin* — Prof. Dr., Chief Researcher, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: anikoljukin1928@yandex.ru).

References

1. Gogol N.V. Polnoye sobr. soch. i pisem [The Complete Collected Works and Letters]. Vol. 10. Moskva-Kiyev: *Izdatelstvo Moskovskoi Patriarkhii Publ.*, 2009. 392 pp. (In Russ.)
2. Egorov B.F. Rossiyskaya utopiya. Istoricheskiy putevoditel [Russian Utopia. The Historical Guide]. St. Petersburg, *Iskusstvo Publ.*, 2007. 414 pp. (In Russ.)
3. Nikol'yukin A.N. K tipologii romanticheskoy povesti [On the Typology of the Tale]. K istorii russkogo romantizma [On the History of Russian Romanticism]. Moscow: *Nauka Publ.*, 1973, pp. 259–282. (In Russ.)
4. Odoyevskiy V.F. Russkiye nochi [The Russian Nights]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1975. 319 pp. (In Russ.)
5. Panayev I.I. Literaturnye vospominaniya [Literary Memoirs]. Moscow: *Pravda Publ.*, 1988. 448 pp. (In Russ.)
6. Platonov A. Chevengur. Kotlovan. [Chevengur. The Pit.]. Moscow: *Vremya Publ.*, 2009. 608 pp. (In Russ.)
7. Pogodin M.P. Vospominaniye o knyaze Vladimire Fedoroviche Odoyevskom [“The Memories of Prince Vladimir Fedorovich Odoevsky”]. V pamyat o knyaze V.F. Odoyevskom [In Memory of the Prince V.F. Odoyevsky]. Moscow: *Tip. Russkogo Publ.*, 1869, pp. 43–68. (In Russ.)
8. Sakulin P.N. *Iz istorii russkogo idealizma. Knyaz V.F. Odoyevskoy. Myslitel-pisatel [From the History of Russian idealism. The Prince V.F. Odoyevsky. The Thinker-Writer]*. Moscow: *Izdaniye M.S. Sabashnikovyykh Publ.*, 1913. Vol. 1. Ch. 1–2. (In Russ.)
9. Turian M.A. Ob antiutopiyakh Vladimira Odoyevskogo: po kom zvonit kolo-kol [On Vladimir Odoevsky’s Antiutopias: For Whom the Bell Tolls]. *Voprosy literary*, 2016, № 5, pp. 225–247. (In Russ.)
10. Nikol'yukin A. A Little-Known Story: Bellamy in Russia. *Edward Bellamy abroad*. Ed. by Sylvia E. Bowman. New York: *Twayne Publishers*, 1962, pp. 67–85.

А.М. Потапова

ПОЭТИКА РЕЧЕЙ К ОТПЛЫТИЮ В ЭПОСЕ АПОЛЛОНИЯ РОДОССКОГО «АРГОНАВТИКА»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассмотрена поэтика речей персонажей в поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика». Материалом послужили речи к отплытию, что связано с сюжетообразующей ролью мотива путешествия в поэме. Аполлоний, следуя основополагающему принципу эллинистическому поэтики, принципу разнообразия, экспериментирует с формой и содержанием речей. Речи к отплытию могут быть как прямыми, так и косвенными, когда содержание речей читатель узнает из авторского повествования и таким образом реализуется художественное стремление александрийцев к краткости форм. Рассмотрен также гендерный аспект прощальных речей: количественное преобладание женских речей над мужскими свидетельствует о возросшем интересе ученых-поэтов к женским образам. Речи также могут быть классифицированы как индивидуальные, т.е. автор речи — один персонаж, так и коллективные, где речь произносит группа персонажей. В первом случае подобная речь сближает эпическое повествование с лирической погребальной песней, с френосом, а во втором — с трагедией и речами хора. Так, поэт использует в прощальных речах персонажей художественные средства других поэтических жанров. Это, как и внимание к внутреннему миру, где велика роль ключевых слов-мотивов, а также невербального поведения — одна из новаций Аполлония.

Среди традиционных эпических средств важны речевые формулы, особую роль здесь играют формулы прощания, после которых, однако, не всегда следует расставание персонажей. Этим горизонт читательских ожиданий периодически обманывается, в чем находит свое отражение один из ключевых признаков александрийской поэтики.

Ключевые слова: поэтика; речь; эпос; жанр; мотив.

В последнее время интерес к поэтике речей и их функциональной роли в эпосе Аполлония Родосского «Аргонавтика» заметно возрос. Установлено, что всего в поэме 143 прямые речи, длиной 1714 строк, это треть (29.40%) от всего поэтического текста [Verhelst, 2019]. Одни

Потапова Анастасия Максимовна — старший преподаватель, Высшая школа перевода, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: anastasiaflorea@gmail.com).

исследователи изучают риторические приемы построения речей, [Toohey, 1994], другие рассматривают речи в категориях когнитивной нарратологии и интертекстуальности, исходя из степени их воздействия на читателя [Kennedy, 2015].

Вместе с тем речи к отплытию заслуживают выделения в отдельную категорию, поскольку обладают рядом поэтических функций и неразрывно связаны с ключевым для поэмы лейтмотивом путешествия. Кроме того, представляется целесообразным включить в анализ и косвенные речи к отплытию, которые в силу основополагающего для александрийской поэтики принципа краткости являются пришедшим из драмы поэтическим приемом, придающим динамизм повествованию [Теперик, 2019: 141].

Хотя речи в поэме Аполлония обращены к разным реципиентам, между ними есть и различия, и сходства. Первое сходство выявлено в работе Т.Ф. Теперик, которое заключается в наличии невербального компонента, сопровождающего речь, а именно жеста, который, согласно эллинистическому принципу *пойкилии*¹, разнообразен. Во всех речах на отплытие жест сопутствует речи, при этом всегда начинающая, а не заканчивая речевую ситуацию [Теперик, 2017: 80]. Другим сходством и важным элементом поэтики речей на отплытие является наличие объединяющего ключевого слова, по сути, лейтмотива речи. В связи с этим все эпизоды речевой ситуации к отплытию исследованы в двух аспектах поэтики:

1. Соотношение невербального/вербального поведения;
2. Анализ ключевого слова — лейтмотива.

Первый эпизод речевой ситуации: мужчины Иолка прощаются с уходящими в гавань аргонавтами. Здесь мы имеем дело с коллективной речью, поскольку автор речи — не один персонаж², а группа персонажей. Хотя такие коллективные тексты характерны для греческой трагедии³, они являются одним из типологических признаков жанровой поэтики «Аргонавтики», но в отличие от трагедии, где речь коллективного персонажа сопровождается музыка, коллективная речь в эпосе Аполлония Родосского музыкального оформления лишена

¹ Пойкилия “*ποικιλία*” — пестрота, разнообразие. В.П. Завьялова рассматривает разнообразие как идеал стиля александрийской школы [Завьялова, 2009: 150].

² С. Финкманн придерживается классификации коллективных речей на первичные (принадлежащие главным героям, например, аргонавтам) и вторичные (принадлежащие другим группам говорящих — второстепенным персонажам). Согласно данной классификации, все коллективные речи к отплытию являются вторичными, поскольку произносятся группой персонажей, не влияющих на сюжет [Finkmann, 2014: 73].

³ М.Л. Гаспаров отмечает, что песни хора как элементы внутренней структуры трагедии могут иметь к сюжету самое различное отношение: «или быть частью действия, патосом-переживанием; или быть откликом на действие, молитвой к богам и пр.; или быть отступлением от действия в область мифологии либо в область отвлеченной дидактики» [Гаспаров, 1997: 460].

[Теперик, 2019: 142]. Невербальное поведение, сопровождающее речь, довольно сдержанное, мужчины Иолка провожают аргонатов лишь взглядом: «и каждый, в толпе озирая... восклицал»⁴ (Arg. I, 240–241). Эта речь нейтральна в эмоциональном плане, и в тоже время оптимистична: жители Иолка верят, что аргонаты разрушат дом Ээта «губительным огнем», если он добровольно не отдаст им руно. Надежду на благоприятный исход поддерживает формула «губительным огнем» (Arg. I, 244), такая формула встречается у Гомера, в речи Кирки (Hom. Od. XII, 68), повествующей об удачном прохождении Арго между Сциллой и Харибдой. Не случайно подобные гомеровские формулы возникают в эпизодах поэмы Аполлония, связанных с «Илиадой» и «Одиссеей» и являются «вариацией на ту или иную литературную тему» [Рыбакова, 2006: 246]. Ключевым же словом-сообщением является здесь слово “πόνοϛ” — «труд», «подвиг»: «труд да не будет бесцельным!» (Arg. I, 246).

Вторая речь тоже является коллективной. Главное отличие от предыдущей — гендерный аспект: речь произносят женщины Иолка. Второе отличие — это речь косвенная, она предваряет собой прямую речь. Жесты и речь женских персонажей более эмоционально окрашены, нежели мужские. Так, женщины поднимают руки к небесам (Arg. I, 248), слезно умоляя о счастливом возвращении героев домой (Arg. I, 249).

Хотя формально изображена речь одной плачущей женщины к другой, несомненно, и автор речи, и реципиент, являются коллективным персонажем (Arg. I, 250). В начале речи женщины оплакивают судьбу несчастной матери, упоминание погребального савана (Arg. I, 254) привносит мотивы лирического жанра, френоса⁵. Затем, в конце речи (Arg. I, 256–259) — рассказ о путешествии Фрикса и Геллы, где использован редкий миф о золотом баране, который не летел по воздуху, а плыл. Обладая даром речи, своими увещеваниями он успокоил Фрикса после гибели Геллы [Латышев, 1890: 424; Robertson, 1940], и эта «редкость» — именно то, к чему стремились все эллинистические поэты [Грабарь-Пассек, 1972: 15].

Объединяющими ключевыми словами в речи женщин становятся слова “ἄλγεα μῦρία” — «страдания и горе» (Arg. I, 259), гендерная принадлежность персонажей, таким образом, определяет и поэтику речей. Если мужчины говорят о будущем подвиге, то женщины — о чужом горе.

Ясона в опасное плавание провожает вместе с согражданами и мать, и *третья* речь, самая длинная (11 строк), самая сильная по эмоциональному накалу, принадлежит именно матери. Ее речи

⁴ Здесь и далее перевод Н.А. Чистяковой [Чистякова, 2001].

⁵ Френос (греч. φρήνος) — погребальная и заупокойная лирическая песнь о погибшем.

предшествует авторская речь, где поэт прибегает к сравнению речи Алкимеды с речью осиротевшей девочки, ищущей защиты от злой мачехи у няни. Подобные сравнения помогают передать субъективную точку зрения, и автор, «не прибегая к прямой речи, показывает, каким один персонаж видит другого» [Мостовая, 2017: 45]. Следует заметить, что эмоциональная семантика лексем, обозначающих жест, по ходу развития сюжета возрастает. Если мужчины говорят, сдержанно провожая взглядом, то женщины поднимают руки к небесам, молятся и льют слёзы, а мать уже не говорит, а оплакивает сына, обняв его: «Так рыдала теперь, в объятиях сына сжимая» (Arg. I, 276). Основным мотивом становится неизбежность злого рока и оплакивание своей участи. Алкимеда восклицает: “ὄ μοι ἐμῆς ἄτης”. «О, моя злая судьба!» (Arg. I, 290) и ключевым становится слово “ἡ ἄτη” — «несчастье, горе».

Однако в «Аргонавтике» важна не только речь персонажа, но и ее отсутствие. Так, Ясон проходит мимо престарелой жрицы Артемиды Ифиады, которая только взяла его за руку, но не успела обратиться к нему с речью (Arg. I, 308–310). С одной стороны, отсутствие речи помогает снять эмоциональный накал после столь горестной речи матери, а с другой — молчание совместно с жестом помогают передать и тонкий оттенок чувств, растерянность старушки, которая осталась в стороне, и уверенность Ясона в предстоящем походе.

Невербальная коммуникация важна и при описании сцены прощания лемносских женщин с аргонавтами. Они пытаются обратиться к спутникам Ясона, кто жестом, а кто словом. Затем они молятся, как и женщины Иолка, о счастливом возвращении аргонавтов (Arg. I, 885). Это еще одна коллективная речь, ее особенность в том, что в отличие от предыдущих случаев, она — косвенная, то есть содержание ее скрыто. Таким образом, коллективная речь, в «Аргонавтике», также разнообразна и может быть как прямой, как речь женщин Иолка, так и косвенной, как речь амазонок Лемноса.

Четвертая речь к отплытию принадлежит Гипсипиле. Во всех предыдущих сценах прощания женская речь соответствовала контексту культурно-бытовых условий и традиций, определяющих содержание и форму речи говорящих. Так, чаще всего от женщин ожидают услышать колыбельные, сказки и погребальные песни, а не речи в народном собрании [Lardinois A., McClure L., 2001: 17]. Речь же Гипсипилы, хоть и эмоциональна, но по ряду признаков схожа с мужской речью. Возможно, потому что она — царица, правительница острова, предводительница амазонок, ее речь не может быть такой же, как у жительниц Иолка, хотя на невербальном уровне она тоже достаточно экспрессивна: Гипсипила держит Ясона за руки и плачет (Arg. I, 886–887). При этом сама речь царицы сдержанная и, подобно речам мужчин Иолка, также обращена в будущее. Гипсипила отчет-

ливо осознает, что Ясон к ней уже не вернется, но в своей речи не оплакивает свою судьбу, она сосредоточена на будущем: «ежели боги мне дитя обещают» (Arg. I, 898). Здесь ключевым словом является глагол “τεχέσθαι” — «родить».

Пятая речь к отплытию принадлежит Медее. Это уже четвертая книга, последняя книга поэмы. Медея, страшаясь остаться брошенной в Колхиде, умоляет Ясона исполнить своё обещание и взять её с собой. Соответствует просьбе и ее жест, она обнимает колени Ясона и своих двоюродных братьев Фронтиса и Арга (Arg. IV, 81–82). Речь Медеи находится в контексте других речей, не относящихся к отплытию, но схожих по функции, например, при сцене «ложного прощания» Медеи и Ясона в третьей книге, где она соглашается дать зелье Ясону, обращаясь к нему с прощальной речью (Arg. III, 1069–1076). Даже на лексическом уровне речь Медеи схожа с речью Гипсипилы. Та и другая использует формулу «помни же»: “μνῶεο μὴν”, “μνῶεο δ’” (Arg. I, 896, III 1069). Поскольку Ясон не покидает Медею, как Гипсипилу, обещая в ответ взять в законные супруги, то происходит присущий александрийской поэтике обман «горизонта читательских ожиданий» [Jauss, 1970: 8]. И теперь, в четвертой книге, Медея вправе требовать исполнения обещания от Ясона и призывает в свидетели своих двоюродных братьев Фронтиса и Арга. По существу, речь Медеи является сюжетобразующей. Аргонавты, которые до речи Медеи, праздновали на корабле и ждали, что Ээт сам вручит им золотое руно, согласно уговору, после речи Медеи отчаливают от берега. Ключевым пунктом, объединяющим содержание речи, становится «слова» — “μῦθαι”. Медея просит еще раз поклясться «в тех словах», “τεῶν μῦθων”, что она слышала от Ясона ранее, и тем самым призывает Ясона сдержать свое слово (Arg. IV, 88–90).

Итак, в поэтике речей можно выявить следующие признаки:

1. Разнообразие в изображении невербального поведения, предшествующего речевому акту.

2. Разнообразие жанровых средств в изображении речей. Так, речи включают в себя элементы как трагедии (коллективные речи), так и лирических жанров (френос женщин Иолка и Алкимеды).

3. Изображение внутреннего мира и психологического состояния персонажа, разное в зависимости от развития сюжета и гендерного аспекта.

4. Полифункциональность речей. Речь может совмещать в себе несколько функций, с одной стороны, выполнять функцию речи — просьбы, с другой — речи-сообщения и т.д.

Таким образом, в поэме Аполлония Родосского принципы александрийской поэтики реализованы не только в таких приемах, как загадка, экфрасис, сравнение, экскурс, но и в таком традиционном эпическом средстве, как речь. Речи в «Аргонавтике» наполнены

новым в сравнении с предшествующей эпикой содержанием, они иные по характеру использования художественных средств. В этом вопросе, как и во многих других, Аполлоний, опираясь на эпическую традицию, был одновременно и ее новатором.

Список литературы

1. *Аполлоний Родосский*. «Аргонавтика». Перевод, статьи и комментарии Н.А. Чистяковой. М., 2001.
2. *Гаспаров М.Л.* Сюжетосложение греческой трагедии // Избранные труды. Т.1. О поэтах. М., 1997. С. 449–483.
3. *Грабарь-Пассек М.Е.* Александрийская греческая литература // Александрийская поэзия. М., 1972. С. 5–21.
4. *Завьялова В.П.* Каллимах и его гимны. М., 2009.
5. *Латышев В.В.* Известия древних греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе. Т. 1: Греческие писатели. СПб., 1890.
6. *Мостовая В.Г.* Гомеровский интертекст в «Аргонавтике» Аполлония Родосского (на материале эпических сравнений III книги) // Литература и культура эллинизма. Сборник статей по материалам конференции памяти В.П. Завьяловой. М., 2017. С. 38–46.
7. *Рыбакова И.В.* О роли формул в «Аргонавтике» Аполлония Родосского // Индоевропейское языкознание и классическая филология — X. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. СПб., 2006. С. 244–246.
8. *Тенерик Т.Ф.* Жанровый аспект эллинистического эпоса: «Аргонавтика» Аполлония Родосского // Россия и Греция: диалоги культур: Материалы IV Международной конференции. Ч. III. Петрозаводск, 2019. С. 139–144.
9. *Тенерик Т.Ф.* Поэтика жеста в «Аргонавтике» Аполлония Родосского // Литература и культура эллинизма: Сборник статей по материалам конференции памяти В.П. Завьяловой. М., 2017. С. 79–86.
10. *Finkmann S.* Collective Speech and Silence in the Argonautica of Apollonius Rhodius and Valerius Flaccus in A. Augoustakis (ed.) Flavian poetry and its Greek past. Leiden / Boston, 2014. P. 73–93.
11. *Jauss H.R., Benzinger E.* Literary History as a Challenge to Literary Theory. New Literary History Vol. 2, No. 1, A Symposium on Literary History, 1970, pp. 7–37.
12. *Kenny Timothy A.R.* 1.609–1077: An Intertextual and Interpretative Commentary. A thesis... Phd. Manchester, 2015.
13. Making silence speak. Women's voices in Greek literature and society / Ed. by A. Lardinois, L. McClure. Princeton, 2001.
14. *Robertson D.S.* The Flight of Phrixus // The Classical Review Cambridge University press. London, 1940. Vol. 54, No 1. P. 1–8.
15. *Toohey P.* Epic and rhetoric: speech-making and persuasion in Homer and Apollonius // Persuasion: Greek rhetoric in Action. London, 1994. P. 153–75.
16. *Verhelst B.* Direct speech in Greek epic poetry. 2019. URL: <https://www.dsgep.ugent.be/> (дата обращения: 01.03.2021).

Anastasia Potapova

**POETICS OF SPEECHES BEFORE DEPARTURE
IN THE ARGONAUTICA BY APOLLONIUS RHODIUS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper explores the artistic means of speeches in the epic poem “Argonautica” by Apollonius Rhodius. The speeches of personages before departure are used as a base in the paper in connection with the plot-forming role of this motif in the poem. The study examines speeches of both types, direct and indirect. The research reveals the effect of gender aspect on the speech content and the choice of artistic means as well: the quantitative predominance of female speeches over male indicates the increased interest of *poetae docti* in female images. Speeches can also be classified as individual, that is, the author of the speech is one character, and collective, where the speech is made by a group of characters. In the first case, such a speech brings the epic narration closer to lyrical funeral lamentation, *phrenos*, and in the second, to tragedy and speeches of the choir. Thus, the author applies the artistic means of different poetic genres in the personages’ speeches. This, as well as attention to the inner world, where key words and non-verbal behaviour play a major role — one of the innovations of Apollonius. In the poem, according to the epic tradition, speech formulas are of great importance, a significant role in them is played by farewell formulas, which, however, are not always followed by the actual parting of personages, and in such a way the horizon of the reader’s expectations is deceived, which becomes one of the key features of Alexandrian poetry.

Key words: poetics; speeches; epos; genre; motif.

About the author: *Potapova Anastasia* — Senior Teaching Fellow, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (e-mail: anastasiaflorea@gmail.com).

References

1. Apollonij Rodoskij. Argonavtika. [Apollonius Rhodius. Argonautica] Translation and commentary by Chistjakova N.A. Moscow, *Ladimir, Nauka* 2001.
2. Gasparov M.L. Sjuzhetoslozhenie grecheskoj tragedii [The plotmaking of the Greek tragedy]. *Izbrannye trudy*. Vol.1 O pojetah. Moscow, *Jazyki russkoj kul'tury*, 1997, pp. 449–483.
3. Grabar'-Passek M.E. Aleksandrijskaja grecheskaja literature [Alexandrian Greek Literature]. *Aleksandrijskaja poezija*. Moscow, *Hudozhestvennaja literatura*, 1972, pp. 5–21.
4. Zav'jalova V.P. Kallimah i ego gimny [Callimachus and his hymns]. Moscow, *GLK*, 2009.
5. Latyshev V.V. Izvestija drevnih grecheskih i latinskih pisatelej o Skifii i Kavkaze. Vol. 1 Grecheskie pisateli [Testimonies of ancient Greek and Latin writers about Scythia and the Caucasus. V. 1 Greek writers]. SPb., *VDI*, 1890.

6. Mostovaja V.G. Gomerovskij intertekst v “Argonavtike” Apollonija Rodoskogo (na materiale jepicheskih sravnenij III knigi) [Homeric intertext in the “Argonautica” of Apollonius Rhodius (epic similes in the book III)]. Literatura i kul'tura jellinizma. Sbornik statej po materialam konferencii pamjati V.P. Zav'jalovoj. [Literature and culture of Hellenism. Conference in memory of V.P. Zavyalova. Moscow, November 14–15, 2016. Selected papers]. Ed. Y. Zabudskaya, V. Mukhanova. Moscow, *MSU*, 2017, pp. 38–46.
7. Rybakova I.V. O roli formul v «Argonavtike» Apollonija Rodoskogo [On the role of formulas in the “Argonautica” by Apollonius Rhodius] Indoevropskoe jazykoznanie i klassicheskaja filologija — X. *Materialy chtenij, posvjashhennyh pamjati professora I.M. Tronskogo* [Indo-European linguistics and classical philology. *Proceedings of the Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky*]. SPb., *Nauka*, 2006, pp. 244–246.
8. Teperik T.F. Zhanrovij aspekt jellinisticheskogo jeposa: “Argonavtika” Apollonija Rodoskogo [The genre aspect of the Hellenistic epic: “Argonautica” of Apollonius Rhodius]. *Rossija i Grecija: dialogi kul'tur: materialy IV Mezhdunarodnoj konferencii*. Ch. III. Petrozavodsk, *PetrGU*, 2019, pp. 139–144.
9. Teperik T.F. Pojetika zhesta v “Argonavtike” Apollonija Rodoskogo Literatura i kul'tura jellinizma [Poetics of gesture in the “Argonautica” by Apollonius Rhodius]. Sbornik statej po materialam konferencii pamjati V.P. Zav'jalovoj. [Literature and culture of Hellenism. Conference in memory of V.P. Zavyalova. Moscow, November 14–15, 2016. Selected papers]. Ed. Y. Zabudskaya, V. Mukhanova. Moscow, *MSU*, 2017, pp. 79–86.
10. Finkmann S. Collective Speech and Silence in the Argonautica of Apollonius Rhodius and Valerius Flaccus. Flavian poetry and its Greek past. Ed. by A. Augoustakis. Leiden / Boston, *Brill*, 2014, pp. 73–93.
11. Jauss H.R., E. Benzinger Literary History as a Challenge to Literary Theory. *New Literary History*. Vol. 2, No. 1. A Symposium on Literary History, *The Johns Hopkins University Press* 1970, pp. 7–37.
12. Kenny Timothy A.R. 1.609–1077: An Intertextual and Interpretative Commentary. A thesis... Phd. Manchester, 2015.
13. Making silence speak. Women's voices in Greek literature and society. Ed. by Lardinois A., McClure L. *Princeton University Press*, 2001.
14. Robertson D.S. The Flight of Phrixus. *The Classical Review. Cambridge University Press* Vol.54, No.1, 1940, pp. 1–8.
15. Toohey P. Epic and rhetoric: speech-making and persuasion in Homer and Apollonius. *Persuasion: Greek Rhetoric in Action*. Ed. by Ian Worthington, London, *Routledge*, 1994, pp. 153–75 Verhelst B. *Direct speech in Greek epic poetry*. URL: <https://www.dsgep.ugent.be/> (access 01.03.2021).

Л.М. Довлеткиреева

ВОСТОК И ЗАПАД В ПОЭЗИИ РАИСЫ АХМАТОВОЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Чеченский государственный университет»

364093, Чеченская Республика, Грозный, ул. Шерипова, 32

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»

360004, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, ул. Чернышевского, 175

В статье автор стремится с позиции литературоведения выявить дуализм восточной и западной гендерной культуры на Северном Кавказе. Творчество ведущей чеченской поэтессы XX в. Раисы Ахматовой рассматривается с точки зрения антропоцентрической поэтики, в центре которой находится человек и его восприятие себя и мира. В основе исследования лежит культурологический подход, заключающийся в анализе художественного текста как этнокультурного явления, отражающего специфику национального сознания в определенный период развития этноса. Художественная литература является богатым источником этноментальных и этногендерных знаний. Опираясь на этот тезис, предпринята попытка создать собирательный психологический портрет чеченской женщины на материале лирики Р. Ахматовой и выявить общечеловеческие и национально-идентичные черты, сформировавшиеся в результате влияния двух историко-культурных традиций. Анализ поэтических произведений Раисы Ахматовой позволил установить разновекторную тенденцию этногендерной кавказской идеологии, тяготеющей, с одной стороны, к сильным патриархальным традициям, а с другой — к западно-феминистическим моделям. Определяя онтологический статус современной горянки, автор уделяет внимание вопросам двойного репертуара и принципу «золотой середины», представляющему собой социальный идеал современного кавказского общества, нацеленного на синтез «восточной» и «западной» культуры.

Ключевые слова: Кавказ; поэзия; Раиса Ахматова; восток; запад; гендерный; феминизм; маскулинный; двойной репертуар.

Довлеткиреева Лидия Махмудовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет», докторант кафедры русской и зарубежной литератур по специальности 10.01.02 «Литература народов РФ (чеченская литература)» филологического факультета ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова» (e-mail: dlida@inbox.ru).

Кавказ занимает особое место на географической карте мира. Здесь обитают представители одной из древнейших цивилизаций, которые в силу огражденности от остального мира Главным Кавказским хребтом сохранили многие патриархальные традиции, этикет, предметы материальной и духовной культуры. На сегодняшний день сложился целый круг ученых-кавказоведов, которые тщательно изучают вопросы, связанные с идентичностью Кавказа, соотношением в регионе традиционных и инновационных элементов, проблемами образования и просвещения. Однако вопросы гендерной культуры и взаимопересечения разновекторных культур остаются наименее изученной областью в современном кавказоведении.

Кавказ не стоит на месте. Ни природно-географическая замкнутость, ни сильные патриархальные традиции не могут оградить регион от процессов глобализации и модернизации. В этих условиях актуальной становится задача изучения динамического развития кавказской гендерной культуры, которая, с одной стороны, имеет сильное притяжение к архетипическим, патриархальным корням (условно назовем этот полюс Востоком), а с другой стороны, подвержена влиянию новых феминистических влияний Центральной России, Западной Европы, США (Запада).

Что представляет собой гендерная картина сегодняшнего кавказского мира? Каков онтологический статус современной кавказской женщины? Какие трансформации переживает ее внешний и внутренний облик? Как горянкой Кавказа преодолеваются проблемы, связанные с гендерной асимметрией? Готова ли она подписать новый гендерный контракт с мужчиной? На эти вопросы по-своему отвечают историки, этнологи, психологи, социологи. Но особый уровень научной объективности могут предоставить литературоведы, если учесть, что любой качественный художественный текст является богатым источником этногендерных и ментальных знаний.

При надлежащем анализе гендерно маркированного текста можно получить всю необходимую информацию о социально одобряемых моделях женственности и мужественности в том или ином этноколлективе. В этом контексте авторитетный российский гендеролог Н.Л. Пушкарева подчеркивает значимость «женского нарратива» и «женских текстов», где автор «прорывается к собственному «Я» через шаблоны и стереотипы [Пушкарева, 2007: 311], т.е. без оглядки на мужчин женщина репрезентирует собственное мировосприятие, высказывает свое субъективное мнение о должном и недолжном во взаимоотношениях полов. Учитывая подобную рекомендацию Н.Л. Пушкаревой, мы в качестве материала данного исследования избрали поэтические тексты ведущей чеченской поэтессы Раисы Ахматовой (1928–1992).

Раиса Ахматова — классик чеченской литературы. Женщина, чья судьба во многом определена временем: в Советском Союзе социальная роль женщины значительно расширяется, ее права и свободы уравниваются с мужскими, пропагандируется и поощряется возможность получать образование, продвигаться по карьерной лестнице.

Р. Ахматова родилась в Грозном в простой рабочей семье. Она училась в девятом классе, когда чеченцев сорвали с родной земли и, объявив «врагами народа», отправили в ссылку в Казахстан и Среднюю Азию. Образование получила после возвращения из 13-летней депортации: Грозненское педучилище, Чечено-Ингушский госуниверситет, Высшие литературные курсы в Москве. Ее жизненная позиция была очень активной, поэтесса широко занималась общественной и политической деятельностью, занимала высокие посты: более двадцати лет она была председателем Союза писателей Чечено-Ингушетии, членом Правления Союза писателей РСФСР и СССР, долгие годы была председателем Верховного Совета ЧИАССР, возглавляла республиканские отделения различных организаций: Комитета советских женщин, Комитета солидарности со странами Азии и Африки, Всемирного конгресса за всеобщее разоружение и мир. За достижения в литературной, общественной и политической деятельности награждена множеством правительственных званий и наград, в том числе орденами «Знак Почета» и «Дружба народов». Ей присвоено звание народной поэтессы Чечено-Ингушетии [Кусаев, 2005: 253].

Писать стихи Раиса Ахматова начала с 14 лет и издала десятки книг стихотворений и поэм на чеченском и русском языках в Грозном и в Москве. Кроме того, она часто путешествовала, выступала со своими произведениями в СССР и за рубежом. Ее поэзия переведена на многие языки мира. В США, Англии, Франции, Испании, Чехословакии, Финляндии, Германии, на Кубе и в еще более 30 странах знакомы с ее творчеством [Горнов, 2018: 20].

Итак, в век советского феминизма, распахнувшего двери не только русским комсомолкам, но и раскрепостившего женщин-горянок, благодаря своей кипучей энергии и неповторимому таланту, чеченка Ахматова построила головокружительную карьеру и стала на Кавказе символом своей эпохи, а потому по праву несла свой поэтический дар как миссию «говорить от имени горянок...» [Ахматова, 2009: 25]

Лирическая героиня Р. Ахматовой — сильная женщина, ищущая борьбы и преодолевающая любые жизненные перипетии, ей претит состояние покоя. Она ломает стереотип женщины-домохозяйки и хранительницы очага. И зачастую отказывается от гендерных акцентов, подчеркивая, что является человеком. Поэзия Ахматовой

антропоцентрична: человек — вершина творения, и он способен на великие свершения:

Я человек, я вышла в путь опять:
Иду трудом одолевать преграды.

Даже слезы не являются проявлением «женской слабости», это всего лишь выражение чувств обычного человека, а не специфический женский маркер:

Я человек: он плачет и смеется,
Но я боролась с бурями всегда.

(«Все в жизни мне давалась нелегко») [Ахматова, 2009: 8]

Зараженная советской идеологической бактерией преобразования действительности, в которую искренне верили миллионы граждан СССР, ее героиня настроена на созидательный труд в масштабах всей Вселенной:

Я землю люблю. И поэтому землю
Всю жизнь переделывать, строить хочу.

(«Я землю люблю») [там же: 9]

Традиционно воспринимаемые в обществе маскулинными концепты «СТРОИТЬ», «БОРОТЬСЯ», «ПОБЕЖДАТЬ», «ПРЕОДОЛЕВАТЬ», «ДЕЙСТВОВАТЬ» в художественной картине мира Ахматовой входят в сферу естественных задач любого человека, независимо от гендерной принадлежности. При этом, перечисляя виды деятельности, она к традиционно женским обязанностям «растить детей», «печь чурек» прибавляет те, в которых горское общество многие века отказывало прекрасной половине человечества: «слагать стихи», «строить города», не разделяя «феминное» и «маскулинное».

Каждый человек ответствен за мир, каждый — Атлант, на чьих плечах он держится, но и тут могущество героя древнегреческого мифа, его мощь перекрывает нежность образного мышления истинной женщины-горянки, обязательным атрибутом которой является традиционный головной убор: «На мне, как шарф чеченский, облака» [там же: 55]. Отметим, что на большинстве фотографий сама Раиса Ахматова предстает без платка, выглядит современно. В советскую эпоху феминизация горянки коснулась и ее внешности.

Поэтесса презрительно относится к пережиткам прошлого, например, к приметам, называя их «бабьими выдумками» [там же: 9]. Не в талисманы надо верить, а в людей, в их силу духа и безграничные возможности.

В центре англосаксонского антропоцентризма — «самосделанный человек» — self-mademan [Гачев, 2011: 14]. Поэт Р. Ахматова была именно таким «самосделанным человеком» как в творчестве, так и

в общественно-политической жизни и пропагандировала этот образ во многих своих произведениях, хотя и освобождала его от налета западного индивидуализма. Будучи подвержена советской идеологии коллективизма, образ труженика-созидателя, которому подвластны и космос, и земные дела, она нацеливала на решение общечеловеческих задач заботы о планете, о людях, о мире.

Свой век она считает «необычайным» [Ахматова, 2009: 7, 8] именно потому, что человек сам распоряжается своей судьбой, все в его власти. Но сильная личность у Р. Ахматовой не бесполое существо, как может показаться. Феминизм не убивает «инь». Наоборот, женское начало придает дополнительные силы, позволяя чувствовать глубже и максимально познавать мир не только разумом, но и душой. Материнство в этом контексте является источником нравственных и духовных соков, питающих и обогащающих сущность человека-борца и преобразователя земли:

Нет, не в обход я шла, а только прямо,
И не вела я перевалам счет,
Меня в дорогу провожала мама...
Теперь со мною рядом сын идет!

(«Остановись, повремени, мгновень») [там же: 8]

Мотив дороги в поэзии часто ассоциируется с жизнью, поиском ее смысла, судьбой. В ахматовской лирике этот неновый символ довольно частотен, однако поэт (а себя Раиса называет только так, как и ее гениальная однофамилица Анна Ахматова), как истинный художник и философ, расширяет границы этого концепта. Тема жизни и смерти очень волнует ее воображение. И уход воспринимается как следующий этап пути, как будто жизнь была всего лишь остановкой, а смерть и есть настоящая дорога. Вот обращение к судьбе в стихотворении «Когда я оглянусь перед уходом»: «Мы славно пожили. В дорогу» [там же: 10]. Нет страха перед смертью, хотя сама смерть не имеет каких-то конкретно выраженных трансцендентальных форм. В такой готовности спокойно перейти «рубикон» чувствуется влияние Востока: мудрость человека, чья совесть чиста перед Богом и людьми, умиряет боязнь и привносит умиротворение, ведь впереди вечность, испытание земной жизнью закончилось. Все это нам видится в подтексте короткой ахматовской фразы «В дорогу». В то же время философия смерти и бессмертия у Раисы Ахматовой выстраивается на глаголе «ОВЛАДЕТЬ», в котором содержатся излюбленные мотивы победы и преодоления, не характерные для «восточной» психологии:

Я знаю, чтобы овладеть бессмертьем,
Нельзя бояться, нужно видеть смерть.

(«Бессмертие») [там же: 22]

Перетекаемость вещей и явлений, связь времен, причинно-следственные отношения в исторической спирали создают ощущение вечности жизни, что дает право заявить: «Я жила задолго до рождения. / Я грелась у пещерного костра». В этом можно прочесть восточный подтекстовый мотив переселения душ. Хотя, конечно, опосредован он именно широтой души самого поэта, вмещающей все тайны прошлого и будущего, а также вневременным характером настоящего искусства, способного прожить тысячи жизней и предстать в тысяче масок и лиц, ролей и сценариев. В лирике Р. Ахматовой Память и Время — контекстуально синонимичные понятия. Мы находим в этом влияние античной философии. Так, Платон трактовал процесс познания как припоминание: человек уже все знает, нужно лишь вспомнить в земной жизни то, что душа наблюдала в мире идей.

Несмотря на ярко выраженную антигендерную позицию произведений поэтессы, ориентированную не на мужчину или женщину, а на человека, в котором доминирует западное «делать», а не восточное «созерцать», поэтика Раисы Ахматовой находится под влиянием двух факторов: ландшафта родного края (природно-архитектурного) и женской души и телесности. Размышляя о предназначении поэта, она называет свою «песнь» «*девочкой босой*», а суть своей поэзии видит в «*любви к народу*» [там же: 7], стихосложение сравнивает с горным потоком [там же: 67], луну с клинком [там же: 87]. Вот «*облако к груди горы приникло*» [там же: 28] Себя Раиса Ахматова ассоциирует с чинарой, а именно — с «поющей чинарой», горные перевалы — с жизненными препятствиями, свою жизнь сравнивает с открытостью гор, и в то же время советует искать, «что за горами скрыто». Описывая пейзаж Сибири, использует кавказскую метафорику: «Березки тонкие, как газыри» [там же: 34]. И благодарность московским педагогам выражает самым ценным даром родной земли — водой родника в горском кувшине [там же: 31] Иногда мотив борения выводит на «мужские» образные средства. Так, подготовка к новому дню проходит, «как будто в схватке рукопашной». И в тот же текст врывается «женская» чувственность: «И ветер обвеваает камень, ниспосылая поцелуй» [там же: 29].

Любовная лирика Раисы Ахматовой формирует образ женщины, познавшей восторг истинного чувства и разочаровавшейся в любви. Она испытывает счастье и боль, проходит через предательство, фальшь, холод и ложь разлюбившего мужчины, но все же движется дальше, не утрачивает оптимизма. Чувство любви к мужчине не заслоняет огромный мир, оно не равнозначно миру по своим масштабам, да, оно велико, боль бездонна, но сильная и гордая героиня

способна и это превозмочь, она не верит, что «сказки порою кончатся / Победой зла над добром», ведь сказка — это и есть твой жизненный путь, надо только распахнуть дверь и увидеть: «земля <...> расстилается чистым своим серебром» [там же: 19]. В выражении глубоко личных переживаний Ахматова по-восточному сдержанна, хотя порой она преодолевает этот психологический барьер и выходит на уровень западной откровенности. И тогда врываются в ее завуалированный стих, в котором нет необходимости даже само слово «любовь» произносить и уж тем более клясться в ней (вспомним есенинского менялу: «О любви в словах не говорят») — лексемы «поцелуй», «объятыя» и словосочетание «неистовство ночей бессонных» [там же: 18].

Несмотря на то что сердце героини обожжено равнодушием или предательством, оно открыто для любви и нежности. Над счастьем, считает поэтесса, надо работать, оно не дается без труда. Существует представление о том, что женщина воплощает сферу чувств, а мужчина — сферу разума. Если следовать этой дихотомии, то декларативно в поэзии Раисы Ахматовой доминирует «ян» (деятельность, разум, труд), но побеждает «инь», потому что хоть счастье и не дано без труда, но решающим аккордом вносится ясность, что без любви оно невозможно [там же: 29].

Раиса Ахматова, действительно, становится голосом привыкших молчать горянок, но она не кичится этим, наоборот, признается, что находится у них в долгу, ведь они доверяют ей свои чувства, но так нелегко «сто судеб воплотить в одно искусство» [там же: 25]. И сила ахматовской героини имеет женские истоки — это общая сила сестер-горянок.

«Ролевой дуализм» лирической героини Раисы Ахматовой проявляется в удивительно гармоничном сочетании силы и слабости, уверенных, чеканных интонаций и нежного, тонкого лиризма, мужественности и женственности. «Могучая женская слабость» [там же: 35] — оксюморон, характеризующий этот естественный для поэтессы симбиоз мужского и женского начал в ее творчестве и судьбе.

Р. Ахматова — настоящий интернационалист, от Кавказа до Алтая летает она не только наяву, но и во сне [там же: 49], посвящает стихотворения японской вишне, русскому коммунисту, признается в любви к русской сказке: «Люблю я неподдельность русской сказки, как эпоса чеченского страницы» [там же: 47].

В стихотворении «Кипарис» Раиса Ахматова противопоставляет «свое» и «чужое». Аллегорически кипарис можно рассматривать как модель западного универсума, а чинару, соответственно, как символ

Кавказа. В то же время грамматический мужской род фитонима «кипарис» дает основание ассоциировать это дерево с мужчиной, а принадлежность к женскому роду чинары олицетворяют ее с женщиной. Во внутреннем конфликте Запада и Востока, маскулинного и феминного, который не является выраженным как вражда, а, скорее, как борьба за доминирование, все-таки, по признанию поэтессы, побеждает чинара. Описывая достоинства стройного красавца кипариса, она восклицает: «Я признаю тебя!» — но «Мне нужнее чинара возле сакли <...> Она нежнее, и она родней» [там же: 85]. «Признаю» — это действие разума, а «нежнее и родней» — это качественные характеристики из области эмоций.

Анализ творчества Р. Ахматовой дает основание сделать вывод о том, что ее поэзия открыта миру, она впитывают достижения мировой цивилизации, из чужих культур вбирает то, что способствует движению вперед, прогрессу, обогащает эстетически и духовно, но в то же время сохраняет свой неповторимый кавказский колорит, который носит не атрибутивный характер, а является встроенным в художественное пространство текстов на основе национального мировидения, миропонимания и чувствования, впитанного с молоком матери. Проникновение западных ценностей в лирическую матрицу художественного слова происходит сквозь сито национально сформированных идеалов, которые являются мерилем нравственного и прекрасного.

Список литературы

1. *Ахматова Р.* Избранное. Край любви. Стихи, поэмы (Библиотека чеченской литературы. Т. 5). М., 2009. 223 с.
2. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии. М., 2011. 424 с.
3. *Горнов А.* Лирика гор Раисы Ахматовой // Вайнах. 2018. № 4. С. 15–20.
4. *Кусаев А.Д.* Писатели Чечни. Грозный, 2005. 410 с.
5. *Ерохина Л.Д.* Гендерология и феминология: учеб.пособие. М., 2009. 384 с.
6. *Лукин Ю.Ф.* Конфликтология: управление конфликтами. М., 2007. 799 с.
7. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб., 2007. 496 с.
8. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. М., 2002. 256 с.
9. *Тойнби А. Дж.* Постигание истории: Сборник. М., 2002. 640 с.
10. *Хараева Л.Ф., Кучукова З.А.* Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Нальчик, 2018. 192 с.

Lidiya Dovletkireeva

EAST AND WEST IN RAISA AKHMATOVA'S POETRY

Chechen State University

32A Sheripov Str., Grozny, 364093, Chechen Republic

Berbekov Kabardino-Balkar State University

173, Chernishevsky Str., Nalchik, 360004, Kabardino-Balkarian Republic

The article seeks to reveal the dualism of eastern and western gender culture in the North Caucasus. The work of the leading Chechen poetess of the 20th century, Raisa Akhmatova, is considered from the point of view of anthropocentric poetics, its focus is a person and his perception of himself and the world. The study views a literary text as an ethnocultural phenomenon, reflecting the specifics of national consciousness in a certain period of the development of an ethnicity. Fiction is a rich source of ethnic and ethnographic knowledge. On this basis an attempt was made to create a psychological portrait of a Chechen woman and to reveal universal and national identical features that were formed as a result of the influence of two historical and cultural traditions. Research into Raisa Akhmatova's poetry has made it possible to establish a multi-vector tendency of ethnogenetic Caucasian ideology, gravitating to strong patriarchal traditions, on the one hand, and to Western feminist models, on the other. Determining the ontological status of the modern highlander, the paper pays attention to the issues of double repertoire and the golden mean principle, which is the ideal of modern Caucasian society aimed at the synthesis of "eastern» and "western» cultures.

Key words: Caucasus; poetry; Raisa Akhmatova; East; West; gender; feminism; masculine; double repertoire.

About the author: *Lidiya Dovletkireeva* — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Chechen State University; doctoral student of the Department of Russian and foreign literature, Faculty of Philology, Berbekov Kabardino-Balkar State University (e-mail: dlida@inbox.ru).

References

1. Akhmatova R. Izbrannoye. Kray lyubvi. Stikhi, poemy. (Biblioteka chechenskoy literatury. T.5) [Favorites. The edge of love. Poems, poems (Library of Chechen literature. V.5)]. Moscow, *Charity Foundation for the Support of Chechen Literature*, 2009. 223 p.
2. Gachev G.D. Natsional'nyye obrazy mira. Ellada, Germaniya, Frantsiya: opyt ekzistentsial'noy kul'turologii [National images of the world. Hellas, Germany, France: the experience of existential culturology]. Moscow, *Logos*, 2011. 424 p.
3. Gornov A. *Lirika gor Raisy Akhmatovoy* [Lyrics of the mountains by Raisa Akhmatova]. Vainakh. 2018. No4, pp. 15–20. (In Russ.)

4. Kusaev A.D. Pisateli Chechni [Chechen writers]. *Grozny, State Unitary Enterprise "Book publishing house"*, 2005. 410 p.
5. Erokhina L.D. Genderologiya i feminologiya: ucheb.posobiye [Genderology and feminology: textbook]. Moscow, *Flint Science*, 2009. 384 p.
6. Lukin Yu.F. Konfliktologiya: upravleniye konfliktami [Conflict Management]. Moscow, Academic Project, *Gaudeamu*, 2007. 799 p.
7. Pushkareva N.L. Gendernaya teoriya i istoricheskoye znaniye [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg, *Aletea*, 2007. 496 p.
8. Slovar' gendernykh terminov. Pod red. A.A. Denisovoy. [Dictionary of gender terms / Ed. A.A. Denisova]. Moscow, *Information XXI Century*, 2002. 256 p.
9. Toynbee A.J. Postizheniye istorii: Sbornik [Understanding History: A Collection]. Moscow, *Iris Press*, 2002. 640 p.
10. Kharaeva L.F., Kuchukova Z.A. Gender i etnogender (na materiale kabardinskoy zhenskoy prozy) [Gender and ethnogender (based on Kabardian female prose)]. Nalchik, *Print Center Publishing House*, 2018. 192 p.

А.М. Ранчин

СТИХОТВОРЕНИЕ А.А. ФЕТА «МЕСЯЦ ЗЕРКАЛЬНЫЙ ПЛЫВЕТ ПО ЛАЗУРНОЙ ПУСТЫНЕ...»: ОПЫТ АНАЛИЗА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена анализу известного стихотворения А.А. Фета. Рассматриваются особенности композиции в их соотносительности с мотивами произведения (принцип отражения и т.д.), анализируются композиция пространства, оппозиции романтического происхождения, на которых строится семантика текста, функции тропов (в том числе метафорического эпитета *зеркальный*), словесные повторы с вариациями, аллитерации и рифмы. Показана сложная связь между первым катреном и двумя последующими. Если в первом стихе первого катрена описано небо, то во втором — земля, причем верхний и нижний миры словно изоморфны: в небе — зеркальный, полупрозрачный, блестящий, подобно воде, месяц; на земле — травы, унизанные каплями воды (росы) — каплями, очевидно, блестящими, отражающими лунный свет, иначе они не были бы заметны наблюдателю, лирическому я. Вторая строфа почти целиком, кроме части первого стиха, посвящена миру чувств лирического я, при этом в ней устанавливается соответствие между внешним и внутренним. Первая и третья строфы, образующие композиционное кольцо, отчетливо противопоставлены второй, срединной. вторая и третья строфы соотносятся с первой как ее своеобразные отражения. Мотив отражения (зеркала), намек на который дан в эпитете месяца *зеркальный*, определяет композицию текста. Во втором катрене повторены такие мотивы начального четверостишия, как свет и тени, но теперь *свет и тени* становятся характеристиками переживаний лирического я; в концовке третьего четверостишия словно отражаются первые строки начального катрена. Принцип отражения как будто бы подчиняет себе и внутренний мир я, и структуру текста.

Прослеживается на примере анализируемого стихотворения его импрессионистическая, ассоциативная («музыкальная») установка. Демонстрируется, как автор оригинально реинтерпретирует традиционные для романтической поэзии мотивы, создавая семантически многомерный текст с небанальной поэтикой.

Ранчин Андрей Михайлович — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: aranchin@mail.ru).

Ключевые слова: А.А. Фет; поэтика; звукопись; пейзаж; оппозиции; метафоры; романтизм.

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистой, сердце опять суеверней,
Длинные тени вдали потонули в ложбине.

В этой ночи, как в желаниях, все беспредельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы так же бесцельно,
Свет унося, покидая неверные тени.

Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Травы степные сверкают росой вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне. [Фет, 2014: 43]

Стихотворение Фета, по-видимому написанное в начале апреля 1863 г. и впервые опубликованное в том же году под названием «Мелодия», позднее, без заглавия и в новой редакции, текст которой приведен выше, было включено автором в раздел «Мелодии» первого выпуска сборника «Вечерние огни» (1883)¹. В плане задуманного, но не изданного при жизни поэта собрания стихотворений это произведение также включено в раздел под тем же названием².

Первоначальное заглавие и включение стихотворения в раздел «Мелодии» указывают на превалирование в нем «музыкальных» — импрессионистических, ассоциативных — связей между образами и лексемами над логическим развертыванием темы, а также, конечно, на мелодическую установку текста. В.П. Буренин в рецензии на первый выпуск «Вечерних огней» заметил: «Это действительно мелодия, это поэтическая музыка, в которой удивительно воспроизведено таинственное впечатление ночи на человеческую душу, таинственное и неодолимое стремление ее в бесконечное» (цит. по [Фет, 2014: 370]).

В первой строке фетовского стихотворения семантически как будто бы не вполне ясен эпитет *зеркальный*: подразумевается ли полупрозрачность месяца, источающего отраженный солнечный свет, или же речь идет не о самом ночном светиле, а о его отражении на водной глади? Эпитет этот акцентирован, ритмически выделен благодаря инверсии, постпозиции по отношению к определяемому слову *месяц*: второе ударение пятииктного дактиля, приходящееся на лексему *зеркальный*, сильнее, чем первое, падающее на слово

¹ О вероятной датировке, публикациях и авторской правке текста см. в комментарии в изд.: [Фет, 2014]. В издании, по которому цитируется стихотворение, внесено одно пунктуационное исправление.

² См. состав цикла в изд.: [Фет, 1959].

месяц³. Предикат *плывет* обычно характеризует у Фета саму луну, а не ее отражение, а также относится к другим наблюдаемым в небе предметам — облакам/тучам: «Плывет луна по высоте», «Луна плывет, река дрожит» («Серенада», опубл. 1840); «И весь этот город воздушный / Тихонько на север плывет...» («Воздушный город», опубл. 1846); «И вышних гор сырая мгла / Навстречу нам плывет» («На озере», опубл. 1859) [Фет 1959: 378, 428, 623]. Однако в стихотворении «Забудь меня, безумец иступленный...» (1855) луна плывет и в небе («высоко»), и на земле, по воде: «Так над водой младенец, восхищенный / Луной, подьмлет крик; / Он бросился — и с влаги возмущенной / Исчез серебристый лик. // Дитя, отри заплаканное око, / Не доверяй мечтам. / Луна плывет и светится высоко, / Она не здесь, а там» [Фет, 1959: 188], причем неспособность (ребенка) различить светило и его отражение тематизируется. В анализируемом стихотворении метафора *лазурная пустыня* скорее может быть понята как обозначение неба в его безграничности, чем как именование водного стекла. Лазурный цвет у Фета присущ именно небу, причем ночному: «лик небес, усеянный звездами, / Так безмятежно, так лазурно чист» («Когда опять по камням заиграет...», 1848); «Широко раскидалась лазурная высь, / И огни золотые горят» («Благовонная ночь, благодатная ночь...», 1887); «Третья с нами лазурная ночь» («От огней, от толпы беспощадной...», 1889); «Лишь ты одно скользишь стезей лазурной» (о луне — «Растут, растут причудливые тени...», опубл. 1853); «Ночь лазурная смотрит на скошенный луг» (1892) [Фет, 1959: 458, 215, 216, 257, 331]. В таком случае метафорический эпитет *зеркальный* в анализируемом стихотворении уподобляет месяц зеркалу, загорающемуся отраженным светом. Зеркало, отражающее огонь свечи, — атрибут, используемый при гаданиях, и именно в этом качестве оно описано Фетом в более раннем стихотворении, впервые напечатанном в 1842 г.:

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет — и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала. [Фет, 1959: 163]

В стихотворении «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...» ассоциации светила с зеркалом придают изображаемой картине таинственный, полумистический оттенок — в небесах словно творится некий ритуал.

³ У этой постпозиции есть и особая мелодическая функция, указанная Б.М. Эйхенбаумом: «Инверсивная постановка определяемого перед определением (месяц зеркальный, травы степные) диктуется стремлением к монотонии: подлежащее, на которое падает главный интонационный акцент, как бы дает тон для каждой фразы» [Эйхенбаум, 1969: 459].

Особенная роль эпитета *зеркальный* также выделена благодаря тому, что именно он вбирает в себя основные звуки, образующие мелодические аллитерационные ряды сонорных согласных всего катрена (а отчасти и всего текста):

Месяц *зеркальный* плывет по *лазурной* пустыне,
Травы степные *унизаны* влагой *вечерней*,
Речи *отрывистой*, сердце опять *суеверней*,
Длинные тени *вдали* *потонули* в ложбине⁴.

Если в первом стихе первого катрена описано небо, то во втором — земля, причем верхний и нижний миры словно изоморфны: в небе — зеркальный, полупрозрачный, блестящий, подобно воде, месяц; на земле — травы, унизанные каплями воды (росы) — каплями, очевидно, блестящими, отражающими лунный свет, иначе они не были бы заметны наблюдателю, лирическому я. Сходство двух уровней бытия подчеркнуто благодаря синтаксической изоморфности начала стихов: *Месяц зеркальный* — *Травы степные* (в обоих случаях грамматический субъект начинает стих, за ним следует атрибут). Традиционная оппозиция небо ↔ земля как бы снята, но активная роль принадлежит небу: с него свет падает, изливается на землю.

Вторая строка не прямо, а ассоциативно, с помощью подтекста вводит мотив слез, плача как выражения томления или даже экстатического состояния и природы, и лирического я. Ср. в другом стихотворении Фета метафору «травы в рыдании» («В лунном сиянии», 1885) [Фет, 1959: 195] как обозначение росы.

В третьей строке первой строфы пейзажная зарисовка сменяется характеристикой внутреннего состояния лирического я и, видимо, его спутницы (о которой сказано в следующей строфе — «друг мой»), причем это эмоциональное состояние неопределенно: «сердце опять *суеверней*» — что значит «*суеверней*», по отношению к какому времени «опять»? (Как можно понять, таким образом указывается на уже бывшие прежде прикосновения к идеальному, на предшествующие встречи с красотой.) Лексема *суеверней* ассоциативно поддерживает соотнесенность *зеркального* *месяца* с гаданием перед зеркалом.

Последняя строка первого катрена — «Длинные тени вдали потонули в ложбине — намечает прежде как будто снятую оппозицию небо ↔ земля. *Тени* (темное) принадлежат нижнему миру, причем они прячутся, тонут во впадинах земли, в обители темноты, скрываются от чарующего ночного света. Строка эта для Фета была важной: он

⁴ Запись текста в фонетической транскрипции была бы более точной, но в данном случае эта точность необязательна.

перебрал несколько вариантов: «Шаткие тени бегут укрываться в ложбине». «Быстрые тени бегут укрываться в ложбине», «Быстрые тени вдали улеглись в ложбине», «Быстрые тени вдали утонули в ложбине», «Тонкие тени бегут укрываться в ложбине», «Быстрые тени бегут укрываться в ложбине» [Фет, 2014: 369]. При этом в итоге он отказался от предикатов со значением активного действия *улеглись*, *бегут* и отказался также от наделения теней свойством быстроты: в окончательной редакции они в отличие от подразумеваемого, но не названного здесь света скорее пассивны.

Вторая строфа почти целиком, кроме части первого стиха, посвящена миру чувств лирического *я*, при этом в ней устанавливается соответствие между внешним и внутренним: простору *беспредельного* мира вокруг (ср. ранее: беспредельное небо — *лазурная пустыня*, степь — *травы степные*) соответствует беспредельность *желаний*. Предметный, не названный, но подразумеваемый в первом катрене *свет* и тоже предметные (показательно упоминание об их протяженности — *длинные*) *тени* здесь как бы превращаются в метафоры: «Свет унося, оставляя неверные тени». «Как бы» — потому что ни *свет*, ни *тени* не могут быть поняты лишь в качестве тропов. Характер своеобразной развернутой метафоры с неопределенной семантикой приобретает вся картина воображаемого полета. Во втором катрене происходит интериоризация внешнего мира: картина лунного вечера или ночи превращается в пейзаж души.

Во второй строке катрена содержится излюбленная фетовская метафора *крылья*, емко и точно истолкованная Б.Я. Бухштабом: «Резкое отделение будничной, обыденной жизни от мира вдохновения, искусства и красоты — один из главных источников метафор Фета. Поэтический восторг, созерцание природы, наслаждение искусством, экстаз любви поднимают над “миром скуки и труда”. Отсюда темы подъема и полета. Душа, мысль, сердце, дух, мечты, звуки, сны поднимаются, летят, мчатся, парят, реют, уносят... “Одной волной подняться в жизнь иную”, “Уносишься в волшебную безбрежность”, “Но сердца бедного кончается полет Одной бессильною истомой”, “А душа моя так же пред самым закатом Прилетела б со стоном сюда, как пчела”. Сближение с пчелой в другом стихотворении превращается в метафору, развернутую на все стихотворение (“Роями поднялись крылатые мечты...”). Так же в целые стихотворения развертывается метафорический полет на ковче-самолете (“Люби меня! Как только твой покорный...”), полет ракеты (“Ракета”). Но наиболее частый образ, связанный с этой темой, это образ птицы, и особенно крыла, крыльев:

Пока душа кипит в горниле тела,
Она летит, куда несет крыло.

(*“Всё, всё мое, что есть и прежде было...”*)

И верю сердцем, что растут
И тотчас в небо унесут
Меня раскинутые крылья.

(*“Я потрясен, когда кругом...”*)

Крылья растут у каких-то воздушных стремлений

(*“Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...”*)

Без усилий,
С плеском крылий
Залетать
В мир стремлений,
Преклонений
И молитв.

(*“Quasi una fantasia”*)

и т.п. Ср. также эпитеты “крылатая песня”, “крылатый слова звук”, “крылатый сон”, “крылатый час”, “окрыленный восторгом”, “мой дух окрылился” и т.п.» [Бухштаб, 1959: 70].

Лирическое *я* в стихотворении «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...» желает устремиться вместе с возлюбленной вверх, ввысь и куда-то далеко, «свет унося» как частицу небесного и «оставляя неверные тени» как знак мира земного, обыденного, нижнего. Так формируется оппозиция романтического рода.

Аналог такому неясному стремлению, полету души — воображаемый полет, вызванный воздействием музыки, пения в стихотворении «Певице» (опубл. 1857):

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рошей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря, —
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И всё выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом. [Фет, 1959: 182]

Оппозиция идеал ↔ земная обыденность развита в стихотворении «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...» в двух начальных строках последнего катрена, где «тяжелая кручина» и «язвительные тернии» противопоставлены миру красоты и фантазии и чарующему воздействию природы.

Первая и третья строфы, образующие композиционное кольцо, отчетливо противопоставлены второй, срединной. Б.М. Эйхенбаум тонко подметил: «Получается очень характерное для Фета мелодическое кольцо. Интересно еще, что в словесном отношении начало и конец совпадают не вполне — внесены изменения (унизаны влагой — сверкают росой, плывет — бежит), которые, по-видимому, подсказаны общим усилением эмфазы в предыдущих строках. Этим нарушается логический эффект кольца, смысл которого — именно в полном тождестве (как у Пушкина), но подчеркивается его музыкальное значение» [Эйхенбаум, 1922/1969: 461]. Однако эта вариация, действительно напоминающая вариации музыкального лейтмотива, может быть не только объяснена в духе раннего ОПОЯЗа установкой на чисто музыкальный («формальный») эффект, но и акцентированием перемены, преобразования пейзажа, совершающихся благодаря пробуждению вдохновения и воображения лирического я: в природе, как отзвук его душевного движения, возрастает динамика и энергия: месяц уже не *плывет*, а *бежит*, травы уже не просто *унизаны влагой* (конструкция с пассивной семантикой), а *сверкают*. В предпоследней строке стихотворения в сравнении со вторым стихом усилена аллитерация на *с*, звуковые повторы отсылают к мотиву света: «Травы степные сверкают росой вечерней».

Эхо, отражение начальной строфы в последней — это не только неполный повтор (повтор с вариацией) первых двух строк открывающего текст катрена «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне, / Травы степные унизаны влагой вечерней» в двух последних стихах третьей строфы: «Травы степные сверкают росой вечерней, / Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне», но и сквозные, переходящие из начального катрена в заключительный рифмы: *пустыне — ложбине — кручине — пустыне и вечерней — суверней — терний — вечерней*, причем две рифмы являются тавтологическими и также образуют еще два кольца, уже фонетико-семантических. В срединной строфе регулярных рифменных созвучий с первым и третьим четверостишиями нет (рифма *тени — терний* выглядит

случайной), а сам принцип рифмовки иной: не опоясывающий, а перекрестный.

Первый и третий катрены соотнесены также тематически: и в начальной, и в заключительной строках тема природы сочетается с темой внутреннего состояния человека (в первом катрене при этом тема природы доминирует, она выражена в трех строках из четырех), в то время как во втором четверостишии, противопоставленном первому и третьему, выражена тема внутреннего состояния человека.

Вместе с тем центральный катрен противопоставлен первому и третьему в организации пространства и в трактовке такого мотива, как свет: в начальном и конечном четверостишиях свет сходит сверху вниз, в центральном лирическое *я* жаждет унести его с собой — очевидно, в небо, вверх от земли. Внутренний свет этого *я* — одновременно и отблеск природной красоты, и родственное ей прекрасное в душе — вдохновенное, творческое чувство и любовная эмоция.

Одновременно вторая и третья строфы соотносятся с первой как ее своеобразные отражения. Мотив отражения (зеркала), намек на который дан в эпитете месяца *зеркальный*, определяет композицию текста. Во втором катрене повторены такие мотивы начального четверостишия, как свет и тени, но теперь *свет* и *тени* становятся характеристиками переживаний лирического *я*; в концовке третьего четверостишия словно отражаются первые строки начального катрена. Принцип отражения как будто бы подчиняет себе и внутренний мир *я*, и структуру текста.

И поэтический словарь, и система мотивов лирики Фета, как известно, вторичны по отношению к русской поэзии Золотого века, прежде всего к лирике В.А. Жуковского⁵. Тем не менее это обстоятельство не делает фетовское творчество эпигонским. Стихотворение «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...» отчетливо показывает механизмы реодоления этой «вторичности». В первую очередь его автор варьирует мотивы, характерные для так называемой романтической поэзии, в том числе для произведений Жуковского. Оппозиция небо ↔ земля (ср. хрестоматийные примеры у Жуковского: «Невыразимое», «Лалла Рук», «Море») у Фета не является абсолютной: зачарованность, красота одинаково присущи и лунному небу, и степи; стремление к миру идеальному в отличие от его романтических интерпретаций и не превращается в бегство от реальности, и не трактуется однозначно как желанное, но невоз-

⁵Ср. многочисленные примеры переключек в поэзии Фета с лирикой Жуковского в моей книге: [Ранчин, 2010: 33–80 и др.].

можное. Поэтические декларации, сентенции заменяются суггестией слов⁶ (*зеркальный* как указание на волшебство и магию ночи), «полуметафоры», такие как *свет* и *тени*, сохраняя тропеическую семантику, не концептуализированы, являясь в первую очередь знаками мимолетных впечатлений. Ключевую роль приобретает тончайшее нюансирование в лексике (замены *плывет* — *бежит*, *унизаны* — *сверкают*). Доминантой текста оказывается не идея, а настроение⁷. Структура текста подчинена не идее, а эмоции. Одно из наиболее значимых слов в этом стихотворении — *бесцельно*. Бесцельна красота мира и природы (игра света и теней), бесцельны мечтания, фантазии лирического я.

Так происходит преодоление поэтики, давно ставшей банальной.

Еще в молодости Фет как бы провозгласил, словно предвосхищая Верлена, один из принципов своей поэзии: «О, если б без слова / Сказаться душой было можно!» («Как мошки зарею...», 1844) [Фет, 1959: 177]. Одна из особенностей фетовской поэтики — установка на музыкальность в самом широком понимании, проявляющаяся как в звукописи и мелодике стиха, как и в варьировании образов и мотивов на основе ассоциаций. Но эта установка приводит не к ослаблению семантики, а к возрастанию многомерности, многозначности текста. Стихотворение «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...» — один из примеров такой поэтики.

Список литературы

1. *Бухштаб Б.Я.* А.А. Фет // Фет А.А. Полное собрание стихотворений / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б.Я. Бухштаба. Л., 1959. С. 5–78.
2. *Гуковский Г.А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965.
3. *Ранчин А.М.* Путеводитель по поэзии А.А. Фета. М., 2010.
4. *Фет А.А.* Полн. собр. стихотворений / Вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б.Я. Бухштаба. Л., 1959.
5. *Фет А.А.* Сочинения и письма: В 20 т. Т. 5. Кн. 1: Вечерние огни. Выпуск первый (1883). Выпуск второй (1885). Выпуск третий (1888) / Тексты и комментарии подготовили: Н.П. Генералова, В.А. Кошелев, В.А. Лукина, Г.В. Петрова. М.; СПб., 2014.
6. *Эйхенбаум Б.М.* Мелодика русского лирического стиха [1922] // Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л., 1969. С. 327–511.

⁶ Принцип суггестии, как прекрасно показал Г.А. Гуковский, был найден как раз Жуковским; см.: [Гуковский, 1965: 50–65]. Однако у автора «Вечера» и «Невыразимого» он представлен в сравнении с лирикой Фета еще довольно ограниченно и ассоциативные обертона слов не служат средством организации всего текста.

⁷ У Фета, конечно же, есть немало стихотворений, содержащих различного рода сентенции или даже являющихся поэтическими манифестами. Но не они определяют своеобразие его поэзии.

Andrey Ranchin

**A CASE STUDY INTO AFANASY FET'S POEM
'MIRROR MOON IS FLOATING IN AZURE DESERT..'**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119999*

The article explores the famous poem by Afanasy Fet “Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне” (Mirror moon is floating in azure desert...). Special emphasis is laid upon the composition features in their correlation with the motives, composition of space, opposition of romantic origin, shaping the semantics of the text, functions of tropes, including the metaphorical epithet *mirror*, verbal repetitions with variations, alliteration, and rhymes. Focus is on a complex relationship between the first quatrain and two subsequent quatrains. The first verse of the quatrain describes the sky, while the second describes the earth, and therefore the upper and lower worlds seem to be isomorphic: in the sky — a mirror, translucent, shiny like water, moon; on the ground — grass, humbled by drops of water (dew) — drops, obviously shiny, reflecting the moonlight, otherwise they would not have been visible to the observer, the lyrical self. The second stanza is almost entirely, except for part of the first verse, is devoted to the world of feelings of the lyrical self, but it establishes a correspondence between external and internal. The first and third stanzas forming a compositional ring are clearly opposed to the second, middle. The second and third stanzas correlate with the first as its reflections. The motive of reflection (mirror), a hint of which is given in the epithet of the moon as a mirror, determines the composition of the text. In the second quatrain, such motives of the initial quatrain are repeated, such as light and shadows, but now light and shadows become characteristics of the experiences of the lyrical self; at the end of the third quatrain the first lines of the initial quatrain are reflected as if. The principle of reflection seems to subjugate both the inner world of the lyrical self and the structure of the text. It is traced on the example of the analyzed poem of his impressionistic, associative («musical») installation. It is shown how the author originally reinterprets the motifs traditional for romantic poetry, creating a semantically multidimensional text with unbanal poetics.

Key words: Afanasy Fet; poetics; alliteration; rhymes; landscape; oppositions; metaphors; romanticism.

About the author: *Andrey Ranchin* — Prof. Dr., Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: aranchin@mail.ru).

References

1. Buhshtab B.Ja. A.A. Fet [A.A. Fet]. Fet A.A. Polnoe sobranie stihotvorenij. Vstupit. st., podgot. teksta i primech. B. Ja. Buhshtaba. Leningrad, *Sovietskij pisatel' Publ.*, 1959, pp. 5–78. (In Russ.)

2. Gukovskij G.A. Pushkin i russkie romantiki [Pushkin and Russian romanticists]. Moscow, *Hudozhestvennaja literatura Publ.*, 1965, 356 pp. (In Russ.)
3. Ranchin A.M. Putevoditel' po poezii A.A. Feta [A Guide to the poetry of A.A. Fet]. Moscow, *Lomonosov Moscow State University Publ.*, 2010, 240 pp. (In Russ.)
4. Fet A.A. Polnoe sobranie stihotvorenij. Vstupit. st., podgot. teksta i primech. B.Ja. Buhshtaba [Complete collection of poems. Ed. by B. Ja. Buhshtab]. Leningrad, *Sovietskij pisatel' Publ.*, 1959, 899 pp. (In Russ.)
5. Fet A.A. Sochinenija i pis'ma: V 20 t. T. 5. Kn. 1: Vechernie ogni. Vypusk pervyj (1883). Vypusk vtoroj (1885). Vypusk tretij (1888). Teksty i kommentarii podgotovili: N.P. Generalova, V.A. Koshelev, V.A. Lukina, G.V. Petrova [Works and letters: In 20 vols. Vol. 5. Book 1: Evening lights. First issue (1883). Second issue (1885). Third issue (1888). Eds. N.P. Generalova, V.A. Koshelev, V.A. Lukina, G.V. Petrova]. Moscow; Sanct-Petersburg, *Al'jans-Arheo Publ.*, 2014, 696 pp. (In Russ.)
6. Ejhenbaum B.M. Melodika russkogo liricheskogo stiha [The *Melodics* of the Russian Lyric *Verse*]. Ejhenbaum B.M. O poezii. Leningrad, *Sovietskij pisatel' Publ.*, 1969, pp. 327–511. (In Russ.)

А.С. Косинская

ОБРАЗЫ ДОБРА И ЗЛА В ПОВЕСТИ К.С. ЛЬЮИСА “THE GREAT DIVORCE”

*Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Россия, 236016, г. Калининград, ул. А. Невского, д.14*

Опубликованное в 1945 г. второе прозаическое произведение К.С. Льюиса “The Great Divorce” посвящено полемике с известным английским поэтом-романтиком XIX в. У. Блейком. Льюис не согласился с идеей Блейка о том, что Рай и Ад, как и добро и зло, «состоят в браке», «мирно уживаясь» и взаимодополняя друг друга. Если Блейк описал в своей поэме “The Marriage of Heaven and Hell” бракосочетание Рая и Ада, то Льюис посвятил свой текст “The Great Divorce” закономерному, по его мнению, расторжению этого брака. В статье исследуется художественное воплощение базовых этических категорий добра и зла в эсхатологическом видении «Расторжение брака». Основные темы, художественные образы и мотивы, антропологические по своей сути центральные темы (категории любви, свободы и радости) анализируются с точки зрения этой бинарной оппозиции. Анализ позволяет сделать вывод, что концепт «любовь» в системе аксиологических ориентиров автора не всегда относится к категории добра, но появляется и в контексте художественных образов зла. В то же время понятие «радость» в тексте Льюиса является синонимом добра, блага, а категория свободы рассматривается в контексте вечности и бессмертия души.

Ключевые слова: К.С. Льюис; эсхатологическое видение; бинарная оппозиция; добро; зло; образ повествователя; Данте.

1. Бинарная оппозиция «добро и зло» в эсхатологическом видении “The Great Divorce”

Название текста — “The Great Divorce” является аллюзией на поэму У. Блейка “The Marriage of Heaven and Hell”. Льюис полемизирует с Блейком, считавшим, что Божественный разум и страсти так же, как добро и зло являются неотъемлемыми частями единого целого и потому нуждаются друг в друге для поддержания жизни и гармонии во Вселенной. «Blake wrote “The Marriage of Heaven and Hell” ... I have written of their Divorce...» [Lewis, 2009: 3].

Косинская Александра Сергеевна — аспирант кафедры литературы народов стран зарубежья (западноевропейская и американская), Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград (e-mail: aleksandra-hromo@mail.ru).

На протяжении всей повести Льюис целенаправленно разводит этические категории добра и зла. Абсолютная невозможность их примирения — одна из основных идей текста.

“Evil can be undone, but it cannot ‘develop’ into good. Time does not heal it. If we insist on keeping Hell (or even earth) we shall not see Heaven: if we accept Heaven we shall not be able to retain even the smallest and most intimate souvenirs of Hell” [Lewis, 2009: 5].

Бинарная оппозиция «добро — зло», подразумевающая свободный выбор каждого из героев, лежит в основе сюжетного повествования. Все герои Льюиса сталкиваются с необходимостью разграничения добра и зла, стоят перед выбором между ними. При этом зло у Льюиса — призрачно, добро — реально. Оба начала являются онтологическими. Ни добро, ни зло не является продуктом человеческого мышления, но, как заметил Льюис, эта бинарная оппозиция является «ключом к пониманию Вселенной» [Льюис, 2018: 116]. Зло связано с образом ада, добро — рая.

“Then those people are right who say that Heaven and Hell are only states of mind?” <...> “Do not blaspheme. *Hell is a state of mind* — ye never said a truer word. And every state of mind, left to itself, every shutting up of the creature within the dungeon of its own mind — is, in the end, Hell. But *Heaven is not a state of mind. Heaven is reality itself. All that is fully real is Heavenly*” [Lewis, 2009: 49] — отвечает ему проводник, Джордж Макдональд [Льюис, 2010: 65] (курсив мой. — А.К.).

Т.Р. Уотсон полагает, что концепция Рая как Высшей реальности и ада как реальности, извращенной грехом, искаженно-призрачной, Льюис заимствует из “*De Civitate Dei*” Блаженного Августина: «С точки зрения Льюиса и его предшественников — последователей Блаженного Августина, только тот, кто пребывает в общении с Богом, может насладиться истинным бытием, так как Бог есть альфа и омега, источник всего, что есть и имеет бытие ... Град Божий противостоит во времени городу Сатаны / Человека, который не вполне реален, но является лишь пародией на Град Божий» [Watson, 1994: 165].

Исходя из этого, отдельные антропологические категории в контексте эсхатологического видения могут как выполнять свое изначальное божественное предназначение и быть использованы во благо человека, так и быть искажены и использоваться против человека.

2. Категория любви в контексте бинарной оппозиции «добро и зло»

“And if it (*love- A.S. Kosinskaya*) finally refuses conversion, its corruption will be worse than the corruption of what ye call the lower passions. It is a stronger angel, and therefore, when it falls, a fiercer devil»

[Lewis, 2009: 72–73] — рассуждает Джордж Макдональд. В ответ повествователь предполагает, как мысль наставника могла бы быть воспринята на Земле. ‘I don’t know that I dare repeat this on Earth, Sir,’ said I. ‘They’d say I was inhuman: they’d say I believed in total depravity: they’d say I was attacking the best and the holiest things» [Lewis, 2009: 73]. Этим главный герой (он же — повествователь) вводит в текст не столько свою, сколько третью точку зрения — точку зрения своих современников, людей своего культурного круга. Согласно этому взгляду, христианские рассуждения Макдональда о любви негуманны, так как романтическая любовь и любовь родительская a priori святы. Уже не с точкой зрения главного героя, но с характерной для его современников точкой зрения полемизирует проводник: “But someone must say in general what’s been unsaid among you this many a year: that love, as mortals understand the word, isn’t enough. Every natural love will rise again and live forever in this country: but none will rise again until it has been buried” [Lewis, 2009: 73]. Предложенный Джорджем Макдональдом антропологический сценарий трудно назвать оптимистичным с точки зрения читателя XX и, пожалуй, XXI вв. Очевидно, мысль о любви наставника главного героя призвана описать эту антропологическую категорию *sub specie aeternitatis*, так как рассуждающий о любви Макдональд находится не только за гранью земного бытия, но и в Раю, который в контексте повести Льюиса «реальнее реального». Исходя из этого следует полагать, что именно проводник в преддверии рая и наставник главного героя является здесь носителем истинной, божественной точки зрения, которая восходит к пасхальному архетипу. Именно пасхальный архетип играет решающую роль в антропологическом сценарии Льюиса [Косинская, 2019: 27].

В первой монографии “The Allegory of Love” («Аллегория Любви»), опубликованной в 1936 г. и посвященной исследованию средневековой концепции куртуазной любви и аллегорической традиции в литературе Средневековья, Льюис рассматривает историческое развитие концепции романтической любви. Согласно Льюису, наши представления о возвышенности романтической любви берут начало в Провансе XI в., где она впервые начинает воспеваться. Льюис перечисляет характеристики нового чувства, появившегося в средневековой литературе: Humility, Courtesy, Adultery, and the Religion of Love (смирение, вежество, (супружеская) измена и культ Любви).

“It seems — or it seemed to us till lately — a natural thing that love (under certain conditions) should be regarded as a noble and ennobling passion: it is only if we imagine ourselves trying to explain this doctrine to Aristotle, Virgil, St. Paul, or the author of Beowulf, that we become aware how far from natural it is” [Lewis, 2013: 5].

Главный герой эсхатологического видения вспоминает мысль Китса о том, что возвышенные чувства священны. Можно предположить, что Китс был предпочтен любимым Льюисом средневековым авторам в связи с (относительной) близостью во времени к современникам автора и безусловной популярностью как поэзии Китса, так и рассматриваемой точки зрения в Англии середины XX в. «Значит, Китс был неправ, когда писал, что чувства священны?» — «Вряд ли он сам понимал, что это значит. Но нам с тобой надо говорить ясно. *Есть только одно благо — Бог. Всё остальное — благо, когда смотришь на Него, и зло, когда от Него отвернешься.* Чем выше и сильнее что-то в естественной иерархии, тем будет страшнее оно в мятеже. Бесы — не падшие блохи, но падшие ангелы» [Льюис, 2010: 96] (курсив мой. — А.К.).

Земная любовь, подчиненная любви к Богу, с точки зрения текста Льюиса, — благо; земная любовь, находящаяся в оппозиции Богу, — зло, лишаящее свободы любимого и запирающее в аду душу любящего человека. Иными словами, романтическая любовь в контексте эсхатологического видения Льюиса является условным благом. К этической категории добра она относится лишь тогда, когда занимает правильное место в христианской иерархии ценностей.

Участь тех героев эсхатологического видения Льюиса, для которых любовь стала единственным смыслом существования, является иллюстрацией иерархической (христианской) идеи автора. Призрачная дама без имени, приехавшая на экскурсию в преддверие рая, рассказывает духу встретившей ее женщины по имени Хильда о своем умершем муже Роберте. Здесь, во-первых, следует обратить внимание на то, что призраки в видении Льюиса, как правило, не имеют имен. Отсутствие имени у персонажа, на наш взгляд, является аллегорией потери лица. Лицо, в свою очередь, является символом неповторимой личности, созданной по образу Бога. Во-вторых, жена Роберта удивлена и даже негодует по поводу того, что ее покойный муж оказался в раю. “Now he comes to be here? ... But that is your affair” [Lewis, 2009: 56]. При этом она убеждена и в том, что она христианка, и в том, что любит мужа. Она готова даже простить его «как христианка», конечно, но всё же «не в состоянии забыть», встретить в преддверии рая она его не желает, по крайней мере, говорит так в начале своего монолога. Однако, поразмыслив вслух над собственными воспоминаниями о жизни с Робертом, дама меняет свое решение. (Непоследовательность суждений героини передают авторскую иронию, граничащую с сарказмом.) Теперь дама готова сделать «им, в раю» предложение: “I’ll make them a fair offer, Hilda. I will not meet him, if it means just meeting him and no more. But if I’m given a free hand I’ll take charge of him again. I will take up my burden

once more. <...> With all the time one would have here, I believe I could still make something of him” [Lewis, 2009: 66].

Эта героиня олицетворяет форму любви, которая стремится переделать личность другого согласно собственному антропологическому идеалу. При этом дама не желает встретиться с объектом своей любви лицом к лицу и вступать с ним в диалог: “Don’t consult him: just give him to me. I’m his wife, aren’t I?” [Lewis, 2009: 66].

Для описания личности мужа и отношений между супругами дама использует слова: “my burden”, “the ingratitude”, “he hadn’t a spark of ambition”, “it was like trying to lift a sack of coal”, “he laziness of men”, “to sulk”, “he seemed to have forgotten that I was a lady”, “he’d just slink off by himself”, “it was perfect misery”, “he was a maddening man, simply maddening”, “sheer wicked, senseless hatred”, “Robert was simply a wet blanket”, “set himself to get old and silent and grumpy”, “Just sank into himself”. Казалось бы, зачем требовать неблагодарную душу Роберта обратно, зачем снова «нести это бремя»? Призрачная дама убеждена, что только ей известно, что полезно любимому человеку, как именно его нужно переделать, и в этом переделывании любимого вопреки его воле видит смысл своего существования. Таковы условия ее персонального рая. Они оказываются несовместимы с понятием о рае других личностей, и потому призрачная дама исчезает бесследно. “The Ghost which had towered up like a dying candle-flame snapped suddenly. A sour, dry smell lingered in the air for a moment and then there was no Ghost to be seen” [Lewis, 2009: 66].

Любовь, сопряженная с властью над человеком, рассматривается повествователем как отрицательная антропологическая категория. Известный биограф и исследователь творчества Льюиса У. Гриффин подробно описывает атмосферу чтений еще незаконченного текста “The Great Divorce” во время одного из собраний инклингов в доме Льюисов. В гостях были Д.Р.Р. Толкин, Х. Дайсон, Д. Сэйл, Ч. Уильямс. Брат Льюиса Уоррен Льюис подавал гостям напитки, Клайв Льюис (или Джек, как его называли друзья и родственники) читал новый текст. Джек дошел до диалога призрачной дамы (жены Роберта) и Хильды. «Каждый (из присутствующих инклингов) втайне надеялся, что Льюис характеризует не его жену, хоть каждый из них и добавил хоть каплю из собственной семейной драмы в монолог жены Роберта» [Griffin, 2007: 117]. Все присутствовавшие, кроме Льюиса и Уоррена, были женаты. Однако благодаря немалым усилиям Миссис Мур (матери пропавшего без вести во время I Мировой войны Пэдди Мура, сослуживца и друга Льюиса), проживавшей в одном доме с братьями Льюисами, автор «Расторжения Брака» мог довольно точно представить себе и описать муки ученого и писателя, у жены которого была «легкая голова и тяжелая рука» [Griffin, 2007: 117].

Когда Джек дошел до момента, где призрачная дама требует «отдать» ей Роберта, Х. Дайсон встал, чтобы просить автора не отдавать беднягу Роберта этой «карге», общества которой он столь удачно избежал своей безвременной кончиной... Д. Толкин, смеясь, предложил заменить написание названия текста с “Who goes Home?” (изначальное название текста Льюиса) на созвучное “Hugo’s Home!”, намекая тем самым на семейную ситуацию посочувствовавшего инклинга. У. Гриффин также отмечает, что фраза “Who goes Home?” традиционно звучит в английском Парламенте в конце рабочего дня. Это и обыгрывается в одноимённом стихотворении Честертона (одного из любимейших поэтов Льюиса). На наш взгляд, название стихотворения стало основой для первого названия, впоследствии измененного по просьбе редактора.

3. Категория свободы в контексте бинарной оппозиции «добро и зло»

Тема свободной личности и свободы как таковой — одна из центральных тем как в видении, так и в романе “Till We Have Faces”, на эту же тему Льюис рассуждает и в книге «Просто Христианство». Ч. Уолш, рассуждая о проблеме выбора в “The Great Divorce”, отмечает, что призраки, пребывающие в сером городе, могут свободно отправляться на экскурсии в преддверие рая сколько угодно раз. Более того, они всегда могут остаться в преддверии рая, т.е. не возвращаться в серый город. Возвращение в ад так же, как и жизнь в раю — это свободный выбор души. («Но чем дольше человек живет в сером городе, тем менее он становится способным психологически, духовно и даже физически, сделать *освобождающий* его душу выбор остаться на Небесах» [Walsh, 2007: 71] (курсив мой. — А.К.).

В видении подробные рассуждения проводника и учителя главного героя посвящены феномену свободы. “That thing is Freedom: the gift whereby ye most resemble your Maker and are yourselves parts of eternal reality. But ye can see it only through the lens of Time, in a little clear picture, through the inverted telescope” [Lewis, 2009: 92]. Таким образом, становится очевидным, что категория свободы является благом. Именно свобода сближает человеческую и Божественную природу и в некотором смысле уподобляет их друг другу. Свобода выбора, по мнению автора, — это дар, которым Творец наделил человека. Повествователя интересует феномен свободы в трех контекстах: времени, доктрины предопределения и Универсализма. Такой интерес, на наш взгляд, обусловлен особым вниманием автора к проблеме спасения души — центральной проблеме эсхатологического видения, обусловившей в том числе и многочисленные проявления рассматриваемой нами бинарной оппозиции «добро и зло».

Рассмотрим рассуждения Льюиса о проблеме свободы в контексте времени. Время Джордж Макдональд уподобляет линзам, через которые земной человек смотрит на мир. “Time is the very lens through which ye see — small and clear as men see through the wrong end of a telescope — something that would otherwise be too big for ye to see at all” [Lewis, 2009: 98]. «Ты смотришь сквозь маленькие и ясные стекла времени» [Льюис, 2010: 123]. Свобода — это Божественная категория, принадлежащая к Вечности, и «линзы земного времени» не дают возможности обзора того, что удобно созерцать *sub specie aeternitatis*. Таким образом, категория свободы для Льюиса не сводится к совокупности конкретных моментов, когда человек должен сделать выбор. «Но смена этих временных кусочков, призрак того, что могло бы быть, еще не свобода, это всё стекла, линзы» [Льюис, 2010: 123]. Категория свободы в эсхатологическом видении не мыслится вне вечности. Более того, восприятие этой антропологической категории повествователем и его проводником теоцентрично.

Рассмотрим еще один образ времени, связанный с категорией свободы. Новому образу времени соответствует новое видение — последнее в тексте.

“I saw a great assembly of gigantic forms all motionless, all in deepest silence, standing forever about a little silver table and looking upon it. And on the table there were little figures like chessmen who went to and fro doing this and that. And I knew that each chessman was the idolum or puppet representative of some one of the great presences that stood by. And the acts and motions of each chessman were a moving portrait, a mimicry or pantomime, which delineated the inmost nature of his giant master” [Lewis, 2009: 96].

Здесь же автор предлагает трактовку аллегории. «Стол был временем. Огромные люди, глядящие на всё это, — бессмертными душами» [Льюис, 2010: 126]. В связи с этим видением у повествователя возникает вопрос о связи времени, свободы и предопределения. В последнем видении время представлено в образе серебряного шахматного стола, на котором стоят фигуры мужчин и женщин, олицетворяющие игроков, которые стоят у стола, т.е. вне времени. При этом игроки — это бессмертные души фигурок, действующих внутри времени. Интересно, что для характеристики времени используется аллегорический пространственный образ (стола). Весьма специфический хронотоп ограниченного (условным) пространством игрового стола служит для раскрытия антропологической категории свободы. Исходя из данной аллегории, действия человека во времени «предопределены» свободным выбором его бессмертной души (вне времени), — с одной стороны и, с другой — условными «правилами игры», предписывающими ограничения и возможности действий че-

ловека в конкретном времени-пространстве его жизни (шахматного поля). Джордж Макдональд объясняет повествователю, что в ином измерении, т.е. с позиции вечности, все то, что происходит в земной жизни, выглядит иначе. Л.Н. Ефимова и Н.А. Шехирёва отмечают, что тот же символ «стола-времени» Льюис использует и в «Хрониках Нарнии»: «Можно сказать, что этот символ заимствован из легенд о Короле Артуре, из “Истории Бриттов” Гальфрида Монмутского. Там Круглый Стол “являлся олицетворением не только равенства всех допущенных к нему, но и особого рыцарского братства”, а также из эпопеи Т. Мэлори “Смерть Артура”, где тема рыцарства “Круглого Стола” является ведущей. Из этого исследователи делают вывод о том, что, что Льюис в “Расторжении Брака” следует в том числе и “традициям рыцарского романа, поскольку с ними прослеживается глубинная связь авторского замысла”» [Ефимова, Шехирёва, 2019: 60].

4. Категория радости

Категория радости, пожалуй, одна из наиболее активно осмысляемых повествователем. Каждый герой в преддверии рая стоит перед вечным выбором между радостью и тем, ради чего он жил.

Проводник главного героя приводит мысль Мильтона: “Better to reign in hell than to serve in Heaven”, как жизненный принцип многих погибающих душ: «Всякая погибшая душа предпочтет власть в аду служению в раю. Она что-нибудь да хочет сохранить ценою гибели, что-нибудь да ценит больше радости, то есть больше правды» [Льюис, 2010: 66].

Радость, приравненная обитателем вечности к правде, является в контексте повести одним из имён добра, Рая. В связи с этим призрачная дама на свой вопрос “What are we born for?” получает ответ и приглашение своего наставника-проводника: “For infinite happiness. You can step into it at any moment” [Lewis, 2009: 44]. Г.С. Кутсона справедливо отметил, что святые в тексте “The Great Divorce” светятся от избытка радости: «И наоборот, отказаться от радости значит предпочесть жизнь в аду, что и делает Карлик в “Расторжении Брака”, даже когда Сара Смит, его земная жена, призывает его принять радость Небес. А ведь Сара Смит могла “разбудить всех умерших во Вселенной для вечной жизни” своей абсолютной радостью» [Cootsona, 2014: 53]. Радость в контексте эсхатологического видения — это, подобно Раю, онтологическая категория, которую человеку предстоит выбрать (или отказаться от нее).

Выбор героя в пользу этико-онтологической категории добра выражен в повторе словосочетаний, содержащих лексику “joy”: enter

into joy, taste joy, choose joy, prefer smth. to joy. Радость представлена в тексте как дар Бога каждому человеку, категория, равная добру и Раю.

Список литературы

1. *Ефимова Л.Н., Шехирева Н.А.* Философско-религиозная притча «Расторжение брака»: «Сюжет о спасении» как центральная доминанта поэтики К.С. Льюиса // *Философская мысль*. 2019. № 6. С. 56–62.
2. *Косинская А.С.* Тема лица и личности в романе К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели» // *Наука и мир*. 2019. № 2 (66). Vol. II. С. 23–28.
3. *Льюис К.С.* Избранные работы по истории культуры. М., 2016.
4. *Льюис К.С.* Сказание об аде и рае, или Расторжение брака. М.; СПб., 2010.
5. *Льюис К.С.* Христианство. М., 2018.
6. *Толкин Дж. Р.Р.* Письма. М., 2004.
7. *Barfield O.* On C.S. Lewis. Oxford, 2011.
8. *Cootsona G.S.* C.S. Lewis and the crisis of a Christian Louisville, Kentucky, 2014.
9. *Griffin W.C.S.* Lewis: Spirituality for mere Christians. Eugene, 2007.
10. *Lewis C.S.* The Allegory of Love. Cambridge, 2013.
11. *Lewis C.S.* The Great Divorce. L., 2009.
12. *Walsh Ch.* The Literal Legacy of C.S. Lewis. Eugene, 2007.
13. *Watson Th.R.* Enlarging Augustinian systems: C.S. Lewis' The Great Divorce and Till We Have Faces // *Renascence*. Spring, 1994. Vol. 46 Issue 3. P. 163–175.

Alexandra Kosinskaya

LITERARY IMAGES OF GOOD AND EVIL IN C.S. LEWIS'S 'THE GREAT DIVORCE'

*Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 Nevskogo St., Kaliningrad, 236016*

Published in 1945, C.S. Lewis's second prose work, 'The Great Divorce', focuses on polemics with the famous nineteenth century English romantic poet W. Blake. The crux of the controversy was that Lewis disagreed with Blake's idea that Paradise and Hell, like good and evil, "are married" "getting on well" and complementing each other. While in his poem "The Marriage of Heaven and Hell" W. Blake described the marriage of Paradise and Hell, Lewis dedicated his text 'The Great Divorce' to a quite expected, in his opinion, divorce. The article explores the artistic embodiment of the basic ethical categories — good and evil in the eschatological vision 'The Great Divorce' by Lewis. The article aims to research the narrative of 'The Great Divorce' from the standpoint of the main

binary opposition in this text, “good and evil”. To achieve this goal the article analyses the main themes, artistic images and motives of the eschatological vision from the perspective of this binary opposition. Actually anthropological themes of the eschatological vision ‘The Great Divorce’ — love, freedom and joy are considered via this binary opposition. The analysis of Lewis’s text allows us to conclude that the concept of “love” in the system of the author’s axiology does not always fall into the category of good, but is considered in the context of some artistic images of evil. As it follows, the concept of “joy” in Lewis’s text is synonymous to good, and the category of freedom is considered in the context of eternity and immortality of human soul.

Key words: C.S. Lewis; eschatological vision; binary opposition; the good; the evil; narrator; the main character; Dante.

About the author: *Alexandra Kosinskaya* — PhD Student, the Institute of Humanities, The department of foreign literature (Western European and American), Immanuel Kant Baltic Federal University (e-mail: aleksandra-hromo@mail.ru).

References

1. Efimova L.N., Shehireva N.A. Filosofsko-religioznaya pritcha “Rastorzheniye Braka”: “Sjuzhet o spasenii” kak tsentralnaya dominanta poetiki K.S. Ljuisa [Philosophical and Religious Parable “The Great Divorce”: “The Plot of Salvation” as the central dominant of the poetics of C.S. Lewis] *Philosophical thought*, 2019, No. 6, pp. 56–62.
2. Kosinskaya A.S. Tjema Litsa i litchnosti v romanje K.S. Ljuisa “Poka myu lits nje obreli” [The line of face and personality in C.S. Lewis’s novel “Till we have faces”]. *Science and The World*, 2019, No. 2 (66). Vol. II, pp. 23–28.
3. Ljuis K.S. Izbrannye raboty po istorii kultury [Selected works on cultural history]. M.: *Novoye Literaturnoye Obozreniye Publ.*, 2016.
4. Ljuis K.S. Skazaniye ob adje I raie, ili rastorzheniye braka [Lewis C.S. The Great Divorce]. M.: *Eksmo Publ.*; SPb.: *Domino Publ.*, 2010.
5. Ljuis K.S. Christianstvo [Lewis C.S. Mere Christianity]. M.: *AST Publ.*, 2018.
6. Barfield O. On C.S. Lewis Oxford, England, *Barfield Press*, 2011.
7. Cootsona G.S. C.S. Lewis and the crisis of a Christian Louisville, Kentucky, *Westminster John Knox Press*, 2014.
8. Griffin W.C.S. Lewis: Spirituality for mere Christians Eugene, Oregon, *Wipf and Stock Publ.*, 2007.
9. Lewis C.S. The Allegory of Love Cambridge, England, *Cambridge University Press*, 2013.
10. Lewis C.S. The Great Divorce London, England, *HarperCollins*, 2009.
11. Walsh Ch. The Literal Legacy of C.S. Lewis Eugene, Oregon, *Wipf and Stock Publ.*, 2007.
12. Watson Th.R. Enlarging Augustinian systems: C.S. Lewis’ *The Great Divorce* and *Till We Have Faces*. *Renascence*. Spring 1994, Vol. 46 Issue 3, pp. 163–175.

А.В. Шаповалов

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ АВТОРСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В ЮЖНОРУССКОМ ЛЕТОПИСАНИИ XI–XIII вв.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются повествование от первого лица, риторические вопросы и восклицания, некоторые хронологические формулы в Повести временных лет, Киевской летописи, Галицкой и Волынской летописях по Ипатьевскому списку. Обсуждаются актуализация достоверности и субъективности текста летописи посредством авторских экспликаций, а также случаи обращения летописцев к авторитетным текстам. Приводится статистика рассматриваемых форм авторского присутствия и делается вывод об ослаблении дидактического начала при переходе от общерусского летописания к местному.

Ключевые слова: повествование от первого лица; риторические вопросы; риторические восклицания; хронологические формулы; Повесть временных лет; Киевская летопись; Галицкая летопись; Волынская летопись.

Традиционный характер средневековой культуры накладывает ограничения на применение термина «автор» к письменным источникам XI–XIII вв. По наблюдению Д.С. Лихачева, история составления летописей «не кончается в пределах творческих исканий одного автора, а захватывает творчество ... многих поколений редакторов и переписчиков текста, занимая иногда несколько столетий» [Лихачев, 2001: 40]. Однако в последние годы получил распространение подход, в рамках которого исторический источник рассматривается как продукт определенного типа сознания [Метлицкая, 2005: 1]. Во многих средневековых текстах есть высказывания, прямо не связанные с основным ходом повествования, которые можно рассматривать как «комментарий», «метатекст», свидетельствующий об элементах самосознания человека своего времени. Применительно к письменным памятникам Древней Руси эту проблематику исследовала Е.Л. Конявская [Конявская, 2000: 13–27].

Шаповалов Алексей Владимирович — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: omeganom@yandex.ru).

Для изучения категории автора в летописи были предложены два подхода: описание форм авторского присутствия в тексте и анализ высказываний, организующих структуру погодной статьи или свода. В рамках первого подхода О.В. Иванайнен применительно к Повести временных лет (далее — ПВЛ) изучала прямые сообщения автора о себе, использование местоимений и глаголов в форме 1-го лица ед. и мн. числа, реакции на происходящее и другие способы выражения «азь»-летописца [Иванайнен, 2017: 394–408]. И.С. Юрьева на основе анализа грамматических и фонетических особенностей языка Галицкой и Волынской летописей (далее — ГЛ и ВЛ) отмечала противоположные установки их составителей — ориентацию на книжные образцы и более широкое использование элементов живой речи [Юрьева, 2016: 66–77]. Однако в этих работах практически не рассмотрено влияние форм авторского присутствия на достоверность и субъективность повествования. В рамках рассмотрения приемов организации текста Киевской летописи (далее — КЛ) В.Ю. Франчук сделала некоторые наблюдения над хронологическими и отсылочными формулами, оформлением дат и иными методами редакторской работы [Франчук, 1986: 53–76]¹, но при этом недостаточно внимания уделено собственно авторским проявлениям.

В настоящей работе рассматривается влияние форм авторского присутствия (высказываний книжников от первого лица, риторических вопросов и восклицаний, некоторых хронологических формул) на достоверность и субъективность повествования, а также обсуждаются их изменения на протяжении XI–XIII вв. В качестве источника выбран Ипатьевский летописный свод первой половины XV в., имеющий южнорусское происхождение, в котором исследователями последовательно выделяются четыре памятника (ПВЛ, КЛ, ГЛ и ВЛ).

Повесть временных лет

Упоминания киевских книжников о себе как об очевидцах подчеркивают достоверность повествования (подробнее см. [Атарова, 1976: 346–347]). Таких упоминаний в ПВЛ три («его же позоровахомъ и до вечера» [II: 153 (1065)]², «а другомъ и самовидци быхомъ» [II: 187 (1074)], «его же повелѣнью быхъ азъ грѣшнии первою самовидецю

¹ Подобные исследования в последнее время вызывают особенный интерес в контексте работ, посвященных соотношению анналистического и хроникального начал в летописи (подробнее о соотношении летописей, хроник и анналов см. [Гимон, 2012: 69–92]).

² Здесь и далее тексты источников цитируются по изданию: Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Том издания указан в квадратных скобках, после двоеточия приведен номер столбца, а в круглых скобках — год погодной записи.

се же и скажу не слухомъ бо слышавъ но самъ в совѣ началникъ» [II: 201 (1091)]. В повествовании о перенесении мощей Феодосия Печерского высказывания от первого лица сочетаются с указанием на физическое и эмоциональное состояние монаха, что нетипично для летописи («вътрѣдѣвса ... начахъ тѣжити ... начахъ рамано копати ... въдержашет ма ѹжастъ начахъ звати» [II: 201–202 (1091)]). Упоминания летописцами о своей принадлежности к определенному сообществу в ПВЛ краткие и эпизодические («к нему же (Феодосию Печерскому. — А.Ш.) и азъ придохъ хѹдын и недостойны рабъ пригати ма лѣтъ ми сѹщю зѣ (17. — А.Ш.) ѿ рожениа моего» [II: 149 (1051)], «намъ сѹщимъ по кѣльбамъ почивающимъ ... намъ же бѣжащимъ задомъ монастырѣ» [II: 222 (1096)]). Такие высказывания могут рассматриваться как маркеры синхронности описываемых событий и жизни летописца.

Другим способом актуализации достоверности повествования в ПВЛ являются упоминания использованных источников. Так, после слов «в семъ бо оубѣдахомъ ... тако же пишашеть в лѣтописани Грѣцкомъ» [II: 12 (852)] книжник начинает использовать погодную сетку как основной композиционный прием летописи («скажемъ что са оудѣвало в лѣта си тако же преже почали бяхомъ пѣрвое лѣто Мнѹхаила и по радѹ положимъ числа» [II: 13 (852)]). Упоминания летописца о своих «информантах» («се же хоцю сказати таже слышахъ преже сиухъ дѣ (4. — А.Ш.) лѣтъ таже сказа ми Гѹрлата Роговичъ Новгородецъ» [II: 224–225 (1096)], «оу него же (Яна Вышатича. — А.Ш.) азъ слысахъ многа словеса таже вписахъ в лѣтописиць» [II: 257 (1106)]) интересны тем, что книжник не сразу включил в свой труд услышанное от других людей. Аналогичный пример присутствует в погодной статье 1051 г., который отсылает читателя к статье 1074 г. (т.е. «23 года спустя»: «се же написахъ и положихъ и в кое лѣтѣ почаль быти монастырь і что ради зоветьса Печерьскыи монастырь а в Феодосьевѣ житиѣ паки скажемъ» [II: 149 (1051)]).

Высказывания от первого лица актуализируют также субъективность повествования, что проявляется в сознательно заданной системе оценок (подробнее см. [Атарова, 1976: 348–350]). Таковы краткие пояснения книжников («ѿ негоже тазыка и мы есме Рѹсь» [II: 20 (898)], «мы же зовемъ Вндрѣпанемъ градомъ» [II: 32 (915)]), рассуждения о значении Крещения Руси («аще вы внѣ (Владимир. — А.Ш.) не крѣстиахъ насъ то и нынѣ выхомъ вылѣ въ прельсти дьаволѣ» [II: 117 (1015)]) или о деятельности Ярослава Владимировича (Мудрого) по распространению книжности («мы пожинаемъ оучение приемлюще книжное ... книгами бо кажеми и оучимъ есми пѹти покаганню и мѹдрость бо вбрѣтаемъ и въздержание» [II: 140 (1037)]). В некоторых случаях летописцы предлагали свою трактовку описываемым событиям, в частности объясняли причины пора-

жения русских князей от половцев («да аще сице творимъ вснхъ грѣхъ прощени бѹдемъ но мы на злое възвращаемьса ... да сего ради казни приемлемъ ѿ Бѧ всакыа» [II: 157–159 (1068)], «се на ны Бѣ пѹсти поганыа ... егоже мы прогнѣвахомъ прославлени бывше не почтохомъ ѡстивышеся не разумѣхомъ куплени бывше не работахомъ породившеся не тако ѡца постыдихомъ согрѣшихомъ ꙗ казнимы есмы такоже согришихомъ тако и стражемъ ... да никто же дерзнетъ рещи тако ненавидими Бѣмъ есмы» [II: 213–216 (1093)]). Эти примеры соответствуют экзегетической традиции средневековой книжности.

Высказывания книжников от первого лица участвуют также в организации текста летописи. От своего имени в ПВЛ книжники высказывались в начале всего свода («Лѣтѣписецъ Рꙋскїи съ Бѣмъ починаемъ ѡче благѡв ... се начнемъ повѣсть сїю» [II: 2]) или отдельных фрагментов («И се да скажемъ ... чего ради прозвася Печерьскыи манастир» [II: 143 (1051)], «такъ се скажемъ бѣсовское наоущение и дѣиство» [II: 164 (1071)], «скажемъ бо оущепение его мало ... ѿ нихъ же (не) намѣню нѣколико мꙋжъ чюднѣтыхъ» [II: 173, 179–180 (1074)], «се же повѣмъ мало нѣчто» [II: 203 (1091)]). Такие выражения не вынесены в подзаголовки, основная часть которых не отмечена авторским присутствием («Начало княженья Сѣтославля» [II: 46 (945)], «Начало Сѣтополча Кїевѣ княженья» [II: 209п (1093)]). Примечательно, что некоторые высказывания от первого лица («яко же и в прежнее лѣто сказахъ» [ЛЛ: 5 181 (1098)], «Си же скажемъ» [ЛЛ: 185 (1104)]) и заголовки летописных фрагментов («Ѡ үбьеньи Борисовѣ» [ЛЛ: 90 (1015)], «Начало княженья Ярославля Кїевѣ» [ЛЛ: 96 (1016)]), помещенные в более ранней Лаврентьевской летописи, отсутствуют в Ипатьевском списке [II: 118 (1015), 129 (1016), 248 (1098), 256 (1104)]. Возможно, они принадлежали переписчику, и составитель Ипатьевской летописи не считал нужным включать их в создаваемый им текст.

Значительная часть высказываний от первого лица в ПВЛ вполне традиционна и не свидетельствует о достоверности или субъективности повествования. Таковы краткие пояснения, восходящие к клитургической традиции («мы же хрѣстиане ... елико в Хѣа крѣстнихомъса и въ Хѣа ѡблекохомъса» [II: 12], «азъ же грѣшныи твои рабъ и оучникъ недоумѣю чимъ похвалити тѧ» [II: 204 (1091)], «се бо азъ грѣшныи многа и часто Бѧ прогнѣвахъ ꙗ часто согрѣшата бываю» [II: 216 (1093)]). При соотнесении друг с другом разных летописных фрагментов высказывания книжников в ПВЛ часто имеют вид устойчивых формул («такъ же ркохомъ» [II: 9, 141 (1037), 208 (1093)], «ѡ немъ же преже сказахомъ ... такъ же послѣдѣ скажемъ» [II: 65, 67 (980)], «такоже глахъ» [II: 148 (1051)]). После пространных отступлений летописцы использовали традиционную формулу «мы на предрежащее възвратимъса» [II: 13 (852), 159 (1068)] (ее варианты:

чаѣ дѣи и предасть дѣю в рѹцѣ Бжии мѣца маа въ г̃ (3. — А.Ш.) дѣи индикта въ ѣи (11. — А.Ш.) лѣтѣ» [II: 178 (1074)]. В некоторых случаях соотнесение событий свидетельствует о символичности мировосприятия летописцев («Того же лѣтѣ в Новѣгородѣ иде Волхovo въспаць дѣии ѣ (5. — А.Ш.) се же знаменне не добро выѣ на дѣ е (4-е. — А.Ш.) лѣтѣ погорѣ весь городъ» [II: 152 (1063)]).

Киевская летопись

Этот памятник отличается выраженной компилятивностью повествования, однако представляется возможным применительно к нему говорить о некоторых общих формах авторского присутствия. В КЛ они выражены слабее, чем в ПВЛ, что обусловлено последующим редактированием летописи и более узкой основной темой (повествование не о всей Русской земле, а об отдельных княжеских домах). В КЛ летописцы не стремились подчеркнуть достоверность описываемых событий упоминаниями о себе как об очевидцах, а субъективное отношение к происходящему часто включали в высказывания князей. Одним из немногих примеров, содержащих упоминание летописца о себе, является сообщение о его беседе с другим человеком, что обнаруживает сходство с фрагментом ПВЛ:

ПВЛ

«и мнѣ тѹ сѹщю ... присла по ма князь Дѣдъ и приидохъ к нему ... азъ же идохъ к Васнаковн и повѣдахъ емѹ всю рѣчь Двѣдѹ» [II: 239 (1097)].

КЛ

«единъ речѣ ми ... мнѣ же ѿвѣщавшю ... и поемъ ма и въведе въ алтарь ... и речѣ ми ... и мнѣ просащю его и тако вда ми» [II: 483–484 (1156)].

Подобные примеры исключительны для древнерусского летописания (и, вероятно, являются вставными фрагментами), поэтому их сопоставление требует отдельного рассмотрения. В КЛ появляются заимствования из предшествующего текста летописи, в том числе содержащие высказывания от первого лица (ср. «Бѣ ... наведе на ны поганыа ... да бѣхом са востагноули ѿ злыхъ своихъ дѣлъ» [II: 648 (1185)] и фрагмент ПВЛ [II: 145 (1093)]). Большинство высказываний книжников от первого лица в КЛ имеет вид устойчивых формул («прѣди нарекомъ» [II: 311 (1142)], «прѣди написахомъ» [II: 338–339 (1146), 577 (1174)], «иже вѣшетъ рекль» [II: 432 (1151)]). Иногда наблюдается их парное употребление («еже и послѣди скажемъ мы же на прежнее възвратимса» [II: 574 (1174), 702–704 (1197)]), что В.Ю. Франчук относит к особенностям повествовательной манеры Моисея Выдубицкого [Франчук, 1986: 65–66].

Риторические вопросы и восклицания в КЛ включены в речь описываемых лиц и не являются непосредственной реакцией книжников на описываемые события. Однако характер этих фрагментов позволяет рассматривать их, по выражению А.А. Пауткина, как

свидетельства «авторской позиции составителя» [Пауткин, 2017: 86–87]. Покаянная речь Игоря Святославича содержит серию из шести риторических вопросов, структура которой подчинена средневековой иерархии («гдѣ нѣинѣ възлюбленѣи мон братъ гдѣ нѣинѣ брата моего снѣ гдѣ чадо роженна моего гдѣ богаре доумоуощен гдѣ моужи хрѣворѣствоуощен гдѣ радѣ полчнѣини гдѣ кони и оружѣя многоцѣннага» [II: 643 (1185)]). Речь Моисея Выдубицкого в КЛ также содержит риторические вопросы и восклицания («дѣвна днѣ видѣста учѣи наши ... что воздамъ ти противоу бѣгоудѣванію ти таже твориши и створишъ еси к намъ» [II: 712 (1200)]). В рассмотренных примерах риторические вопросы и восклицания являются скорее риторическими фигурами, чем выражением субъективности книжников.

Хронологические формулы в КЛ отличаются более точное по сравнению с ПВЛ указанием на время: традиционная летописная формула «в то же лѣто» постепенно сменяется указанием на другое время года («Тоѣ же осени ... Тоѣ же зимѣ» [II: 404 (1150)], «сеѣ веснѣ» [II: 421 (1151)]) или упоминанием времени суток («на тоу же ночь» [II: 380 (1149), 450, 456 (1152)], «бѣ емѣ оуже вечерѣ ... бѣ еще до вѣѣда» [II: 463 (1152)], «в зорѣ» [II: 507 (1160)], «на росвѣтѣ» [II: 677 (1193)]). В КЛ книжники соотносят события, отстоящие друг от друга не на несколько лет, а на несколько дней или недель («вишасѣ вль ģ (3. — А.Ш.) нѣелѣ» [II: 317 (1144)], «пожгоша вколо его ѿ вѣстрѣтъ первѣи днѣ а вѣторѣи днѣ створиша вѣче ... вѣ ģ (3. — А.Ш.) же днѣ пристоупиша вси ко граду» [II: 320 (1146)], «преже своета болезни трети днѣми» [II: 483 (1156)]). Интересно упоминание не только даты, но и времени события при кратком сообщении о землетрясении в Киеве («потрѣсасѣ земля ... вѣ ģ (3. — А.Ш.) чаѣ днѣ» [II: 294 (1131)], аналогичный пример [II: 690 (1195)]), что, по мысли И.П. Еремина, усиливает документальность повествования [Еремин, 1966: 100]. Хронологические формулы, являющиеся свидетельствами очевидца, в КЛ многочисленны и разнообразны («и вѣсѣ на тоу (но) чѣ дожѣ великѣ велми» [II: 361–362 (1148)], «вѣсѣ тепло вѣшетѣ во оуже вѣрвьноѣ нѣдѣи и вѣсѣ вода по Волзѣ и по Молозѣ по чрево коневѣ на лѣдоу» [II: 371 (1148)], «оустрои Бѣ мѣглѣ такоже не видѣти никамо же толѣко до конецѣ копыа видѣти и постиже дожѣ» [II: 434–436 (1151)], аналогичный пример 466 (1153)], «оуже во вѣше к заморозѣ» [II: 458 (1152)]). В ряде случаев временной промежуток в КЛ не указывался точно («по малѣ же времени» [II: 307 (1140)], «бѣ в заднихѣ лѣтѣхѣ писано» [II: 319 (1145)], «мало верема переждавшѣ» [II: 510 (1161)]).

Галицкая летопись

Подобно авторам КЛ, галицкие книжники не используют повествование от первого лица для актуализации достоверности

описываемых событий. Это подтверждают упоминания о том, что о некоторых моментах галицкие книжники не будут рассказывать («инѣхъ вѣщисла воеводѣ нѣже не исписахомъ здѣи» [П: 785 (1240)], «не хотѣхомъ писати ѿ множества ради» [П: 800 (1248)], «за множество весь не списахомъ» [П: 821 (1254)]). В отличие от ПВЛ, где летописцы о некоторых моментах не писали «срама ради» [П: 72 (986), 153 (1065)], главной причиной отказа от перечисления в ГЛ является многочисленность. Высказывания в начале фрагментов ГЛ предваряют сообщение о конкретных локусах, а не об истории всего государства:

ПВЛ	ГЛ
«Повѣсть временныхъ лѣтъ, ѿкуда есть пошла Руская земля ... се начнемъ повѣсть сию» [П: 2].	«по семь скажемъ о Галицинѣ могилиѣ и о начатъи Галича ѿкуда са почалъ» [П: 722 (1206)].

В ГЛ встречается высказывание летописцев в подзаголовке («По семь скажемъ многии млатѣжь великиа льсти вѣщисленыа рати» [П: 762 (1230)]), что нехарактерно для ПВЛ и КЛ. В приведенном примере обращает на себя трехкратный повтор, тогда как в ПВЛ повторы присутствуют в основном во фрагментах агиографического характера (см. [П: 56 (969), 124–126 (1015)]), а в КЛ они преимущественно бинарные. Особенности ГЛ являются рассуждение летописца об употреблении дат («Здѣ не писахомъ в заднѣа впишемъ ... вса же лѣта спишемъ роцетъше во заднѣа» [П: 820 (1254)]) и выражение книжника, в котором он говорит о себе в третьем лице («хронографоу же ноужа естъ писати все и вса бывшаа ввогда же писати вперѣднѣа ввогда же востоупати в заднѣа чьтыи моудрын разоумѣеть» [П: 820 (1254)]). Интересно не только заимствование последнего примера из славянского перевода хроники Иоанна Малалы [Гимон 2012: 241], но и ожидания книжника, что такой способ повествования будет понятен читателю. Многие высказывания книжников в ГЛ традиционны («иногда скажемъ» [П: 740 (1223)], «предѣ сказахомъ» [П: 808 (1250), 837–838 (1257)], «потомъ спишемъ» [П: 841 (1259)]).

Первый пример риторического восклицания книжника в ГЛ следует за цитатой из Гомера, в которой также содержится риторическая фигура («о лѣсть зла естъ такоже Ѿмиръ пишеть ... о злѣе зла естъ» [П: 770 (1233)]). В дальнейшем тексте риторические вопросы и восклицания встречаются при повествовании о взаимоотношениях галицкого князя с татарами («о сквѣрнаа прелѣсть нѣхъ ... о злѣе зла чѣтъ Татарская ... то нын кто можетъ приати» [П: 806–808 (1250)], «о злѣе зла» [П: 817 (1252)]). Особенность этих высказываний — использование повтора «злѣе зла», который усиливает отрицательное отношение летописца к происходящему.

Хронологические формулы, являющиеся свидетельствами очевидца, в ГЛ встречаются реже, чем в КЛ («днѣ тон» [П: 799 (1248)], «тоѣ нощи» [П: 819 (1253)], «того же вечера» [П: 823 (1254)]). Галицкие книжники могли временной промежуток не указывать точно («по сем же долгоу времени минуѡвшю» [П: 719 (1203)], «малоу же времени минуѡвшю» [П: 770 (1233), 790 (1240), 796 (1245)]), а в некоторых случаях не оговаривать очередность описываемых событий («В та же лѣтѣ (или преже или потомъ)» [П: 828 (1255)]). Уменьшение числа хронологических формул в ГЛ может быть обусловлено как влиянием соседней латинской историографической традиции, так и задачами составления местной летописи, в которой хронологическое перечисление событий не было преобладающим.

Волынская летопись

Высказывания книжников от первого лица в ВЛ также содержат упоминания, что о некоторых моментах они не будут сообщать, при этом в качестве причин указывались и «срам», и многочисленность («егоже безаконна не могохомъ писати срама ради» [П: 868–869 (1270)], «Володимѣри ꙗха во свои городы в Лоуческъ и в Доубенъ и во нын городы ихже не псахъ» [П: 905 (1287)]). Вполне традиционны высказывания волынских книжников, выражающие их отношение к происходившим событиям («Посла Бѣ на насъ мѣчь свои ... за оумножение грѣховъ нашихъ» [П: 897 (1287)], «вопсалъ есмь в лѣтописѣць коромолоу ихъ» [П: 932 (1289)]), начинающие повествовательный фрагмент («сиче скажемъ» [П: 858 (1262), 887 (1281)], «волезньж его си скажемъ» [П: 914 (1288)]) или отсылающие к другому фрагменту летописи («передѣ псахомъ» [П: 861 (1264), 882 (1280), 907–908 (1287)], «передѣ сказахомъ» [ИЛ: 892 (1283)]). Особенности ВЛ являются наличие фразы, которой книжник оканчивает фрагмент летописи («тоутюж положим конецъ Вѣлодимеровоу княженію» [П: 927 (1289)]) и подробное описание времени кончины и погребения Владимира Васильковича («свѣтающю же платкоу и тако престависа ... вложиша и во гробъ мѣца декабря во дѣ (11. — А.Ш.) днѣ на памѣт стѣго Данила Стѣопльника в соуботоу» [П: 918–919 (1289)]). Это свидетельствует о стремлении придать большее значение повествованию о времени правления данного князя, которое летописец, вероятно, понимал как основную задачу своего труда.

Риторические восклицания, присутствующие в ВЛ в посмертной похвале Владимиру Васильковичу («кто исповѣсть многие твоя и нещаныя млстна и дивныя щедроты» [П: 914–915 (1288)], «востани ниси бо вьмрѣл ... ѿтраси сонъ возведи шчи да видиши какога тѣ чѣсти Гсѣ тамо сподви» [П: 923 (1288)]), являются, по наблюдению

А.А. Пауткина, заимствованиями из «Слова о законе и благодати» митрополита Иллариона и некрологов Ростиславичей из КЛ [Пауткин, 2020: 119–124]. Они отражают, по замечанию И.П. Еремина, «тревогу и надежды, которыми были охвачены приближенные покойного князя в начале правления его преемника» [Еремин, 1966: 182]. Факт заимствования не позволяет считать эти высказывания проявлением субъективности волынских летописцев, однако свидетельствует об их ориентации на киевскую летописную традицию.

Хронологические формулы в ВЛ продолжают традиции предшествующего летописания. Отступления от хронологической последовательности («**Въ прежереченом же лѣтъѣ**» [II: 861 (1264)], «**кнаживъ же лѣтъъ немного**» [II: 869 (1268)], «**первого лѣтъ ... на другое и на третье ... исходащоу же четвертому лѣтоу и наставши зимѣ**» [II: 914–916 (1288)]) указывают на сходство способа повествования волынских и галицких летописцев. Упоминания времени правления князя («**кнаживъ по щци к̄ (20. — А.Ш.) лѣтъ**» [ГВЛ: 918 (1288)]) сближает ВЛ и ПВЛ. Отсутствие точных датировок и указания на большой временной промежуток («**всю зиму**» [II: 905 (1287)], «**мало дѣни**» [II: 899 (1287)]) свидетельствуют об ослаблении в ВЛ тенденции к документально точной фиксации событий, характерной для КЛ.

Заключение

В итоге можно сделать вывод о различной частотности форм авторского присутствия в текстах ПВЛ, КЛ, ГЛ и ВЛ (таблица).

Таблица

Формы авторского присутствия	Общее число примеров в источниках			
	ПВЛ (...–1117)	КЛ (1118–1200)	ГЛ (1201–1261)	ВЛ (1262–1292)
Глаголы в форме 1 лица	135 ³	41	19	16
Риторические фигуры	35	9	6	4
Хронологические формулы ⁴	28	171	37	24

Наиболее часто высказывания книжников от первого лица актуализируют достоверность повествования в ПВЛ, что проявилось в упоминании книжниками о себе как об очевидцах или в ссылках на источник информации. Ослабление тенденции к документально точной фиксации событий в ГЛ и ВЛ, вероятно, связано с переходом

³ Данное количество примеров приводится с учетом высказываний от первого лица во фрагменте [II: 239–240 (1097)], который мог быть включен в текст ПВЛ в последующее время.

⁴ В таблице не учитывается количество употреблений традиционной формулы «**в лѣто**».

от общерусского характера летописания к местному, при котором преобладали сообщения о недавних событиях, и упоминания об очевидцах становились излишними. Выражение книжниками своего отношения к описываемым событиям также наиболее сильно выражено в ПВЛ (летописцы предлагают свою трактовку описываемых событий, в ряде случаев совмещая цитаты из авторитетных текстов с собственными высказываниями). В КЛ и ВЛ подобные примеры встречаются существенно реже (что свидетельствует об ослаблении к ним дидактического начала), а в ГЛ они относятся не столько к трактовке событий, сколько к способу их представления в тексте.

Риторические фигуры и хронологические формулы также могут содержать информацию о достоверности и об элементах субъективности повествования. Риторические вопросы и восклицания в ПВЛ и ГЛ сочетаются с цитатами из авторитетных текстов, а их использование книжниками для выражения своего отношения к описываемым событиям эпизодическое. В КЛ и ВЛ риторические фигуры не принадлежат собственно летописцам. Отмечено, что количество точных датировок в Ипатьевской летописи увеличивается с уменьшением высказываний книжников от первого лица. Характер хронологических формул свидетельствует об усилении документальности повествования в КЛ (и, как следствие, о более выраженном анналистическом начале в этом памятнике), что в ГЛ проявилось в наименьшей степени. Дальнейшее исследование форм авторского присутствия представляется перспективным как для изучения поэтики памятников южнорусского летописания XI–XIII вв., так и для лучшего понимания мировоззрения летописцев.

Список литературы

1. *Атарова К.Н., Лессикс Г.А.* Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Известия АН. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. № 4. С. 343–356.
2. *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.
3. *Еремин И.П.* Литература Древней Руси (этюды и характеристики). Л., 1966.
4. *Геродот.* История / Пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
5. *Иванайнен О.В.* «Азь» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. 2017. Вып. 16–17. С. 389–582.
6. *Конявская Е.Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI — середина XV в). М., 2000.
7. *Лихачев Д.С.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв). СПб., 2001.

8. *Метлицкая З.Ю.* Историческое самосознание англосаксонских анналистов IX–XI вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005.
9. *Пауткин А.А.* Горизонты прочтения: Историко-филологические заметки и размышления. М., 2017.
10. *Пауткин А.А.* К вопросу о летописных источниках похвалы Владимиру Васильковичу Волынскому // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 3 (31). С. 119–126.
11. Повесть временных лет. Лаврентьевская летопись (1377 г.) / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л. 1950.
12. Полное собрание русских летописей. Т. II: Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
13. *Савельев В.С.* Древнерусские иллокутивно-полифункциональные высказывания: сообщения с субъективно-модальным содержанием (на материале «Повести временных лет») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2016. № 4. С. 47–74.
14. *Франчук В.Ю.* Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.
15. *Юрьева И.С.* Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Оломоуц, 2016. С. 65–77.

Alexey Shapovalov

EVOLUTION OF AUTHORIAL PRESENCE IN 11th–13th CENTURY SOUTH OLD RUS CHRONICLES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This paper analyses first-person narration, rhetorical questions and exclamations, chronological formulas in Russian Primary Chronicle, Kyiv Chronicle, Galician Chronicle, and Volhunian Chronicle in the Hypatian Codex. Emphasis is laid upon updating of reliability and subjectivity by means of the chronicler's explications and references to the sample texts. Of special interest are the statistics on authorial presence. It is concluded that didacticism is more strongly expressed in all-Russian Chronicles than in local ones.

Key words: first-person narration; rhetorical questions; rhetorical exclamations; chronological formulas; Russian Primary Chronicle; Kyiv Chronicle; Galician Chronicle; Volhunian Chronicle.

About the author: *Alexey Shapovalov* — PhD Student, Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: omeganom@yandex.ru).

References

1. Atarova K.N., Lesskis G.A. Semantika i struktura povestvovaniya ot pervogo litza v hudozhestvennoy proze. *Bulletin of Russian Academy of Science. Studies in Literature and Language*. 1976. V. 35. № 4, pp. 343–356. (In Russ.)
2. Gimon T.V. Istoriopisanie rannesrednevekoy Anglii i Drevney Rusi: Sravnitelnoye issledovanie. M., 2012. (In Russ.)
3. Eremin I.P. Literatura Drevney Rusi (etyudy i harakteristiki). L., 1966. (In Russ.)
4. Gerodot. Istoriya. Perevod i primechaniya G.A. Stratanovskogo. L., 1972. (In Russ.)
5. Ivanaynen O.V. “Az” letopisza v “Povesti vremennyh let”, ego varianty i sposoby vyrazheniya. *Germenevtika drevnerusskoy literatury*. 2017. Iss. 16–17, pp. 389–582. (In Russ.)
6. Konyavskaya E.L. Avtorskoye samosoznaniye drevnerusskogo knizhnika (XI–XV vv). M., 2000. (In Russ.)
7. Lihachev D.S. Textologiya (na materiale russkoy literatury X–XVII vv.). St. Petersburg, 2001. (In Russ.)
8. Metlitzkaya Z. Yu. Istoricheskoye samosoznaniye anglo-saksonskih annalistov IX–XI vv: *diss. kand. philol. nauk*. M., 2005. (In Russ.)
9. Pautkin A.A. Gorisonty prochteniya: Istoriko-philologicheskiye zametki i razmyshleniya. M., 2017. (In Russ.)
10. Pautkin A.A. K voprosy o letopisnyh istochnikah pohvaly Vladimiru Vasil’kovichu Volunskomu. *Drevnyaya Rus’. Voprosy Medievistiki*. 2020. Iss. 3 (31), pp. 119–126. (In Russ.)
11. Povest’ vremennyh let. Lavrent’evskaya letopis’ (1377 g.). Pod red. V.P. Adrianovoy Peretz. M.; L., 1950. (In Russ.)
12. Polnoe sobranie russkikh letopisej. Tom vtoroj. Ipat’evskaya letopis’. Izdanie vtoroe. St. Petersburg, 1908. (In Russ.)
13. Savelyev V.S. Drevnerusskiye illokutivno-polifunktzionalnye vyskasuvaniya: soobsheniya s subjektivno-modal’nym sodержaniem (na materiale Povesty vremennyh let). *Bulletin of Moscow University. Series 9. Philology*. 2016. № 4, pp. 47–74. (In Russ.)
14. Franchuk V.Yu. Kievskaya letopis’: Sostav i istochniki v lingvisticheskom oveshchenii. Kyiv, 1986. (In Russ.)
15. Yur’eva I.S. Lingvisticheskiye parametry stilisticheskikh razlichiy mezhdou Galitskoy i Volhynskoy letopisyami. *Pismennost’ Galitsko-Volhynskogo knyazhestva: istoriko-philologicheskiye issledovaniya*. Olomouc, 2016, pp. 65–77. (In Russ.)

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Е.К. Соколинский

ЖУРНАЛЫ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ В ЗЕРКАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

Федеральное государственное бюджетное учреждение

«Российская национальная библиотека»

191069, Санкт-Петербург, Садовая ул., 18

В работе подробно описывается библиографическое своеобразие «Сводного каталога сериальных изданий России, 1801–1825», подготовленного специалистами Российской национальной библиотеки (в 1997–2015 гг. вышли четыре тома каталога, посвященные журналам; работа доведена до буквы «П»).

Ключевые слова: библиография; Российская национальная библиотека; «Сводный каталог сериальных изданий России, 1801–1825»; журналы.

Специалист по истории отечественной журналистики удивится обозначенной теме: что еще можно сказать об этом? Действительно, история наиболее знаменитых журналов той эпохи изучена. Тем не менее библиографии свойственно углубляться в детали, до которых ранее ни у одного исследователя не доходили руки. Многие труды по русской журналистике написаны в советское время и соответственно под определенным углом. Мы не так заинтересованы блоком декабристских изданий, как наши предшественники, зато обращаем внимание на журналы консервативные, например «Русский вестник» С. Глинки. Всесторонним его исследованием занялись воронежские ученые [Лупарева, 2012; Минакова, 2011]. Сегодня нас привлекают и развлекательные журналы, которыми раньше пренебрегали. Я уже не говорю о масонских изданиях, ныне подробно изучаемых (например, «Сионский вестник»).

Впрочем, дело не только в определенных разделах журналистики. Пришла пора рассмотреть периодику в целом, независимо от ее тематики. Начиная работу над «Сводным каталогом сериальных изданий России, 1801–1825» (далее — СКС XIX), мы заботились о том, чтобы двигаться вширь (в сторону полного репертуара сериальных изданий) и вглубь (в сторону сплошной росписи содержания).

В сериальные издания включаются, помимо журналов и газет, продолжающиеся издания, альманахи, календари, месящесловы. Мы начали в конце XX в. (первый том вышел в 1997 г.) с журналов.

Соколинский Евгений Кириллович — доктор педагогических наук, зав. сектором сводных каталогов Российской национальной библиотеки (e-mail: sokolinskii_evge@mail.ru).

СКС XIX хронологически продолжает четвертый том «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в., 1725–1800» и входит в систему сводных каталогов России. В то же время наш каталог — самостоятельное библиографическое издание, оригинальное по методике и структуре. Когда мы приступили к составительской работе, было решено дать максимально полные сведения о каждом из журналов.

Описание журнала многослойно. *Первый слой* — подробное библиографическое описание с характеристикой иллюстраций, цензурными сведениями, информацией об особенностях экземпляров (автографы, владельческие надписи, экслибрисы и т.д.). Приводятся различия между экземплярами в фондах РНБ, РГБ, БАН, ГПИБ, НБ МГУ и НБ СПбГУ.

Второй слой — справочная статья об истории журнала. В зависимости от объема литературы или архивных материалов она может быть краткой или пространной, обобщающей существующую литературу или содержащей полемику со взглядами известных литературоведов (как, например, в случае с «Московским телеграфом», «Драматическим вестником»).

Третий слой — список литературы по журналу. СКС XIX перекрывает прежние справочники под редакцией К.Д. Муратовой и А.В. Мезьер. Постоянно появляются новые публикации, и они добавлены в последующих томах.

Четвертый слой — полная роспись содержания. Настоящий каталог — не перепечатка «Исторических разысканий о русских повременных изданиях и сборниках...» А.Н. Неустроева (СПб., 1875). Неустроев не использовал нормативный заголовок индивидуального автора (такого понятия тогда не существовало), не приводил материал из подстрочных примечаний, не аннотировал статьи и заметки; криптонимы, псевдонимы раскрывались им выборочно. Составители из РНБ, напротив, основные усилия сосредоточили на атрибуции. Мы ждем и получаем уточнения и дополнения от исследователей, от тома к тому возрастает объем примечаний.

Пятый слой — вспомогательные указатели. В СКС XIX их шесть. Указатель имен выполняет и справочную функцию: приводятся имя, отчество, годы жизни автора. Указателей заглавий четыре: указатель заглавий из росписи содержания (т.е. статей, стихотворений, первых строк стихотворений); указатель упоминаемых заглавий (в том числе названия рецензируемых книг и спектаклей, музыкальных произведений, заглавий оригиналов, с которых переводилось произведение); указатели отечественных и зарубежных периодических изданий (в сокращенной и полной форме, с указанием времени существования журнала или газеты); указатель географических и этнических названий.

На первый взгляд, Н.М. Лисовский полно отразил репертуар отечественной периодики XIX в. в своей «Библиографии русской периодической печати, 1703–1900 гг.» (Пг., 1915), но первоначальный список к СКС XIX составил 340 названий, а указатель Лисовского за 1801–1825 гг. включает только 179 названий. Понимание термина «периодика» со времен Лисовского изменилось и не совпадает с понятием «серийные издания». Тип подлинного журнала в первой четверти XIX в. еще не сложился, поэтому включение в репертуар таких изданий, как «Звездочка», «Каллиопа», «Кори-

фей», «Карманная библиотека Аонид», «Новые Аониды», «Ореады», носит условный характер. Кроме того, настоящий сводный каталог существует в системе других сводных каталогов России: часть журналов (например, «Журнал гитарный», «Журнал отечественной музыки» и др.) включается в Сводный каталог российских нотных изданий (1-я четверть) (СПб., 2005. Т. 2), другая часть перешла в Сводный каталог русской книги, 1801–1825 (например, «Пифагор» (т. 3, № 4810), «Журнал правоведения» (т. 1, № 513)). Еще часть изданий числится в библиографии, но не выходила из печати (например, «Северный зритель» 1808 г.).

На все издания имеются в фондах РНБ (или комплекты не всегда полные), хотя Императорская Публичная библиотека получала обязательный экземпляр. Два выпуска «Журнала карикатур» А.Г. Венецианова (1808) обнаружены в Русском музее, хотя в литературе можно найти отсылки к фондам РНБ и Эрмитажа. Только в Исторической библиотеке удалось найти № 3 «Дамского журнала» за 1806 г., считающийся несуществующим или полностью утерянным. Там же находится № 3 журнала «Аврора».

Полный состав номеров (с иллюстрациями, приложениями) выявляется благодаря сравнению экземпляров нескольких библиотек. Например, часть нот, иллюстраций к журналу «Северный Меркурий» сохранилась только в БАН.

Сравнивая СКС XIX и справочник «Русская периодическая печать (1702–1894)» (М., 1959), убеждаешься, что справочник отражает не весь репертуар русских журналов. Из того, что вошло в первый том СКС XIX, в указателе 1959 г. отсутствуют «Веселый и забавный друг детей» (1804), «Всеобщий журнал врачебной науки» (1811–1816), «Всеобщий модный журнал» (1817). Нет «Еженедельника для охотников до лошадей» (1823–1825, описанного во втором томе СКС XIX). Составители субъективно подходили к вопросу о ценности изданий. Справочная заметка в указателе 1959 г. писалась в основном на материале литературных источников. Составители из РНБ, подготавливая сплошную роспись содержания, изучали журнал постранично, поэтому имели возможность выявить детали редакционной «кухни», авторский состав.

Говоря об авторах периодических изданий первой четверти XIX в., надо иметь в виду, что номер журнала зачастую писался одним человеком или редактором и его помощником, поэтому определение автора публикации носит условный характер. Составители СКС XIX ставили имя автора в квадратных скобках только тогда, когда атрибуция имела точное или косвенное подтверждение. Редактор-издатель, разумеется, пользовался чужими текстами, но как подручным материалом. При переводе с иностранного оригинала порой существенно искажался редактором-издателем: зарубежному автору могли навязывать взгляды, которых он на самом деле не придерживался, текст сокращался, сопровождался редакторскими вступлениями, заключениями, внутри текстовыми и подстрочными комментариями. Нужно очень внимательно читать, чтобы обнаружить где-нибудь в середине статьи упоминание об авторе основного материала. Журналы эпохи полны загадок, умолчаний, намеков, мистификаций.

Текст журнала представлял нередко огромный монолог редактора (издателя), обращенный к читателю. Часто это связано с особой нравственно-политической позицией издателя, как, например, в случае с С. Глинкой и его журналом «Русский вестник».

Многие литературные журналы «осколочные», «пестрые». «Пестрота» тогдашних журнальных материалов оказывается порой их достоинством. Важно понять психологию публицистов прошлого, ощутить, в чем они «проговариваются», приоткрывая свои слабости или драмы.

Журналы содержали сведения о множестве частных лиц. Журналистика тех лет была, пожалуй, демократичнее нашей. Почти в каждом номере помещались материалы о неимущих и о тех, кто им помог. Не только столичный житель, но и житель маленькой деревеньки может обнаружить в росписи содержания журнала упоминание о своих предках. В «Русском вестнике», «Сыне Отечества» немало рассказов о героизме солдат и жителей России, сопротивлявшихся наполеоновским войскам или проявлявших добросердечие к жертвам войны. Даже в ведомственном «Журнале Департамента народного просвещения» содержится огромный региональный материал, рескрипты, указы о награждениях, присвоении чинов, назначениях, вспоможении разным лицам.

СКС XIX как отражение отечественной периодики можно назвать «энциклопедией русской жизни». В «Вестнике Европы» публиковались очень многие третьестепенные писатели. Для внимательного взгляда роспись содержания — это рассказ о том, чем интересовались люди, чему радовались, как шутили, как менялись их вкусы и взгляды. Об этом можно узнать из заглавий, из дословно приведенных в каталоге подстрочных примечаний, кратких аннотаций, первых строк стихотворений. Впрочем, речь не только о русской жизни. Политическая хроника, сообщения о путешествиях повествовали не только о Западной Европе, но и о жизни королей Сандвичевых островов, восточных беях. Не было такой отрасли общественной жизни, науки, техники, литературы и искусства, которая не нашла бы места на страницах «Вестника Европы». «Справочником» или дайджестом зарубежной и российской периодики за 25 лет называют «Политический журнал». О развитии естественных, технических наук, физики и химии рассказывали «Журнал мануфактур и торговли», «Журнал полезных изобретений», «Земледельческий журнал», «Круг хозяйственных сведений».

Преимущество и сложность каталога-репертуара в том, что он в целом отражает литературный контекст эпохи. В первой четверти XIX в. сплошь и рядом переводили произведения близкого XVIII в. Иногда журнал был почти полностью переводным, как, например, «Горный журнал» или «Политический журнал». Составители сверяли русский текст с немецким оригиналом (в первом случае, в научной библиотеке Горного института), выявляя порой авторов, заглавия оригиналов. Например, оказалось, что в 19 журналах, расписанных в первом томе нашего каталога, помещались переводы из 150 журналов и газет разных стран, преимущественно французских, немецких, английских, польских. Примечания к аналитической записи содержат сведения о поздних перепечатках стихотворений в сборниках, собраниях

сочинений с изменением заглавий и первых строк, информацию о произведении, авторе, художнике, актере.

При внешней, казалось бы, простоте описание журнала (по крайней мере, многолетних изданий) представляет собой многоаспектную проблему. В условиях смены редактора и даже при одном редакторе разделы и подразделы издания менялись. Сама по себе запись, посвященная отдельному произведению (художественному, научному, публицистическому, информации от редакции), на первый взгляд, традиционна: автор, заглавие, подзаголовок (жанр), страницы (количественная характеристика), примечание. Однако эти элементы при описании в разных изданиях варьируются.

Чуть ли не в каждой второй записи автор раскрыт составителем: большинство журнальных публикаций анонимно или подписано криптонимами. Хорошо, если по какой-то части журнала уже проделана исследовательская работа, как, например, О.Б. Кафановой и И.А. Айзиковой по «Вестнику Европы» времени редакторства Карамзина или Жуковского [Айзикова, 1992; Кафанова, 1991].

Для атрибуции привлекались различные отечественные и зарубежные источники, рукописные материалы РНБ, РГБ. Например, для раскрытия автора повести «Предчувствие, или Граф Загоровский и Яшка Кривошея» (ч. 94, № 15) надо было найти в следующей части публикации (ч. 95, № 17) источник перевода: журнал “Pamiętnik Warszawski”. Исходя из этого, обратиться к польскому справочнику “Nowy Korbut” (т. 6, cz. 1, s. 605). В этом источнике указан автор Ю.И.К. Коссаковский и заглавие оригинала на польском языке. Благодаря проверке по книге «Повести, анекдоты и смесь, изданные М.Т. Каченовским» (ч. 2) выявлен переводчик текста, М.Т. Каченовский. Зачастую фамилия в конце текста предоставляет составителю выбор: это автор или переводчик?

Атрибутирование усложнялось еще и тем, что некоторые авторы-издатели (особенно М.Н. Макаров) склонны были к мистификациям. В «Московском курьере» (1805–1806) сомнителен сам издатель, Сергей Матвеевич Львов, которого Макаров называл то реальным лицом, то вымышленным (причем это якобы коллективный псевдоним). Спорно и существование некоторых авторов, например, А.А. Безниной, ее сестры княгини Е.А. Трубецкой, Руфа Безнина. Правда, в «Русских писателях, 1801–1917», хотя и с оговорками, помещена статья об А.А. Безниной [Лепехин, 1989].

Роспись журнала XVIII–XIX вв. «Детское чтение...» была выполнена для второго тома СКС XIX в 2000 г. И только в 2015 г. появилось издание харьковского филолога и переводчика В.И. Симанкова. Автор проделал большую работу, выявив иностранные источники каждого из фрагментов журнала. Между делом, он сурово указал на неточности нашей росписи, правда, признав отсутствие комплексных исследований французского журнала “L’Ami des Enfants”. Впрочем, столь же сурово опровергает автор и такого известного библиографа, как В.Д. Рак. Разумеется, мы используем все находки Симанкова в дополнениях к пятому тому.

Примечание к записи представляет собой нередко многоэлементную структуру, от тома к тому расширяющуюся. Самый сложный элемент — аннотация, передающая содержание публикации. Она необходима при

большом количестве неинформативных заглавий («Анекдот». «Письмо» и т.д.). Для дальнейшей атрибуции нужны подсказки.

Вопрос в том, насколько подробно требуется раскрывать содержание. В одних случаях достаточно указать действующих лиц текста. В других имена позволяют выйти на источник, упоминание в специальной литературе. Например: «Восточная сказка» — о егип. султানে Бенсаиде и его сыне Кихтабе. Из журн. “The universal magazine of knowledge and pleasure” (1772. Febr.). См.: *Левин Ю.Д.* Восприятие английской литературы в России. Л., 1990. С. 86 (№ 189). («Детское чтение для сердца и разума». 1802, ч. 1). Симанков прибавляет к английскому источнику еще два более поздних: немецкие издания 1781 и 1783.

В документальных публикациях требуется более подробное пояснение. Пример из росписи содержания «Русского Вестника»: [Глинка С.Н.] Мысли по случаю представления русской комедии Ябеды, генваря 2 1808. С. 112—118. — В конце рец. напоминание Изд.: он переводил либретто фр. оперы «Глубокий траур», но в этом раскаивается. Имеется в виду пер. либретто Ж.Б.Ш. Виалю и Ш.Г. Этьена на музыку А. Бертона. См. История русского театра... Т. 2. С. 465. Либретто оперы «Глубокий траур» (Le grand deuil) — рукопись СПбТБ. Глинка находит, что рус. судейские чиновники были хороши (Русский вестник. 1808. Ч. 1. № 1).

Вряде случаев имеет смысл изложить историю вопроса, захватывающего несколько публикаций. Скажем, в книжке второй за 1814 год Глинка поместил на с. 62—71 часть переписки М.И. Кутузова с атаманом Донского казачьего войска, графом М.И. Платовым (письма 1813 г.). Заголовки безличны: «Письмо князя Кутузова» и «Письмо князю Кутузову». Язык старинных писем далеко не всегда внятен. Приведу цитату из письма Платова к Кутузову от 12 января: «С истиннейшею признательностью спешу я совокупно и с войском принести вашей светлости совершенное и покорнейшее наше благодарение за величайшую мысль вашей светлости в разсуждении сделания четырех евангелистов, а до сего сия мысль ваша нам была непонятна» (с. 70—71). Платову была непонятна мысль Кутузова. В настоящее время нам она тем более не ясна. Каких евангелистов сделал Кутузов? Определить смысл письма без сравнения с двумя предшествующими нельзя. Только внимательно прочитав письма от 18 декабря и 26 декабря, можно уяснить, что воины-донцы по ходу кампании экспроприировали серебро, выкраденное в русских церквях, у французских военных. Платов просил Кутузова передать его в собор Казанской Божьей матери в Петербурге и из этого серебра отлить оклады. Кутузов пишет: «дабы молить ее (Божью мать) о даровании мне сил для истребления иноплеменника...» Платов предлагал из серебра отлить оклады иконам 12 апостолов, но Кутузов считал: среди великолепия украшений храма оклады будут незаметны. Лучше употребить серебро на оклады икон четырех евангелистов. Все эти подробности интересны для историка, тем более религиозного, поэтому в аннотации стоит о них рассказать, конечно, кратко.

Одно выяснение рождает другое. Скажем, описывается статья «О полезных книгах для воспитания». Заглавие само по себе мало информативно. Надо пояснить, о каких конкретно произведениях, книгах идет речь, так как наш Сводный каталог имеет книговедческие приоритеты. Автор (видимо, Глинка), в статье возмущается книгой на французском языке: «Сосланные

в Сибирь, или Граф N.N.», пагубной для воспитания. Вышла ли эта вредная книга в русском переводе? Книга с таким заглавием не находится по каталогам. Только поиск в сети позволил понять, что речь идет о романе С. Коттен, переведенном под названием «Елисавета Л*, или Нешастие семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного» (М., 1807). См. Сводный каталог рус. кн., 1801–1825. № 3752–3756. Переиздан четыре раза. Роман основан на реальной истории П.Г. Лупаловой, дочери сосланного Павлом I в 1788 г. прапорщика. В 1804 г. «Параша-сибирячка» дошла пешком из Сибири в Петербург и вымолила прощение отцу. О Параше-сибирячке в Генеральном алфавитном каталоге РНБ можно найти множество анонимных книг, а также повесть Ксавье де Местра “Prascovie ou La jeune Sibérienne”. О Лупаловой писали в журналах «Друг просвещения», «Северный вестник». Нас интересуют все переклички между журналами.

Другая группа примечаний связана с литературно-художественным контекстом публикации: перепечатками в других изданиях, литературной полемикой, зарубежными первоисточниками. Обратимся к примерам: Нелединский-Мелецкий Ю.А. Песня («Когда веселий на крылах...») / Нелединский. С. 131–132. Имеются ноты. Музыка г. Касторского. Напеч. также в ВЕ. СКХ XIX 6540. Загл. фр. ориг.: Quand sur les ailes des plaisirs. Авт. фр. ориг.: Ханыков, Василий Васильевич (1759–1829). См. Словарь рус. пис. XVIII в. Вып. 3. С. 327–329. Текст перепеч. в кн. Ю.А. Нелединского-Мелецкого («Стихотворения» (СПб., 1876. С. 154–156).

В литературно-художественных журналах и альманахах приходится передавать содержание (основные события) беллетристических произведений с неинформативными заглавиями. Примеры: [Валь А.] Антония: Из тайной истории, некоторой столицы. [Соч: А. Валя; с немец: перев: И. Ренованс]. С. 181–187. Текст начинается со слов: «“Антония!” — сказал обер-камергер О*** своей дочери...» История о том, как граф решил выдать замуж Антонию за некрасивого министра со стеклянным глазом. Она не смогла с ним жить, но встретила барона А***, ротмистра гвардии Фердинанда. Выяснилось, что он то и повредил глаз ее мужу, но тот не стал его преследовать. Антония возвращается к великодушному супругу. Пер. публиковался также в СО за 1823 г. («Северный Меркурий». 1809, ч. 4, книжка 9).

Возникает вопрос, насколько подробным и в каком стиле должно быть изложено содержание повести или романа, особенно разделенного на несколько продолжающихся частей. Это зависит от предпочтений составителя. Вот пример из «Северного Меркурия»: Юнгер И.Ф. Юлия / Сочинение Ф. Юнгера; пер. с нем. И. Ренованс. С. 1–28. О балерине Юлии Экштейн, которую увидел герой на балете «Мальсина», влюбился и женился на ней. Мнимая измена жены с кавалером Браунштейном. Он оказался сестрой жены, Эмилией, притворявшейся мужчиной.

Разумеется, составители сводного каталога пользуются наработками филологов, существующими справочниками, однако и наш каталог в ряде случаев корректирует эти справочники. Скажем, в Словаре писателей XVIII в., в статье о Константине Васильевиче Злобине публикации «Русского вестника» В.П. Степановым не учтены [Степанов, 1988]. Стихотворения, принадлежащие Андрею Александровичу Тейльсу из «Северного Мерку-

рия», приписаны в том же Словаре С.Н. Травниковым Антону Антоновичу Тейльсу, а его же произведение «Путешествие молодого человека в Норвегию» вовсе не упомянуто [Травников, 2010]. Правильная атрибуция произведена сотрудником сектора сводных каталогов А.Р. Румянцевым. Кстати, статья об Андрее Александровиче Тейльсе в Словаре отсутствует. В примечаниях к изданиям в серии «Библиотека поэта» не учтены первые публикации некоторых классиков, например в «Соревнователе просвещения и благотворения».

Думается, не только филологам, историкам, любителям книги из России, но и зарубежным исследователям, и читателям каталог окажется полезен. В то же время нам приходилось встречаться со случаями, когда росписи журналов РНБ помещались в Интернете без ссылок на первоисточник.

К каким результатам мы пришли в 2021 г.? Описание российских журналов первой четверти XIX в. должно вместиться в шесть томов. Пятый том хотелось бы выпустить в 2022 г. Электронная форма СКС XIX находится в постоянном движении. До недавнего времени читатель мог (и сейчас может) осуществлять поиск по росписям содержания журналов 1–3 томов (84 журнала с заглавиями от А до М). Для поиска нужно среди электронных каталогов на сайте РНБ найти раздел «периодические и продолжающиеся издания», а в нем позицию «Русские журналы первой четверти XIX века. Роспись содержания (Primo)».

Однако программное обеспечение в библиотеке меняется, и для поиска по содержанию журналов четвертого тома (заглавия на буквы «Н»–«П») нужно войти в общий электронный каталог РНБ (новый интерфейс), где среди «сводных каталогов» обнаруживается и «Сводный каталог сериальных изданий России». В настоящее время готовятся сканированные изображения текстовых страниц сводного каталога, которые будут приложены к краткому описанию.

Источниковая база постоянно расширяется, методика совершенствуется. Свои замечания, предложения присылают как филологи из Пушкинского дома, так и библиографы-любители.

Наш первый почетный консультант В.Э. Вацура написал в отзыве на рукопись первого тома: «Выход этой книги — событие, которому предстоит отбрасывать рефлексии на многие десятилетия вперед, стимулируя исследование и порождая исследования. Для историка русской литературы это издание — может быть, самое необходимое из всех, какие намечались или осуществлялись в обозримый для него период». Вероятно, выдающийся ученый несколько преувеличивал, но сам он внимательно прочитал рукопись и дал ряд ценных уточнений. Время от времени мы получаем библиографические «подарки» в виде дополнений, исправлений и от других сотрудников Пушкинского дома (например, от В.Д. Рака, К.Ю. Лаппо-Данилевского, Г.Г. Мартынова). В подготовке статьи о «Духе журналов» использовались материалы библиографа М.А. Любавина.

Было бы наивно полагать, что СКС XIX «закроет» тему русской периодики 1801–1825 гг. В других библиотеках, архивах, музеях найдутся редкие экземпляры и даже издания, о которых мы не подозреваем, будут сделаны новые атрибуции. В свою очередь, и мы дадим материал для исследований, например, о переводах в русской литературе. История литературы, журналистики делается только совместными усилиями.

Список литературы

1. Айзикова И.А. Прозаические переводы В.А. Жуковского в «Вестнике Европы» // От Карамзина до Чехова. Томск, 1992. С. 77–88.
2. Кафанова О.Б. Переводы Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы» // XVIII век. Л., 1991. Сб. 7. С. 249–283.
3. Лепехин М.П. Беззина А.А. // Русские писатели: 1800–1917. М., 1989. Т. 1. С. 197–198.
4. Лупарева Н.Н. Отечестволюбец: общественно-политическая деятельность и взгляды С.Н. Глинки. Воронеж, 2012.
5. Минакова А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011.
6. Симанков В.И. Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» // XVIII век. Сб. 28. Л., 2015. С. 343–344.
7. Степанов В.П. Злобин К.В. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. Л., 1988. С. 338–340.
8. Травников С.Н. Тейльс А.А. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. Л., 2010. С. 223–224.

Evgenii Sokolinsky

JOURNALS OF THE ALEXANDER ERA IN THE MIRROR OF THE NATIONAL BIBLIOGRAPHY

*National Library of Russia
18 Sadovaja Str., St. Petersburg, 191069*

The paper describes the bibliographic originality of the “Consolidated Catalogue of Serial Publications of Russia, 1801–1825”, prepared by specialists of the Russian National Library. It comprises four volumes of a magazine catalogue, published in 1997–2015; up to the letter “П” (P).

Key words: bibliography; Russian National Library; magazines; “Consolidated Catalogue of Serial Publications of Russia, 1801–1825”.

About the author: *Evgenii Sokolinsky* — Prof. Dr., Pedagogical Sciences, Head of the Sector of Consolidated Catalogues of the Russian National Library (e-mail: sokolinskij_evge@mail.ru).

References

1. Ajzikova I.A. Prozaicheskie perevody V.A. Zhukovskogo v “Vestnike Evropy”. [Prose translations of V.A. Zhukovsky in Vestnik Evropy] *Ot Karamzina do Chehova*. [From Karamzin to Chekhov]. Tomsk, *Tomsk Univ. Publ.*, 1992, pp. 77–88.

2. Kafanova O.B. Perevody N.M. Karamzina v “Vestnike Evropy”. [Translations of N.M. Karamzin in The Herald of Europe] XVIII vek [18th century] Leningrad, *Nauka Publ.*, 1991. Issue 7, pp. 249–283.
3. Lepehin M.P. Beznina A.A. *Russkie pisateli: 1800–1917*. [Russian writers: 1800–1917]. Moscow, *Bol’shaia Sovetskaia Entsiklopediia Publ.*, 1989. Vol. 1, pp. 197–198.
4. Lupareva N.N. *Otechestvoljubec: obshhestvenno-politicheskaja dejatel’nost’ i vzgljady S.N. Glinki*. [Otechestvoljubets: Socio-political activity and views of S.N. Glinka]. Voronezh, *Voronezh Univ. Publ.*, 2012.
5. Minakova A.Ju. *Russkij konservatizm v pervoj chetverti XIX veka*. [Russian conservatism in the first quarter of the 19th century]. Voronezh, *Voronezh Univ. Publ.*, 2011.
6. Simankov V.I. Istochniki zhurnala “Detskoe chtenie dlja serdca i razuma”. [Sources of “Children’s Reading for Heart and Mind” magazine] XVIII vek [18th century] Issue 28. St. Petersburg: *Nauka*, 2015, pp. 343–344.
7. Stepanov V.P. Zlobin K.V. *Slovar’ russkikh pisatelej XVIII veka*. [Dictionary of 18th century Russian Writers] Issue 1. Leningrad: *Nauka Publ.*, 1988, pp. 338–340.
8. Travnikov S.N. Tejl’s A.A. *Slovar’ russkikh pisatelej XVIII veka*. [Dictionary of 18th century Russian Writers] + Issue 3. St. Petersburg, 2010, pp. 223–224.

РЕЦЕНЗИИ

Н.И. Миронова

**ЯЗЫК В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ:
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ /**

Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. М.: РАН. ИНИОН.

Центр гуманит. науч.-информ. исслед., 2021. 226 с.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Содержание рецензируемого сборника шире заявленного и отражает современные тенденции исследования конфликта: конфликт между контактирующими языками в мультиэтнических государствах в современном мире и в истории; конфликт в интернет-коммуникации; конфликт в разных типах дискурса (художественном, историческом, институциональном); сущность конфликта и его концептуальная сторона. В двух разделах рецензируемого сборника нашли отражение теоретические аспекты конфликтологии и лингвистические особенности конфликтогенной составляющей. При этом тематическая широта материала не вступает в противоречие с его целостностью. Неизменной остается сущность конфликта как противоборства, столкновения идей, практик, интересов и пр. В публикациях использован богатый эмпирический материал: данные русского, английского, немецкого, испанского, французского и китайского языков. Несомненно, высокий научный уровень исследований и новизна авторских идей позволяют адресовать его специалистам в разных сферах гуманитарной науки.

Ключевые слова: конфликт; конфликтоген; языковая политика; языковые контакты; языковые конфликты; интернет-коммуникация; речевая агрессия; институциональная коммуникация.

Сборник содержит два раздела. Раздел «Теоретико-концептуальные аспекты конфликтологии» открывает статья Р.К. Потаповой «О комбинаторно-конверсиональной сущности конфликтогена». На основе классической религиозно-философской триады «мысль — слово — дело» автор строит интересную модель решающего элемента в динамике конфликта — конфликтогена. Представленная модель хорошо согласуется с современ-

Миронова Наталья Изяславовна — доктор филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mironnat@rambler.ru).

ными представлениями о динамике конфликта. Статья В.М. Алпатова «О контактах и конфликтах языков» посвящена анализу языковой политики государств с контактирующими языками при наличии конфликта между господствующими языками и языками меньшинств. Автор делает убедительные выводы и ставит интересные вопросы. В.М. Костева, автор статьи «Языковые конфликты в тоталитарных государствах», фокусирует внимание на ситуации в тоталитарных государствах XX в. Языковые конфликты автор логично связывает с политикой ассимиляции населения. В статье Э.Б. Яковлевой «Идеи глобализма Александра Македонского и древнегреческий язык как *lingua franca* эпохи эллинизма» речь идет о воплощении в жизнь планов Александра Македонского объединить завоеванные государства и распространить там эллинистическую культуру и греческий язык. Раздел сборника «Языковые особенности анализа конфликтологической составляющей (на материале русского, английского, немецкого и испанского языков)» открывается статьей В.В. Потапова и Н.Е. Масловой «О структурном моделировании провокационно-эвокационных словоформ. Авторы тщательно анализируют деривационные, субституциональные, графемо- и морфемо-перестановочные средства русского языка, служащие в сетевой коммуникации для реализации провокационно-эвокационных установок пользователей с фрустрирующей социальной позицией. Г.Е. Кедрова и Гун Мин в статье «Контрастивно-языковое исследование сетевой коммуникации в русском и китайском сегментах интернета» на основе анализа цветообозначений в текстах Рунета и китайского Интернета доказательно демонстрируют изменение «активного коннотативного репертуара лексико-семантических групп цветообозначений» (с. 62) в русском и китайском языках в условиях информационной глобализации. Статья А.В. Циммерлинга «Контакты и конфликты в языке посольских книг Ивана III» содержит серьезный анализ посольских книг Ивана III с опорой на богатый исторический материал. О.Е. Фролова в статье «Социальные контакты и речевые конфликты (на материале повести А. Платонова «Котлован»)» на примере идеологической и административной лексики убедительно показывает конфликт А. Платонова с языком его времени. Н.Н. Германова в статье «Нормирование языка: территория конфликта» строит типологию языковых конфликтов, вызванных нормированием языка. В фокусе внимания автора статьи «Трехязычие в Шотландии как результат социально-политических трансформаций в стране и мире» М.Б. Варенко — языковая ситуация в современной Шотландии. Е.Г. Беляевская в статье «Фрейм “CONFLICT” в языке и тексте» заключает, что «в английском языке фрейм «конфликт» акцентирует идею непримиримых противоречий и идею (агрессивной) борьбы, что не является определяющим для соответствующего фрейма русского языка» (с. 145). Последний вывод кажется нам требующим подтверждения на более широком эмпирическом материале. Т.И. Шевченко в статье «Французский след в английском ударении: конфликт или компромисс?» обоснованно заключает, что определяющими в английском лексическом ударении остаются рецессивная и ритмическая тенденции. Явление эвфемии в статье Л.В. Порохницкой и С.М. Тепляковой «Интеракция vs конфликт концептов в семантике эвфемизма (на материале английского

и французского языков)» оригинально трактуется как амбивалентное и внутренне противоречивое. И.А. Гусейнова в статье «Конфликтогенные факторы институциональной коммуникации» в числе таких факторов называет «необдуманное использование языковых средств, применение оценочных высказываний, употребление гендерно маркированной лексики и др.» (с. 175). В статье Л.В. Моисеенко и А.А. Евдокимовой «Контактирующие языки и языковые конфликты (на примере языков Испании)» подробно рассматриваются языковые конфликты при взаимодействии региональных и миноритарных языков Испании. О.К. Клименко в статье «Испано-английские языковые контакты на территории США» детально анализирует явление испано-английского двуязычия как способ адаптации растущего испаноязычного населения к жизни в США.

Nataliya Mironova

**LANGUAGE IN THE GLOBAL CONTEXT:
LANGUAGE CONTACTS AND LANGUAGE CONFLICTS
IN THE MODERN WORLD.**

Potapov V.V., Kazak E.A. (eds.). INION RAN, 2021. 226 p.

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The content of the reviewed collection is wider than stated as it reflects modern trends in the conflict study: conflict between contacting languages in multiethnic states in the modern world and in history; conflict in Internet communication; conflict in different types of discourse (historical, institutional; fiction); the essence of the conflict and its conceptual side. In two sections of the reviewed collection, the theoretical aspects of conflict management and linguistic features of the conflict-generating component are reflected. But the thematic scope of the material does not conflict with its integrity. The essence of the conflict remains unchanged, it is a confrontation, a clash of ideas, practices, interests, etc. The publications used a rich empirical material: data from Russian, English, German, Spanish, French and Chinese. Undoubtedly, the originality of the authors' ideas and the high scientific level of research make it possible to recommend the reviewed collection to specialists in different areas of the humanities.

Key words: conflict; conflict-generating; conflict component; language policy; language contacts; language conflicts; Internet communication; speech aggression; institutional communication.

About the author: *Nataliya Mironova* — Prof. Dr., Senior Researcher, Laboratory of Fonetics and Speech Communication, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mironnat@rambler.ru).

В.А. Воропаев

**Голубева Е.И. Н.В. ГОГОЛЬ И БИБЛИЯ:
К ИСТОКАМ ЗАГАДОЧНЫХ СМЫСЛОВ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЯ.
М.: Паломник, 2019. 168 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рецензируется исследование Е.И. Голубевой, посвященное реминисценциям из Св. Писания в произведениях Гоголя и вводящее в научный оборот маргиналии писателя на принадлежавшем ему экземпляре Библии.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь; Библия; Е.И. Голубева.

В основу монографии положена кандидатская диссертация автора «Библейский текст в творчестве Н.В. Гоголя», защищенная на кафедре истории русской литературы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 2016 г. И сама диссертация, и изданная на ее основе научно-популярная книга представляют собой оригинальное, системное исследование, в ходе которого установлены и проанализированы многочисленные реминисценции из Священного Писания в произведениях Гоголя, подробно рассмотрен вопрос о пометах писателя на страницах принадлежавшей ему Библии (ныне хранится в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом)). В научный оборот введены 13 неизвестных или не публиковавшихся ранее карандашных маргиналий Гоголя, что является важным научным открытием.

Новонайденные пометы писателя на личной Библии помогают понять сокровенный смысл его произведений, уяснить авторский замысел. Вот одна из таких помет, свидетельствующая о пристальном и постоянном интересе Гоголя к постижению смысла православного богослужения. Против слов св. апостола Павла *Что убо есть, братие; егда сходитесь, кийждо вас псалом имать, учение имать, язык имать, откровение имать, сказание имать: вся же к созиданию да бывают* (1 Кор. 14: 26)¹ **Гоголь** начертил карандашом: «Литургия». Помета расположена вверху страницы и, возможно, относится ко всей главе, а не только к отдельному стиху.

Воропаев Владимир Алексеевич — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: voropaevvl@bk.ru).

¹ Русский синодальный перевод: «Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование — все сие да будет к назиданию».

Очевидно, что в данной главе св. апостол говорит о духовных дарах, которые должны быть обращены к созиданию Церкви, на пользу всех ее членов. Апостольское зачало, в которое входит 1 Кор. 14: 26, читается на Литургии 5/18 августа, в предпразднство Преображения Господня², что, очевидно, указывает на духовно преобразующую силу церковной службы. Святые отцы также связывают учительные слова апостола с православным богослужением. Так, преподобный Ефрем Сирийский в своем **толковании 1-го Послания к Коринфянам св. апостола Павла** говорит: «Итак, *когда сходите* для совершенно служения или единосубботия (воскресного богослужения), то кто знает *псалом*, пусть поет, — *кто учение имеет*, пусть учит, — и, таким образом, по одиночке друг за другом пусть говорят все *к созиданию Церкви*». [Святой Ефрем Сирийский, 1995: 99].

Святитель Феофан Затворник, обобщая духовный опыт святых отцов, пишет: «Что из всего сказанного выходит? Как вам следует поступать? Вот как! Собрались вы в церковь; каждый имеет что-либо от Духа Божия: кто псалом, всякого рода молитвенное к Богу обращение, прошение, благодарение, славословие Богу Спасителю нашему, в Господе Иисусе Христе, благодатию Святого Духа; кто — учение, догмат, нравочение, совет, решение недоумений; кто — *откровение* — прозрение в будущее, узрение сокровенного в настоящем, или прошедшем, uvedenie таин сердечных: „откровением названо пророчество“ (Экумений, Феофилакт); кто — язык, дар, все показанное говорить на языке чуждом; кто — сказание, дар истолковывать сказанное на языке непонятном. Итак, собрались вы в церковь со всем этим богатством духовным: вот вам общий закон на употребление его: вся к созиданию да бывают. Помните, что никто ничего не получает исключительно для себя, но все, что ни получает, получает для всего собрания верующих. С ним он и должен делиться, не славы своей ища, а исполняя Божие поручение относительно дарованного. В самом даровании Бог будто говорит каждому: возьми и раздай» [Толкование Первого послания св. апостола Павла, 1894: 514].

По слову св. апостола, всякий духовный дар должен служить к назиданию присутствующих за богослужением. Это основное правило употребления дарований Гоголь, как и полагается христианину, применил к самому себе: свой талант писателя он употребил на объяснение Божественной Литургии³. В этом, по всей видимости, и заключается сокровенный смысл пометы «Литургия» на полях принадлежавшей ему Библии. Гоголь, несомненно,

² Как православный христианин Гоголь строил свою жизнь в соответствии с церковным календарем, который, в частности, содержит цикл апостольских и евангельских чтений для духовного возрастания человека. Возможно, этим обстоятельством объясняется тот факт, что в личной Библии Гоголя нет помет на последней книге Нового Завета — Откровении святого Иоанна Богослова (Апокалипсисе), единственной из новозаветных книг, не используемой за богослужением.

³ Напомним, что книга Гоголя «Размышления о Божественной Литургии» стала для него итоговой и занимает особое место в его творчестве. Цель этого духовно-просветительского труда, как ее определил сам писатель, — «показать, в какой полноте и внутренней глубокой связи совершается наша Литургия, юношам и людям, еще начинающим, еще мало ознакомленным с ее значением» [Гоголь, 2009, т. 6: 349].

понимал значение греческого слова «литургия» — «общее дело». Размышляя над общим (для всех христиан) значением апостольских слов⁴, он не мог не думать и о своем писательском участии в «общем деле».

По словам И.М. Андреева (настоящая фамилия Андреевский), профессора Свято-Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле (США), «огромный дар словесного художественного творчества был ниспослан Гоголю свыше, с одной стороны, как евангельский талант, требующий умножения и роста, а с другой — как исключительное богатство, препятствующее достижению Царства Небесного» [Андреев, 2009: 223]. Гоголь стремился распорядиться своим богатством, то есть талантом, по-евангельски. «Способность созданья есть способность великая, — писал он А.О. Смирновой 22 февраля (н. ст.) 1847 г. из Неаполя, — если только она оживотворена благословением высшим Бога. Есть часть этой способности и у меня, и я знаю, что не спасусь, если не употреблю ее, как следует, в дело» [Гоголь, 2009, т. 14: 123].

В рецензируемой книге на конкретных примерах рассмотрены смысловые параллели помет с текстом произведений Гоголя (хотя, разумеется, здесь еще немало предстоит сделать исследователям), предложен анализ ветхозаветных и новозаветных реминисценций в повестях «Страшная месть», «Нос», «Вий», «Шинель», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», в поэме «Мертвые души» (прежде всего во втором томе), а также в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Несомненным достоинством исследования является постановка вопроса о динамике гоголевского библейского текста в связи с эволюцией творчества писателя. В работе чувствуется фундаментальность и основательность в обосновании этико-религиозных воззрений Гоголя, автором учтен опыт отечественных и зарубежных исследователей. В целом книгу отличает композиционная стройность, логическая последовательность в изложении материала. Нет сомнения, что издание будет востребовано как специалистами-филологами, так и широким кругом читателей, всеми, кто любит Гоголя и русскую словесность.

Список литературы

1. *Андреев И.М.* Русские писатели XIX века. Очерки по истории русской литературы XIX века. М., 2009.
2. *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. М.; Киев, 2009.
3. Святой Ефрем Сирий. Творения. Т. 7: Толкование на послания ап. Павла. Репринтное издание. М., 1995.
4. Толкование Первого послания св. апостола Павла к Коринфянам. Епископа Феофана. Изд.2-е. М., 1893 / Репринтное издание: М., 1983.

⁴ В сохранившихся главах 2-го тома «Мертвых душ» откупщик Муразов говорит помещику Хлобуеву: «Что ж другое все способности и дары, которые разные у всякого? Ведь это орудия моленья нашего: то — словами, а это делом» [Гоголь, 2009, т. 5: 345].

Vladimir Voropaev

**Golubeva E.I. N.V. GOGOL AND THE BIBLE:
TO THE ORIGINS OF MYSTERIOUS MEANINGS
IN THE WRITER'S WORKS. Moscow: Pilgrim, 2019. 168 pp.**

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article reviews a study by E.I. Golubeva on reminiscences from the Holy Scripture in Gogol's works, which introduces the writer's marginalia on his Bible copy.

Key words: N. Gogol; The Bible; Ekaterina Golubeva.

About the Author: *Vladimir Voropaev* — Prof. Dr., Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: voropaevvl@bk.ru).

References

1. Andreev I.M. *Russkie pisateli XIX veka. Ocherki po istorii russkoi literatury XIX veka.* [19th century Russian writers. Essays on the history of 19th century Russian literature.] Moscow: *Russkii palomnik Publ.*, 2009. 592 pp.
2. Gogol' N.V. Poln. sobr. soch. i pisem: V 17 t. [Complete Works: In 17 vol.] M.; Kiev, *Publishing house of the Moscow Patriarchate*, 2009.
3. Sviatoi Efrem Sirin. *Tvoreniia.* T. 7: Tolkovanie na poslaniia ap. Pavla. Reprintnoe izdanie. [St Ephrem the Syrian. Works. Vol. 7: Commentary on the Epistles of St. Paul. Reprint Edition.] Moscow, *Otchij dom Publ.*, 1995.
4. Tolkovanie Pervogo poslaniia sv. apostola Pavla k Korinflanam. Episkopa Feofana. Izd. 2. M., 1893 / Reprintnoe izdanie. [Interpretation of the First Epistle of St Paul to the Corinthians. Bishop Theophanes. Ed. 2. M., 1893. Reprint edition] Moscow, 1983.

И.В. Монисова

**ЗЕЛЕНЕЕ КОЛЬЦО.
ИЗБРАННАЯ ДРАМАТУРГИЯ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА.
Сычуань: Сычуань, 2021. 335 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Представлена новая книга переводов на китайский язык русской драматургии. Речь идет об избранных пьесах писателей, в основном представляющих модернистское крыло литературы Серебряного века. Переводчик руководствовался в своем выборе не только желанием показать репрезентативные тексты и многообразие проблематики и форм русской модернистской драмы, но и соображениями прагматическими: ему важно было выявить материал, обладающий поучительной и эстетической ценностью для современного человека, способным затронуть его чувства и сознание, а также повлиять на обновление современной китайской сцены.

Ключевые слова: драматургия Серебряного века; модернизм; переводы; китайский контекст; современная сцена.

«Зеленое кольцо. Избранная драматургия Серебряного века» — под таким названием в Пекине в народном издательстве «Сычуань» в серии книг «Золотая Россия» вышел сборник пьес, созданных русскими художниками-модернистами Серебряного века. Издание самой серии инициировано профессором Института зарубежной литературы Пекинского университета иностранных языков, поэтом и переводчиком Ван Цзяньчао, автором исследований по русской литературе XX в. и новой китайской поэзии. Традиционно в «Золотой России» выходят переводы произведений русских писателей разных исторических эпох, с которыми читающая публика Китая еще мало знакома (от Крылова и Герцена до И. Богатыревой и Ю. Полякова). На этот раз отбор текстов и перевод пьес на китайский язык осуществил молодой доктор филологических наук, специалист по русской драме из Пекинского университета иностранных языков Юй Сян. Книга знакомит китайского читателя с образцами драматургического творчества Блока («Балаганчик»), Брюсова («Земля»), Сологуба («Победа Смерти»), Гиппиус («Зеленое кольцо»), Андреева («Анатэма») и Тэффи («Выслужился», «Контора Заренко»), т.е. каждый автор представлен одним репрезен-

Монисова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: monisova2008@yandex.com).

тативным полноформатным текстом, а Тэффи — двумя драматическими миниатюрами.

Составитель рассматривает это издание как начало своей работы в направлении изучения, переводов и популяризации драматургии Серебряного века в Китае. Пока в китайской науке этот материал исследован мало, хотя в целом творчество писателей русского модерна (особенно лирика) привлекает пристальное внимание современных филологов, искусствоведов и переводчиков. Так, упомянутый профессор Ван Цзяньчжао перевел на китайский язык антологию русской поэзии Серебряного века, книги стихов Блока, Мандельштама, Цветаевой и др. По мнению составителя «Зеленого кольца», причины того, что модернистскую драму до недавнего времени «обходили» специалисты и издатели, кроются в объективном доминировании в литературе Серебряного века новаторской поэзии, которая и подвергается в первую очередь научному осмыслению. Выдающиеся поэты мыслятся не столь квалифицированными мастерами в области театра. Справедливости ради, следует сказать, что и в России этот материал исследован далеко не исчерпывающе и редко попадает в репертуар театров, хотя ему посвящены известные работы Б. Бугрова, Т. Родиной, С. Стахорского, Г. Степановой, М. Михайловой, И. Уваровой, К. Рудницкого и др. Кроме того, драма и театр, а в особенности синтетическая драма Серебряного века, неотделимы от других видов искусства (музыка, живопись, пластика и т.д.) и требуют соответствующего многостороннего анализа, тогда как, по мнению составителя, большинство исследователей, не имея опыта интерпретации подобных театральных феноменов, предпочитает оставаться в рамках традиционного подхода к литературному тексту. Впрочем, среди китайских ученых есть те, кто обращался к драме Серебряного века в том или ином аспекте (Юй Сеньцин, Цзян Сюанлу, Сюй Ци, Ван Шуфу), а кроме того, в Китае выделяются гранты на исследование русской драматургии и театра разных эпох (наиболее масштабный из таких проектов — многотомник «История русской драмы», над которым работает команда русистов во главе с профессором Нанкинского университета Дун Сяо).

В книге, название которой дала пьеса Гиппиус 1916 г., собраны семь пьес, в определенной мере отражающих, с точки зрения составителя, многообразие тем и форм модернистской драмы. Работа с иноязычными текстами вековой давности сопряжена не только с трудностями перевода, что вполне ожидаемо, но и с вопросами практическими: какие пьесы могут заинтересовать современного китайского читателя и зрителя? Будет ли возможность увидеть их на сцене? Важно в этом случае, по мнению Юй Сяна, произвести отбор произведений, которые имеют дидактическую и эстетическую ценность для современного человека, могут затронуть его чувства и сознание. Такова, например, пьеса-антиутопия «Земля» Брюсова, которую драматург определил как «сцены будущих времен». Образы Земли, исчерпавшей природные ресурсы, и человечества, исчерпавшего способные спасения, проецируются на современный мир и оказываются удивительно актуальными. Созданная много раньше, чем роман-антиутопия Замятина «Мы», и ему созвучная, пьеса символиста обладает апокалиптическим, пророческим потенциалом и предупреждает о тупиках развития человеческой цивилизации. Близкие смыслы несет в себе пьеса Сологуба «Победа

смерти», также включенная в сборник: если история человечества приведет к тому, что в мире будут исчерпаны божественная энергия и красота, если окаменеют творческие силы, а на земле воцарятся зло и обман, тогда надо всё разрушить и вернуть Богу — и наступит новая эпоха. Брюсов и Сологуб обращаются к этим эсхатологическим мотивам в своих произведениях, не призывая, конечно, к разрушению реального мира, но выражая острую тревогу о судьбах человечества.

Современного китайского зрителя может захватить и театр Блока с его обращением к традиционным маскам народного балагана. Стилистика театра масок органична для китайской культуры, и его символический потенциал театральной аудитории известен. Не менее важно то, что Блок как поэт уже знаком читающей аудитории, и показать ей образцы драмы выдающегося лирика XX в. составитель считает чрезвычайно важным делом, тем более что поэты-символисты «в любом виде художественного творчества чувствовали себя прежде всего поэтами» [Бугров, 1993: 36], а свои драматические эксперименты Блок назвал «лирическими драмами», обозначив тем самым одно из важнейших направлений творческого синтеза. Кроме того, в пьесе «Балаганчик», как считает составитель, современный зритель может увидеть и переклички с фильмами Чарли Чаплина (о чем говорил в свое время Мейерхольд): «вечный» маленький человек, Пьеро, принимает свою фатальную трагедию, утрату любви с пронзительной иронией. Трагичность самой жизни за пределами жанра трагедии — это качество, которое сближает лирические драмы Блока с пьесами Чехова, хорошо знакомыми китайскому зрителю.

Экспериментальная по форме и по сути драматургия Леонида Андреева, пронизанная мотивами трагизма человеческого существования, представлена в сборнике пьесой 1909 г. «Анатэма». По мнению составителя, этот текст «русского Шопенгауэра», в котором показан бунт Проклятого против Неба и Вечности и переосмыслена в форме притчи о Давиде Лейзере история правоверного Иова, дает яркий пример использования условной формы для передачи актуального философского содержания: спора о пределах человеческого разума в познании тайн мироздания, о мере спасительности веры, о путях к бессмертию для человека.

«Зеленое кольцо» Зинаиды Гиппиус, заглавная для сборника пьеса, «экспрессионистская сатирическая комедия, имитирующая реалистическую социальную драму» [Арзамасцева, 2015], по меткому определению И. Арзамасцевой, — воспроизводит, уверен переводчик, весьма распространенную в русском и европейском театре коллизию: уставший от жизни герой среднего возраста влюбляется в юную героиню и остро ощущает разрыв времен и поколений. Молодежь отвергает привычные формы любви и брака, ищет свой путь и заново осмысливает вопросы пола и семьи. Однако драматург предлагает иной путь к счастью и спасению, вне светской любви — это коллективная общность, служение святому делу и идеалу «Третьего царства». Благодаря тому, что пьеса была призвана иллюстрировать философско-религиозную концепцию Мережковских, интерпретация традиционных коллизий в ней оригинальна, хотя многие критики и коллеги по перу упрекали автора в надуманности идей и характеров, видели в пьесе, как А. Гвоздев, «мысль, замирающую в абстрактной схеме» [Арзамасцева, 2015: 538].

В книге представлены и две из драматических миниатюр Тэффи: «Выслужился» и «Контора Заренко», — где в чеховских комических традициях высмеивается мещанство, лицемерие и глупость под маской внешних приличий и осваиваются острые и сегодня гендерные вопросы, показывается, как «женщина начинает теснить мужчин в областях, извечно им принадлежащих» [Михайлова, 2009: 52].

По словам составителя, книга уже получила отзывы и есть причины интереса к ней не только среди профессионалов-филологов или театроведов, но и в более широкой интеллектуальной среде. Книга представляет в новом качестве хорошо известных поэтов Серебряного века; дает современному человеку, исполняющему напряженную рутинную работу и имеющему ограниченное личное пространство, возможность получить новое эстетическое наслаждение, нестандартное знание и опыт, осознать значимость нематериальных факторов жизни, что сегодня весьма актуально. В репертуаре китайских театров преобладают традиционно реалистические пьесы и развлекательные комедии, которые позволяют делать сборы; крайне мало драматургов и режиссеров, предпочитающих язык условного искусства, способных отразить тайновидение и идеи преобразования мира, несмотря на то, что традиционное китайское искусство театра имеет разработанную систему условных образов и символический потенциал. В связи с этим есть надежда, что переводы русских драматургов эпохи модерна могут повлиять на обновление театрального репертуара, создание необычного зрелища для зрителя.

Переводчик работает и над другими пьесами прошлого рубежа веков — в частности, над драматургией Вячеслава Иванова и Иннокентия Анненского — и намерен представить китайским читателям и исследователям глубину литературной традиции и разнообразие достижений русского театра и драмы Серебряного века.

Список литературы

1. *Азрамцева И.* Три души провинциальной гимназистки (пьеса З.Н. Гиппиус «Зеленое кольцо») // Новое литературное обозрение. 2015. № 5. С. 171–182.
2. *Бугров Б.* Драматургия русского символизма. М., 1993.
3. *Михайлова М.В.* «Бабы с пьесами»... в эпоху modern // Женская драматургия Серебряного века. СПб., 2009.

Irina Monisova

GREEN RING. SELECTED DRAMA OF THE SILVER AGE.

Sichuan: Sichuan, 2021. 335 p.

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

A new book of translations of Russian drama into Chinese has been published. These are selected plays by writers, mainly representing the modernist wing of Silver

Age literature. The translator was guided in his choice not only by the desire to show representative texts and a variety of problems and forms of Russian modernist drama, but also by pragmatic considerations: it was important for him to identify material that has an instructive and aesthetic value for a modern person, capable of touching his feelings and consciousness, as well as influencing to renew the

Key words: drama of the Silver Age; modernism; translations; Chinese context; contemporary scene; modern Chinese scene.

About the author: *Irina Monisova* — PhD, Associate Professor, Department of the History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: monisova2008@yandex.com).

References

1. Azramastseva I. Tri dushi provintsial'noi gimnazistki (p'esa Z.N. Gippius "Zelenoe kol'tso") [Three souls of a provincial schoolgirl (play by Z.N. Gippius "The Green Ring")]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [The New literary Review], 2015, № 5, pp. 171–182.
2. Bugrov B. Dramaturgiia russkogo simvolizma [Drama of Russian Symbolism]. Moscow: *Skify Publ.*, 1993. 63 p.
3. Mikhailova M.V. "Baby s p'esami"... v epokhu modern ["Women with plays" ... in the modern era]. *Zhenskaia dramaturgiia Serebrianaogo veka* [Women's drama of the Silver Age]. Saint-Petersburg: *Hyperion Publ.*, 2009. 568 p.

А.Е. Беликов, Г.В. Москвин

ДЕНЬ НАУКИ НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ — 2021

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Отчет о прошедшей 12–23 апреля 2021 г. на филологическом факультете Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (День науки) содержит сведения о количестве и составе участников, межфакультетских подсекциях и специальных презентациях, лучших докладчиков и наградах. Дается также подробное описание прошедшего в рамках форума круглого стола «Учим русскую литературу», организованного филологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова и Университетом Северной Аризоны (США).

Ключевые слова: конференция Ломоносов; День науки; молодежный форум; международное сотрудничество.

С 12 по 23 апреля 2021 г. в Московском государственном университете прошла традиционная Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». В рамках конференции филологическим факультетом была подготовлена и организована работа секции «Филология» — одной из самых популярных гуманитарных секций Международного молодежного научного форума «Ломоносов» — а также круглого стола «Учим русскую литературу», благодаря сотрудничеству филологического факультета и Университета Северной Аризоны (США) ставшего новым и ярким событием, привлечшим внимание участников конференции.

Общие сведения о секции «Филология»

В 2021 г. для участия в работе секции «Филология» было подано 1018 заявок, авторы которых должны были предложить тему доклада и тезисы для оценки экспертами. Интересным представляется то обстоятельство,

Беликов Алексей Евгеньевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: belikov.smu@gmail.com).

Москвин Георгий Владимирович — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: georgii_moskvin@mail.ru).

что количество заявок¹ оказалось на уровне «доковидных» 2018 и 2019 гг., что объясняется активным использованием дистанционных технологий, сделавших возможным участие в конференции для молодых ученых и из разных регионов, и из зарубежных стран: Азербайджана (из Баку), Армении (из Еревана), Белоруссии (из Витебска, Гродно, Минска, Новополоцка), Боснии и Герцеговины (из Бая-Луки), Греции (из Комотины), Италии (из Милана), Казахстана (из Алматы, Нур-Султана, Павлодара), Киргизии (из Бишкека), Китая (из Пекина, Шэньчжэня), Польши (из Познани), Сербии (из Белграда), Турции (из Стамбула), Узбекистана (из Ташкента, Нукуса, Самарканда, Ферганы), Украины (из Донецка, Луганска).

По результатам работы экспертных комиссий была отобрана 651 заявка (тезисы этих участников были опубликованы²). Среди отобранных заявок хотелось бы выделить значительный вклад следующих российских вузов: СКФУ — 26 работ; РУДН — 19; СПбГУ — 19; ТГУ — 17; МГОУ — 16; НИУ ВШЭ — 15; ДВФУ — 12; СВФУ им. М.К. Аммосова — 12; КФУ — 11; ВГУ — 10; МПГУ — 9; УрФУ — 9; ЮФУ — 9; ТвГУ — 8; ВлГУ — 7; Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина — 7; ЛГУ им. А.С. Пушкина — 7; МГУ им. Н.П. Огарёва — 7 работ. Из зарубежных университетов наиболее значительным был вклад ДонНУ — отобрано 16 работ.

Работа подсекций и награждение участников

Заседания 56 подсекций были проведены в два дня — 15 и 16 апреля. Состоялось 638 выступлений, и организаторы рады отметить возросшую дисциплинированность участников, а также поблагодарить их за усилия, потраченные на работу в непростых условиях пандемии. Традиционно самыми большими по числу докладов стали подсекции «История русской литературы XX—XXI веков» (95 докладов), «Русский язык» (92 доклада), «История русской литературы» (80 докладов). Другие подсекции тоже привлекли большое количество докладчиков и слушателей, принимавших самое активное участие в обсуждении представленных работ. Отдельно хотелось бы отметить продолжающие свою работу межкафедральные подсекции

¹ В 2020 г. Международная конференция «Ломоносов» также проходила в дистанционном формате, однако из-за непредсказуемого развития пандемии и внезапного характера ограничений сама конференция переносилась с весны на ноябрь 2020 года, а прием заявок осуществлялся в два этапа. На секцию «Филология» тогда суммарно поступило 1157 заявок, на заседаниях, назначенных на 20 и 21 ноября, прозвучало 543 доклада, 203 были отмечены грамотами, 68 рекомендованы к публикации в журнале *Stephanos*. Дипломами ректора награждены: Петрова Екатерина Вадимовна (МГОУ) за доклад «Образ научного предмета грамматика и субъекта исследования в трудах русских лингвистов XIX — начала XX века»; Саргсян Лиана Артушовна (МГУ им. М.В. Ломоносова) за доклад «Историческое развитие семантики причастия прошедшего времени в армянском языке»; Щербинин Андрей Юрьевич (НИУ «БелГУ») за доклад «Принципы описания категории времени в грамматиках Жака Дюбуа (1531) и Робера Этьена (1557)».

² Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021» / Отв. ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, Е.И. Зимакова. [Электронный ресурс]. М., 2021.

«Жизнь языка, геоллингвистика и искусственные языки» (руководители — д.ф.н., проф. С.Н. Кузнецов и к.ф.н. О.Н. Шувалова), «Филологическое исследование переводов текста» (руководители — к.ф.н., доц. А.В. Уржа и Г.А. Филатова), «Язык и языки в интернет-коммуникации» (руководитель — д.ф.н., проф. О.В. Дедова).

26 апреля состоялось торжественное закрытие форума «Ломоносов»³, в котором приняли участие ректор Московского университета академик В.А. Садовничий и министр науки и высшего образования России В.Н. Фальков. От секции «Филология» дипломами ректора за лучший доклад были отмечены Зайберт Елена Артемовна (ДонНУ) за доклад «Формально-структурный анализ сложносокращенных историзмов»; Суховольская Дарья Вадимовна (СПбГУ) за доклад «Мефодий I Константинопольский: образ автора в житиях святых»; Устимов Олег Владимирович (ВГУ) за доклад «Путевые заметки Ф.М. Достоевского и И.Ф. Романова (Рцы): нарратологическая модель». Более 220 участников были награждены грамотами декана и книгами, 94 докладчика получили рекомендации к публикации в рецензируемом мультиязычном научном журнале «Stephanos».

Круглый стол «Учим русскую литературу»

Новым событием для секции «Филология» стал круглый стол «Учим русскую литературу» организованный филологическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова и Университетом Северной Аризоны (University of Northern Arizona), прошедший в виде трех заседаний 13, 15 и 22 апреля. В работе круглого стола принимали участие студенты, магистранты и аспиранты филологического факультета, помогли в проведении преподаватели Г.В. Москвин (модератор), Л.А. Трахтенберг (модератор), ответственный секретарь секции «Филология» А.Е. Беликов, инициатором сотрудничества была заместитель декана факультета Г.Е. Кедрова. С американской стороны организацию и проведение мероприятия координировала сотрудник Центра по международному обучению университета Лариса Бренер при содействии преподавательского коллектива. Встреча русских и американских учащихся проходила при участии фонда «Русский мир».

Работа круглого стола осуществлялась в дистанционном режиме. Свообразие встрече придавало то обстоятельство, что обсуждение роли русской литературы в учебном процессе велось учащимися филологического факультета, в то время как американские студенты представляли разные отделения и специальности, которые знакомились с русской литературой при изучении русского языка. Значительным фактором являлся различный уровень языковой и культурологической компетенции.

Круглый стол проходил в форме докладов и общей дискуссии. Открыла работу магистрант кафедры истории русской литературы Чжан Явень (КНР) с докладом «Мои впечатления о преподавании русской литературы в МГУ»:

³ Обзор опубликован: URL: <https://www.msu.ru/news/torzhestvennoe-zakrytie-mezhdunarodnogo-molodezhnogo-nauchnogo-foruma-lomonosov.html> (дата обращения: 02.10.2021).

тема явилась своего рода камертоном встречи. Второй выступила студентка Университета Северной Аризоны Джесси Парк с докладом «Поэзия и литература». Методическую базу обсуждения темы круглого стола определила аспирантка кафедры истории русской литературы Маргарита Полтавец в докладе «Преподавание русской литературы в русской и американской студенческой аудитории». Доклад студентки Элианы Вайтинг «Классическая литература и поэзия» расширил содержание предыдущих выступлений.

Выступления американских студентов были сосредоточены преимущественно на поэзии, ее личном восприятии и творческой деятельности (темы: «Поэзия» (Брайан Венекас), «Моя поэзия на русском языке» (Дестри Ромеро), «Поэзия и классика» (Полина Старикова)). Темы докладов учащихся филологического факультета носили более конкретный характер («Демонологические мотивы в русской классической литературе (вампиризм)» (Александра Сафронова и Татьяна Кузина) «Тема сиротства в русской литературе» (Сергей Озеркин), «Проблемный Достоевский» (Тамара Пруденко)). Запланированные в программе форума заседания 13 и 15 апреля прошли удачно, возможности совместного обсуждения вызвали большой интерес, поэтому по инициативе участников была организована дополнительная встреча («Жизнь современной молодежи (студенчества) в актуальных условиях» (22 апреля)).

Вот некоторые впечатления студентов от прошедшего круглого стола. Полина Поветьева (студентка 2-го курса РКИ): «Меня удивляет, что мы, студенты МГУ, студенты из Америки, представители разных национальностей, собравшись в одной среде, легко и бесхлопотно входим в общий дискурс, понимаем, о чем говорим. Тайна постижения русской литературы американскими студентами и есть предмет нашего разговора». Ксения Павлычева (студентка 3 курса р/о): «Несмотря на то, что конференция была международной, и в ней участвовали люди с разным менталитетом, между ними было полное взаимопонимание. Живое обсуждение русской литературы помогло стереть границы дистанционного формата и почувствовать себя единым целым с американскими студентами». Александра Сафронова (магистрант 2-го года РКИ): «То, что мы собрались, важно, особенно в нынешних условиях пандемии. Теплой была сама атмосфера доброжелательности, заинтересованности, вовлеченности в происходящее. Надеюсь, что такие круглые столы будут проводиться на нашем факультете и дальше».

Aleksei Belikov, Georgii Moskvina

PHILOLOGY FACULTY SCIENCE DAY 2021

*Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is an overview of how the Philology Section of the Lomonosov International conference, April 12–23, 2021, worked. More than 1,000 young scientists had

applied and 651 were approved to participate. The conference hosted guests from Russia, Armenia, Azerbaijan, Belarus, Bosnia and Herzegovina, China, Greece, Italy, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Poland, Serbia, Turkey, Ukraine, and Uzbekistan. The Philology Section had 56 subsections, including Language life, Geolinguistics and Artificial Languages; Language and Languages in Internet Communication; and Text Translation Studies. As a special event of the conference, the Faculty of Philology and the University of Northern Arizona organized and conducted a round-table “Studying Russian Literature”. It aroused a great interest and enthusiasm in the students. Both institutions expressed a willingness to develop cooperation further. More than 220 participants were awarded diplomas and books, 94 were granted recommendations to publish their articles in the Stephanos Journal.

Key words: Lomonosov Conference; Science Day; youth forum; international cooperation.

About the Authors: *Aleksei Belikov* — PhD, Associate Professor, Classics Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: belikov.smu@gmail.com); *Moskvin Georgii* — PhD, Associate Professor, Department of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: georgii_moskvin@mail.ru).

А.В. Дулина

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ:
“ДОКТОР ФАУСТУС” Т. МАННА» (МГУ, 23–24 июня 2021 г.)**

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Краткий обзор проблематики докладов и основных затронутых в ходе дискуссии тем, обсуждавшихся русскими и зарубежными исследователями на всероссийской научной конференции «Тексты и контексты: “Доктор Фаустус” Т. Манна», проведенной в онлайн-формате на филологическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 23–24 июня 2021 г.

Ключевые слова: конференция; «Тексты и контексты»; литературоведение; литературная теория; музыковедение; история литературы; философия творчества; литература XX в.; Томас Манн; «Доктор Фаустус».

23–24 июня 2021 г. на филологическом факультете состоялась пятая всероссийская научная конференция кафедры истории зарубежной литературы «Тексты и контексты», посвященная роману Т. Манна «Доктор Фаустус». Ученые из Нижнего Новгорода, Калининграда, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Саратова, Екатеринбурга, Иванова, Уфы, Воронежа, Донецка, Парижа собрались в онлайн-формате для обсуждения особенностей истории создания, поэтики и рецепции одного романа, его места в творчестве автора и в контексте мирового литературного процесса и культуры XX в.

Конференция открылась вступительным словом организатора конференций «Тексты и контексты» проф. *В.М. Толмачёва*. Возможность посвятить два дня обсуждению одного произведения — ключевая особенность «Текстов и контекстов». Подобный подход представляется важным. Традиции советского литературоведения, особого продукта поверх подлинной истории культуры, так устойчивы, что к несомненно принадлежащему модернистской культуре роману Т. Манна до сих пор прилагают трафаретные принципы описания его как реалистического. Необходимо пересмотреть сложившиеся стереотипы восприятия творчества Манна, выработать новую интерпретацию неоднозначного и интертекстуального романа «Доктор Фаустус». Сегодня не приходится, например, говорить об «осуждении»

Дулина Анна Викторовна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: doolina-anna@yandex.ru).

главного героя и есть шанс сократить возникший разрыв между сказанным (в том числе и идеологически не бесспорным) и тем, что открывается в свете новых публикаций, уточняющих детали биографии писателя.

Состоялась дискуссия вокруг обстоятельств биографии Манна и истории создания «Доктора Фаустуса». В.М. Толмачёв обратил к каждому докладчику вопрос о том, как интерпретировать роман в целом — как диагноз, как рекевием или как алиби. В первом же докладе *Т.Ю. Сидорина* (Москва) сосредоточилась на поиске прототипов главного героя. Адриан Леверкюн предстал Зигфридом, пришедшим в Валгаллу, чтобы покончить с богами. Такое прочтение позволяет видеть в истории жизни немецкого композитора не столько приговор герою, Германии и фаустовской душе, сколько попытку наметить «окно в будущее». В ходе обсуждения доклада был поставлен вопрос о необходимости рассматривать в качестве одного из главных прототипов образа Леверкюна самого автора.

О биографическом материале как основе образности и поэтики романа говорила во второй день конференции *А.Ю. Зиновьева* (Москва; «Новалис и К. Brentano в оптике “Доктора Фаустуса”»). На примере вариаций воплощения образов Новалиса и Brentano, отсылки к их творчеству в романе, А.Ю. Зиновьева показала, что любое лицо, попав в роман Манна, становится карикатурой, объектом пародии, притягивается к орбите образа единственного художника — Манна-Леверкюна, утрачивает свою «задушевную глубину» (“Innerlichkeit”), чтобы оказаться встроеным в жизнестроительный проект автора. Рецепция наследия XIX и XX вв. у Манна оказывается подчинена единой задаче: самооправданию средствами культуры. Brentановский код и особенности отражения в нем любовной проблематики, биографическую основу которой отмечала А.Ю. Зиновьева, обсуждалась *А.И. Васкиевич* (Калининград), предложившей альтернативную трактовку знаменитого музыкального шифра “h e a e es” с отсылкой к образу «иной» (“έτερος”) любви и фрейдовской концепции «Оно» (“Es”) как бессознательной части психики.

Концепт “Innerlichkeit” стал одним из предметов анализа в докладе *Н.Д. и В.Г. Зусман* (Нижний Новгород) о Бетховене и Леверкюне как воплощениях «самоуглубленной задушевности» — основного свойства немецкого национального характера, порождающего такие противоположные явления, как высокая немецкая культура и немецкий фашизм. Анализируя ряд ключевых оппозиций романа, докладчики пришли к выводу, что образ Леверкюна отнюдь не тождественен, а противостоит образу фашизма. В процессе обсуждения доклада В.М. Толмачёв отметил, что Леверкюн пытается вернуть культуру к культу в рамках развития мотива нового средневековья. Параллельно с темой фашизма развивается тема, важная для проекта символистского, — стремление культуры к запредельному, к преображению жизни. Из подобного стремления, как и из немецкой “Innerlichkeit”, исходят оба вектора — задача жизненная, отчасти воплощенная в идеологии фашизма, и творческая, предполагающая первичность культуры и фигуры художника. Разговор о символизме инициировала и *Т.М. Трофименко* (Иваново; «Синтез искусств Р. Вагнера в восприятии французских символистов и Т. Манна»).

О культуре, сделавшей культ из самой себя, и о демонизме как творческой силе в эпоху распада литургического целого рассуждал *А.Л. Доброхотов* (Москва) в докладе, посвященном «демоническому» в романе. Наиболее близкая связь манновской концепции «демонического», проявляющегося в безусловно деятельной силе, просматривается с понимаем «демонического» у Гёте. По мнению *А.Л. Доброхотова*, Манн балансирует на тонкой грани и не отказывается от союза с демонизмом, а «Доктор Фаустус» является скорее алиби и представляется романом не о Германии, а о Манне, через которого она выражается. В самом докладе и после, в ходе дискуссии, эволюция представления о «демоническом» была рассмотрена с учетом концепции «дионисийского» у Ницше, а также творчества Кьеркегора, Шопенгауэра, Достоевского, Мережковского и других авторов, рецепция философии которых есть у Манна.

Разговор о рецепции Достоевского продолжил *А.Ф. Строев* (Париж) с докладом «Лямшин и Леверкюн», в котором говорилось о чуткости Манна к странной музыкальной пародийности творчества Достоевского, о сходстве «штучки» Лямшина «Франко-прусская война» в «Бесах» с манерой насмешливого подражания Леверкюна, о люциферовском гении и гротескном изображении Апокалипсиса. Зло как источник добра становится важной темой для Достоевского и Манна. Философские воззрения автора также стали предметом интереса в докладе о пространственно-временной организации «Доктора Фаустуса», ставящей, как было сформулировано *В.М. Толмачёвым* в обсуждении, отнюдь не банальные вопросы о том, откуда родом главный герой романа, в какой степени он немец, о замкнутом четырехугольнике пространства. О семантике геокультурных кодов, связанных с Италией, говорилось *Е.В. Фейгиной* (Москва), развернуто представившей особенности образа Палестрины в связи с дантовской темой, заданной уже на уровне эпитафии. В дискуссии *В.М. Толмачёвым* было высказано предположение о тесной связи итальянской темы с гетевским путешествием в Италию, а также об особой важности темы невыразимого, которую у Данте улавливает Манн как поздний писатель-символист, пишущий роман о литературе.

На протяжении всей конференции постоянно акцентировалась необходимость учитывать пародийный элемент при разговоре о художественном целом романа. Доклад *Ю.Ю. Поринца* (Санкт-Петербург) об английской комической традиции, к которой явно отсылает Манн, пролил свет на истоки этой проблематики. Помимо учтенных шекспировской, стерновской и филдингской техники комического, докладчик выдвинул гипотезу о возможном влиянии *П.Г. Вудхауса*, так как Манн очень интересовался коммерчески успешными авторами, а творчество *Вудхауса* было очень популярно в 30–40-е годы. *А.Ю. Зиновьева* предложила в будущем обратить внимание на восприятие комического у *Китса*, а *В.М. Толмачёв* уточнил, что стоит подумать и о таком концепте комического, каким он представлен у Данте. Роман Манна тогда предстает произведением о современном аде в виде комедии, в котором комический герой сталкивается с гениальной музыкой. Продолжая обсуждение пародийности, *Н.М. Долгорукова* (Москва) представила доклад об искусстве и теории пародии и возможной близости творчества Манна и теоретической мысли *Бахтина*. У *Бахтина* в его экземп-

ляре романа был выделен несколькими вертикальными линиями диалог Леверкюна с чертом о пародии как об игре с формами, из которых ушла жизнь, что само по себе уже свидетельствует о важности художественных построений Манна для Бахтина.

Сконцентрирован на аспекте литературной теории был и доклад *В.В. Котелевской* (Ростов-на-Дону) о фаустовском сюжете у Манна и Х. Вольфшлегера: рассматривался акт затрудненного понимания новой музыки. Рецепция новой музыки, столкнувшаяся с непониманием, сопоставлялась с проблемой восприятия непрозрачности языка модернистского романа. Участники конференции задались вопросом, в каком отношении можно называть произведение Манна романом о музыке. Хотя и история, и теория музыки — важные компоненты романа, он все равно представляется прежде всего произведением о писателе и писательском творчестве.

Жанровый подход к проблеме интерпретации романа избрали *И.В. Кабанова* (Саратов) и *А.Д. Маглий* (Москва), усомнившаяся в устойчивом жанровом определении «Доктора Фаустуса». *И.В. Кабанова* отметила, что биография Леверкюна заключена в рамку автобиографии рассказчика Серенуса Цейтбома, из чего следует, что «Доктор Фаустус» — это роман о художнике «в квадрате». Романная природа произведения проявляется в оговорках героя, во все более пространных размышлениях рассказчика. Музыка становится синонимом искусства в целом. *В.М. Толмачёв* добавил, что произведение скорее можно определить как метароман, доверять словоохотливому рассказчику не стоит полностью, стоит помнить о балаганной природе романа, о фикциональном как о возвышающем обмане, построении апологии и алиби из множества фикций, за каждой из которых стоит при этом биографическое обстоятельство. В докладе «Поэтика агональности в художественном мире романа “Доктор Фаустус”» *И.А. Попова-Бондаренко* (Донецк) тоже подчеркнула полифоническую дискурсивность романа. Главная оппозиция «человечное — бесчеловечное», в которой реализуется поэтика агональности, проходя через роман на всех уровнях организации художественного целого, оказывается включенной в разговор о мерцании культурных парадигм, этических представлений и художественных систем от классики к постклассике, от средневековья к XX в.

Литературным параллелям в рамках модернистской и постмодернистской философии творчества были посвящены доклады «“Доктор Фаустус” Т. Манна и “Улисс” Дж. Джойса» *Д.О. Курилова* (Воронеж) и «Фаустовская модель в “Башне из черного дерева” Джона Фаулза» *Т.Л. Селитриной* (Уфа). *Д.О. Курилов* выделил общие черты в произведениях Манна и Джойса при всей несхожести художественного языка. Помимо общих тем и сходных образов, а также свойственной обоим текстам музыкальности на уровне языка, отмечалась композиционная и идейная проблематика становления и распада формы, структурирующая оба романа как мифологизированные диалоги личности с миром. В процессе обсуждения поднимался вопрос о присутствии Манна в творчестве Джойса, но об отсутствии джойсовского элемента у Манна. *Д.О. Курилов* анализировал образы художников в произведениях в том числе с точки зрения общего вектора сведения гениальности к социальной и психической неполноценности, которая характеризует

Стивена Дедала-«Телемака» и Адриана Леверкюна-«Фауста» при очевидном различии в отношении к невыразимому авторов романов. Джойс старается проговорить и высказать все до конца, тогда как Манн оставляет фигуры умолчания. Финалы романов, по мнению Д.О. Курилова, можно рассматривать как примиряющие; Т.Л. Селитрина, напротив, интерпретировала историю жизни художников у Манна и Фаулза как тупиковый, воплотивший ложную эстетику путь призванных, но не рожденных для творчества персонажей.

Русская тема, поднятая уже в докладах о Достоевском и в обсуждениях рецепции Манном его творчества, получила развитие с самых разных точек зрения в докладах *Е.В. Соколовой* (Москва) о «русском фоне» и образе русской культуры в романе, *А.В. Дулиной* (Москва) об отражении «Доктора Фаустуса» в творчестве А. Тарковского, в особенности в фильме «Ностальгия», а также в завершавших конференцию докладе *Е.Г. Доценко* (Екатеринбург) «Томас Манн в статьях и лекциях преподавателей кафедры зарубежной литературы 1980-х годов» и обобщающем слове В.М. Толмачёва «Русский “Доктор Фаустус”: итоги и перспективы изучения романа». Роман предстает Евангелием от Цейтблома, рисует новую сакральную фигуру, чтобы оставить от реальной биографии фиктивную память. Это роман-алиби романтического и постромантического преступника-творца.

Разнообразие тем и подходов к тексту инициировало живую и яркую дискуссию. Формулировка вопроса о поражении или успехе художника в романе, заданного организатором конференции В.М. Толмачёвым каждому из выступавших, а также наличие общих сквозных, интересовавших практически всех докладчиков и участников конференции тем музыки, демонического, оправдания жизни искусством, металитературной природы романа позволили сформировать общий вектор совместного пересмотра устоявшихся интерпретаций. По итогам конференции оргкомитет планирует издание коллективной монографии. Участники конференции отмечали уже сформировавшуюся устойчивую приятную атмосферу взаимообогащающего обмена идеями в рамках конференций серии «Тексты и контексты».

Anna Dulina

**THE CONFERENCE ‘TEXTS AND CONTEXTS’:
THOMAS MANN’S DOCTOR FAUSTUS
(Lomonosov Moscow State University, June 23–24, 2021)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This review discusses the Fifth Conference on Thomas Mann’s Doctor Faustus, held at the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. Focus was on a wide range of issues to do with the poetics of the novel, including Mann’s

philosophy of creativity, symbolism, religiousness, reflection of essential ideas of the 20th century literature and culture in his work, reception of his novel, Mann's influence on the development of 20th-century literature and cinema.

Key words: conference; Thomas Mann; Doctor Faustus; philosophy of creativity; history of literature, 20th century; comparative studies.

About the author: *Anna Dulina* — PhD, Teaching Fellow, Department of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: doolina-anna@yandex.ru).

ПАМЯТИ...

В.Г. Кульпина, И.М. Кобозева

ЯН ВАВЖИНЧИК

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинский горы, 1*

Ушел из жизни Ян Вавжинчик, выдающийся польский лингвист, лексикограф, русист и полонист, хорошо известный и уважаемый в кругах отечественных языковедов, выпускник МГУ, член редколлегии Вестника Московского университета, серии 9, Филология. Хотя профессор Ян Вавжинчик известен прежде всего как лексикограф — редактор и составитель объемных словарей разнообразной направленности, коллеги будут помнить также его вклад в лексикологию, фразеологию, лексическую и грамматическую семантику, историю языка, русско-польские сопоставительные исследования, теорию перевода.

Ключевые слова: лексикография; фотолексикография; теоретическая грамматика; сопоставительный анализ; русистика; полонистика.

7 ноября 2021 г. скончался Ян Вавжинчик, выдающийся польский лингвист, известный далеко за пределами своей страны ученый, основатель новых лексикографических жанров. Ян Вавжинчик — выпускник русского отделения МГУ. Всю жизнь он хранил студенческий билет и гордился своей Alma Mater.

Ян Вавжинчик родился в местности Пудзиков 7 декабря 1944 г. Свою первую диссертацию он защитил в Лодзинском, а докторскую — в Варшавском университете, профессорское звание получил в Варшаве. Ему принадлежит ряд монографий по теории грамматики, лексикологии, сопоставительному анализу польского и русского языков, теории и практике лексикографии (см. об этом в [Wawrzyńczyk, 2006]). Профессор Ян Вавжинчик является редактором и автором больших толковых, двуязычных — русско-польских и польско-русских словарей, словарей новой лексики, обширнейших библиографических и др. словарных изданий. Важнейшим достижением Я. Вавжинчика является создание совместно с его многолетним соратником профессором Петром Вежхонем грандиозного свод-

Кульпина Валентина Григорьевна — доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vgrkulpina@mail.ru).

Кобозева Ирина Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kobozeva@list.ru).

ного словаря современной польской лексики «300 тысяч польских слов». ([Wawrzyńczyk, Wierzczoń, 2016; см. рецензию на это издание: [Кульпина, Татаринов, 2017]). Это издание послужило всплеску лексикографической рефлексии, чему обязан своим рождением том “Wokół 300 tysięcy polskich słów” ‘Вокруг 300 тысяч польских слов’, в котором приняли участие также российские авторы.

Ян Вавжинчик отдал дань также малой лексикографии, издав серию *Semiosis Lexicographica* — пробных словарей, предвещающих большие и служащих для проверки тех или иных теоретических построений. Его вклад в словообразование русского языка отмечен словарем «Названия женщин» [НЖДС, 2006] на базе корпуса русского языка, в котором авторский коллектив запечатлел новейшие феминитивы, обозначающих представительниц новых профессий, видов деятельности и даже нереальные существа, например, *киборгесса*, *киборгиня*.

Большую ценность для нашего научного сообщества представляет созданный проф. Вавжинчиком совместно с его супругой проф. Элизой Малэк, специалистом по русской литературе и культуре, двухтомный «Малый библиографический словарь русского языка» (см. [Wawrzyńczyk, Małek, 2012] и рецензию [Кульпина, Татаринов, 2013]). Впоследствии этот словарь разросся до 10 томов и был издан в электронном виде под названием «Русская лексика: Библиографические характеристики» (2014–2016).

Благодаря Яну Вавжинчику и Петру Вежхоню в польском виртуальном пространстве появился — наряду с Национальным корпусом польского языка — еще и Национальный фотокорпус польского языка, состоящий из языковых фотопримеров, эксцерпированных из книжных и периодических источников. Подчеркнем исключительно большую пользу от фотокорпуса для пользователей словарей [см. подробнее: Кульпина, Татаринов, 2014]. Каждый пример снабжен выходными данными издания, из которого черпался материал, что сразу отсекает бесплодные споры относительно первого употребления слов в польском языке. Относительно формы эксцерпции также никаких дискуссий возникнуть уже не может, потому что фотокопия своей наглядностью исключает какие-либо сомнения и споры — слитно ли слово написано в первоисточнике или раздельно, с дефисом или с тире, с большой буквы или с маленькой, каков контекст его употребления и т.п. За фотолексикографией, конечно же, будущее. Ведь по точности презентации с ней ничто не может сравниться, а ее инициатором, вдохновителем и разработчиком стал профессор Ян Вавжинчик. Последнее время проф. д.ф.н. Ян Вавжинчик на кафедре формальной лингвистики факультета прикладной лингвистики Варшавского университета (совместно с проф. П. Вежхонем) работал над проектом «Национальный фотокорпус польского языка» (сайт www.nfjp.pl), поддержанным грантом правительства Польши.

Важной вехой в научной биографии проф. Вавжинчика стала работа совместно с проф. Анджеем Богуславским над проектом «Новое словарное зондирование» [NNS, 1993], посвященным тому типу фразеологизмов, которые ранее таковыми не считались и не включались в словари. Широкоформатные двуязычные словари — русско-польские и польско-русские — составляют важнейшую часть его словарной работы (см., например, [WSRP,

2004; WSPR, 2005] и уже многократно переиздававшийся русско-польский и польско-русский словарь [NSRPPR, 2010]). Сюда же отнесем участие проф. Вавжинчика в оригинальнейших двуязычных изданиях фразеологизмов, в том числе [IPR, 2003].

При активном создании все новых словарей проф. Вавжинчик не забывал о словарном наследии своих предшественников, осуществляя тотальный пословный анализ уже изданных словарей других авторов с целью устранить недочеты и в то же время не упустить в словарях-предтечах находки в толковании значений и в подборе иноязычных эквивалентов. Такому пристрастному анализу подвергся в том числе 11-томный “Wielki słownik języka polskiego” ‘Большой словарь польского языка’ под редакцией Витольда Дорошевского, что отразилось в многочисленных статьях лексикографов и в монографии Я. Вавжинчика.

Отдельного упоминания заслуживает большой вклад Яна Вавжинчика в развитие научного сотрудничества польских и российских лингвистов. Он стал инициатором ряда совместных изданий. Среди них серийный сборник *Speculum Linguisticum* (SpecLing), участниками которого были и авторы данной статьи. Другая основанная им серия — это *Opuscula Iaponica et Slavica* (OIS). Японистика оставила значимый след в душе будущего ученого еще в то время, когда он старательно изучал японский язык в МГУ. С российской стороны редактором и организатором этого польско-русского проекта стал акад. В.М. Алпатов, который не только сам писал статьи для этого издания и его редактировал как член редколлегии и редактор одного из томов, но и привлек к участию в нем своих учеников и коллег из разных уголков нашей страны. Делу научного сотрудничества способствовали и переводы Я. Вавжинчиком трудов русских ученых, в том числе «Очерка сравнительной грамматики славянских языков: чередования, именные основы» профессора МГУ С.Б. Бернштейна.

Профессор Вавжинчик так много сделал в области русистики, что его вклад обязательно должен получить достойную оценку со стороны российских коллег. Надеемся, что найдутся языковеды-следопыты, которые пройдут по пути формирования его огромного наследия, и наша общественность сможет получить полное представление о его трудах, их научной ценности и общественной пользе.

Основные публикации Я. Вавжинчика

1. IPR — *Idiomy polsko-rosyjskie* Польско-русские идиомы / Wojciech Chlebda, Albina Gołubiewa, Jan Wawrzyczyk, Tomasz Welg. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2003. 272 s.
2. NFJP — *Narodowy Fotokorpus Języka Polskiego* // www.nfjp.pl.
3. NSRPPR — *Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski*: Wyd. I, 1, dodruk z płytą CD // Red. naczelny J. Wawrzyńczyk. Bartwicka H., Kulpina W., Małek E., Wawrzyńczyk J. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010. 1264 s.

4. NSS — Bogusławski A., Wawrzyńczyk J. *Polszczyzna, jaką znamy. Nowa sonda słownikowa*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Katedra lingwistyki formalnej, 1993. 488 s.
5. Wawrzyńczyk J. *O języku polskim i rosyjskim: Studia i szkice*. Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2006. 292 s.
6. Wawrzyńczyk J., Małek E. *Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego*. W 2 t. Warszawa: Wydawnictwo BEL Studio, T. 1: 2010; T. 2: 2012.
7. Wawrzyńczyk J., Małek E. *Słownik bibliograficzny języka polskiego: W 10 t.* Warszawa: Wydawnictwo BEL Studio, 2013–2015.
8. Wawrzyńczyk J., Małek E. *Русская лексика: Библиографические характеристики: В 10 т.* Warszawa: Mila Hoshi, 2014–2016.
9. Wawrzyńczyk J., Wierchoń P. *300 tysięcy polskich słów. Index a tergo*. Poznań; Sorus. 2016. 1053 s.
10. *Wokół 300 tysięcy polskich słów / Red. naukowa Jan Wawrzyńczyk, Piotr Wierchoń*. Warszawa: BEL Studio, 2017. 398 s.
11. *WSPR — Wielki słownik polsko-rosyjski / Red. Jan Wawrzyńczyk*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. 924 s.
12. *WSRP — Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim / Red. Jan Wawrzyńczyk*, Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2004. 1362 s.
13. *Вавжинчик Ян. Новое в польской лексикографии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2019. № 6. С. 152–163.*
14. *НЖДС — Названия женщин: Дополнительный словарь / Под ред. Валентины Кульпиной, Яна Вавжинчика / Autorzy opracowań Jurij Fedoruszkow, Aleksandra Ignasiak, Walentina Kulpina, Anna Rodak, Urszula Siemianowska, Wiktor Tatarinow, Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: Wydawnictwo TAKT, 2006. 108 s. (Semiosis Lexicographica, vol. XXXV. Założyciel, wydawca i redaktor serii Jan Wawrzyńczyk).

Издательская и переводческая деятельность Я. Вавжинчика

1. Bernstein Samuel. *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich: alternacje, tematy imienne* [С.Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: чередования, именные основы] tłum. z ros. Jan Wawrzyńczyk. Warszawa: PWN, 1985. 464 [3] s.
2. *OIS — Opuscula Iaponica et Slavica: W 5 t. / Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: Wydawnictwo BEL Studio, 2014–2018.
3. *Prawda — prawdy — mity — fałsze w językoznawstwie / Red. naukowa W. Mańczak, J. Wawrzyńczyk*. Warszawa: Wydawnictwo TAKT, 2009. 208 s.
4. *SpecLing — Speculum Linguisticum: W IV t. / Redaktor naczelny Jan Wawrzyńczyk*. Warszawa: Wydawnictwo BEL Studio, 2014–2016.

О Я. Вавжинчике

1. *Кульпина В.Г., Татаринов В.А. Инновационный толково-библиографический словарь для профессионалов и любителей русского слова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 164–168.*

2. *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Конструирование фотокорпуса русского языка как оригинальный лексикографический метод // Слово. Грамматика. Речь: Сб. науч.-метод. ст. по преподаванию РКИ / Отв. ред. О.В. Чагина. М., 2014. Вып. XV. С. 294–299.
3. *Кульпина В.Г., Татаринов В.А.* Рец. на кн.: Wawrzyńczyk J., Wierzchoń P. 300 tysięcy polskich słów: indeks a fronte. Poznań: DM Sorus, 2016. 1053 s. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 1. С. 190–198.

Valentina Kulpina, Irina Kobozeva

JAN WAWRZYŃCZYK

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Professor Jan Wawrzyńczyk, an eminent Polish linguist, lexicographer, specialist in Russian and Polish linguistics, a graduate of Lomonosov Moscow State University, a member of the editorial board of Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology passed away on November 7, 2021. Professor Wawrzyńczyk's research covered wide and diverse areas, including lexicology, phraseology, translation theory, grammatical and lexical semantics. He is noted, first and foremost, for his lexicography achievements as an editor and compiler of comprehensive dictionaries of different genres and types.

Key words: lexicography; photo lexicography; lexicology; theory of grammar; contrastive linguistics; Russian linguistics; Polish linguistics.

About the authors: *Valentina Kulpina* — Ass. Prof. Dr., Department of Slavic Languages, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vgrkulpina@mail.ru); *Irina Kobozeva* — Prof. Dr., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kobozeva@philol.msu.ru).

References

1. IPR — Idiomy polsko-rosyjskie Pol'sko-russkie idiomy. [Polish-Russian idioms] Wojciech Chlebda, Albina Gołubiewa, Jan Wawrzyńczyk, Tomasz Welg. Warsaw, *Wydawnictwo Naukowe PWN*, 2003, 272 p. (In Pol.)
2. NFJP — Narodowy Fotokorpus Języka Polskiego. [National Photocorpus of Polish language] URL: www.nfjp.pl. (In Pol.)
3. NSRPPR — Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski. [New Russian-Polish Polish-Russian dictionary] Wyd. 1, 1, dodruk z płytą CD. Red. naczelny J. Wawrzyńczyk. Bartwicka H., Kulpina W., Małek E., Wawrzyńczyk J. Warsaw, *Wydawnictwo Naukowe PWN*, 2010, 1264 p. (In Pol.)
4. NSS — Bogusławski A., Wawrzyńczyk J. *Polszczyzna, jaką znamy*. Nowa sonda słownikowa. [Polish language such as we now know it. New vocabulary

- probe] Warsaw, *Uniwersytet Warszawski, Katedra lingwistyki formalnej*, 1993, 488 p. (In Pol.)
5. Wawrzyńczyk J. O języku polskim i rosyjskim: Studia i szkice. [About Polish and Russian language. Essays and research] Łask, *Oficyna Wydawnicza LEKSEM*, 2006, 292 p. (In Pol.)
 6. Wawrzyńczyk J., Małek E. Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego. W 2 t. [A short bibliographic dictionary of Russian language: in 2 vol.] Warsaw, *Wydawnictwo BEL Studio*, t. 1, 2010; vol. 2, 2012. (In Pol.)
 7. Wawrzyńczyk J., Małek E. Słownik bibliograficzny języka polskiego: W 10 t. [Bibliographic dictionary of Polish language: in 10 vol.] Warsaw: *Wydawnictwo BEL Studio*, 2013–2015. (In Pol.)
 8. Wawrzyńczyk J., Małek E. Russkaya leksika: Bibliograficheskie harakteristiki: V 10 t. [Russian vocabulary: bibliographic features: in 10 vol.]. Warsaw, *Mila Hoshi*, 2014–2016. (In Russ.)
 9. Wawrzyńczyk J., Wierzchoń P. 300 tysięcy polskich słów. Index a tergo. [300 thousands of Polish words. Index a tergo]. Poznań, *Sorus*, 2016, 1053 p. (In Pol.)
 10. Wokół 300 tysięcy polskich słów. [About 300 thousands of Polish words] Red. naukowa Jan Wawrzyńczyk, Piotr Wierzchoń. Warsaw, *BEL Studio*, 2017, 398 p. (In Pol.)
 11. WSPR — Wielki słownik polsko-rosyjski. [Large Polish-Russian dictionary] Red. Jan Wawrzyńczyk, Warsaw, *Wydawnictwo Naukowe PWN*, 2005, 924 p. (In Pol.)
 12. WSRP — Wielki słownik rosyjsko-polski z kluczem polsko-rosyjskim. [Large Russian-Polish dictionary with a Polish-Russian key] Red. Jan Wawrzyńczyk, Warsaw, *Wydawnictwo Naukowe PWN*, 2004, 1362 p. (In Pol.)
 13. Vavzhinchik Yan. Novoe v pol'skoj leksikografii. [New issues in Polish lexicography] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya*, 2019, no. 6, pp. 152–163. (In Russ.)
 14. NZhDS — Nazvaniya zhenshchin: Dopolnitel'nyj slovar' [Appellations of women: supplementary dictionary] / Pod red. Valentiny Kul'pinoj, Yana Vavzhinchika. Autorzy opracowań Jurij Fedoruszkw, Aleksandra Ignasiak, Walentina Kulpina, Anna Rodak, Urszula Siemianowska, Wiktor Tatarinow, Jan Wawrzyńczyk. Warsaw, *Wydawnictwo TAKT*, 2006, 108 p. (Semiosis Lexicographica, vol. XXXV. Założyciel, wydawca i redaktor serii Jan Wawrzyńczyk). (In Pol.)

Publishing and Translation Activities of Jan Wawrzyńczyk

1. Bernstein Samuel. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich: alternacje, tematy imienne [S.B. Bernshtejn. Ocherk sravnitel'noj grammatiki slavyanskih yazykov: cheredovaniya, imennye osnovy] [Essays of contrastive grammar of Slavic languages: alternations, substantive stems], tłum. z ros. Jan Wawrzyńczyk. Warsaw, *PWN*, 1985, 464 [3] p. (In Pol.)
2. OIS — Opuscula Iaponica et Slavica: W 5 t. Założyciel i patron serii Jan Wawrzyńczyk. Warsaw, *Wydawnictwo BEL Studio*, 2014–2018. (In Pol.)

3. Prawda — prawdy — mity — fałszywe w językoznawstwie. [Truth — truths — myths — delusions in linguistics] Red. naukowa W. Mańczak, J. Wawrzyńczyk. Warsaw, *Wydawnictwo TAKT*, 2009, 208 p. (In Pol.)
4. SpecLing — Speculum Linguisticum: W IV t. / Redaktor naczelny Jan Wawrzyńczyk. Warsaw, *Wydawnictwo BEL Studio*, 2014–2016. (In Pol.)

About J. Wawrzyńczyk

1. Kul'pina V.G., Tatarinov V.A. Innovacionnyj tolkovo-bibliograficheskij slovar' dlya professionalov i lyubitelej russkogo slova. [Innovative explanatory-bibliographic dictionary for professionals and amateurs of Russian language] *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 19, Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2013, no. 1, pp. 164–168. (In Russ.)
2. Kul'pina V.G., Tatarinov V.A. Konstruirovanie fotokorpusa russkogo yazyka kak original'nyj leksikograficheskij metod. [Russian language's photocorpus' constructing as an original lexicographic method] *Slovo. Grammatika. Rech': Sb. nauch.-metod. st. po prepodavaniju RKI. Otv. red. O.V. Chagina. Moscow: MAKSPress*, 2014, no. XV, pp. 294–299. (In Russ.)
3. Kul'pina V.G., Tatarinov V.A. Rec. na kn.: Wawrzyńczyk J., Wierzchoń P. 300 tysięcy polskich słów: indeks a fronte. Poznań: *DM Sorus*, 2016. 1053 p. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2018, no 1, pp. 190–198. (In Russ.)

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 9.
ФИЛОЛОГИЯ» в 2021 г.**

	№	С.
Статьи		
<i>Аксенова А.А., Гумовская Г.Н.</i> Взаимосвязь анжамбемана и когнитивных метафор в поэзии Эндрю Хаджинса	2	60
<i>Белавина Е.М.</i> «Старые куклы, выгашенные из шкафа», или Автобиографизм и вымысел в избранных сказках Марселины Деборд-Вальмор	3	90
Гугнин А.А. Феномен культурного пограничья в творчестве Иво Андрича: Некоторые размышления о перспективах андричеведения после прочтения хорошей монографии	3	101
<i>Ди Лео Д.</i> «Горы кавказские для меня священны» (Н.С. Тихонов — поэт кавказского рая)	1	149
<i>Довлеткиреева Л.М.</i> Восток и Запад в поэзии Раисы Ахматовой	6	151
<i>Долгина Е.А., Макарова С.А.</i> Особенности не прямой анафорической референции в английском языке	1	90
<i>Дурягин П.В., Джеромел М.</i> Восприятие сочетаний с палатальным согласным итальянцами, изучающими русский как иностранный: роль категорий родного языка	6	115
<i>Дьмарский М.Я.</i> Еще раз о связке в номинативном предложении	2	9
<i>Ефимов А.С.</i> Диалогия В.В. Крестовского «Кровавый пух» и готическая литература (Константин Калиновский как «Проклятый скиталец»)	4	99
<i>Зубков К.Ю.</i> «Время кукишей в кармане миновалося»: редакция «Современника», цензура и российское литературное сообщество в 1856 г. Статья 1	4	133
<i>Зубков К.Ю.</i> «Время кукишей в кармане миновалося»: редакция «Современника», цензура и российское литературное сообщество в 1856 г. Статья 2	5	173
<i>Ибрагимова К.Р.</i> Два подхода к термину «трагедия» в XIII–XIV вв.	2	132
<i>Иванов Д.А.</i> Двойная жанровая перспектива в трагедии У. Шекспира «Гамлет»: мистериальные истоки «сцены заговора» против героя. Часть 2	1	101
<i>Ивинский А.Д.</i> О первом переводе М.Н. Муравьева «Жизнь Эрнеста, по прозвищу Благочестиваго, герцога Саксонского»	1	122
<i>Именных А.И.</i> «Прокляты и убиты» Виктора Астафьева и «Джонни получил винтовку» Дальтона Грамбо: некоторые параллели	1	157
<i>Калинкина Ю.С.</i> Субъективный выбор позиции наблюдателя и изменение аспектуальной структуры текста (на материале переводов современной итальянской прозы на французский язык)	4	74
<i>Качинская И.Б.</i> Прадеды: термины восходящего родства в архангельских говорах	1	44
<i>Князев С.В.</i> О неполной диерезе в русском языке: частица <i>же</i>	2	23
<i>Козлов А.Е.</i> К вопросу о прагматике статьи Н.Д. Ахшарумова «О порабощении искусства»	3	114
<i>Колобаева Л.А.</i> От О. Мандельштама к И. Бродскому: символ «раковины» ...	5	80
<i>Косинская А.С.</i> Образы добра и зла в повести К.С. Льюиса “The Great Divorce” ..	6	172

<i>Кошевская А.Ю.</i> Новый подход к выделению клаузул в прозе Цицерона: опыт ритмического анализа «Катилинарий»	5	144
<i>Красных В.В., Лу Цзыи.</i> Ассоциативно-образный компонент некоторых глагольных фразеологических единиц с абстрактным именем <i>мысль</i>	5	88
<i>Кривонос В.Ш.</i> Анекдот и фантастика в рассказе «Двойник» Бориса Садовского ..	4	152
<i>Ксензенко О.А., Менджерщцкая Е.О.</i> Лингвокогнитивные вопросы изучения современной медиасферы	5	100
<i>Кузнецова М.А.</i> Источники переводов «Песни о Роланде»	5	131
<i>Кузьминова Е.А.</i> Спорные вопросы библейской книжной sprawy XVI–XVII вв. ..	1	30
<i>Кукушкина О.В., Чжао Цзыи.</i> Орфографический узус пушкинской эпохи: написание удвоенных согласных в заимствованиях	1	55
<i>Куликова Д.Л.</i> Жанровые характеристики хоррора (на материале прозы А.В. Иванова)	5	165
<i>Курбанова-Ильютко К.И.</i> К вопросу о статусе французского языка в регионе Валь д'Аоста (Валле д'Аоста): французский язык родной или французский язык второй?	2	71
<i>Левитская А.А.</i> Особенности видения аспектуальных характеристик кратко повторяющегося действия в осетинской языковой картине мира в сравнении с русским языком	3	54
<i>Лили Дин, Михайлова М.В.</i> Цикл очерков М. Пришвина «В краю непуганых птиц»: поиски жанра	2	122
<i>Линь Гуанъюн.</i> Мифопоэтика образа оборотня-крысы («Возвращение г-жи Цай») Б.М. Юльского и литературный контекст	4	143
<i>Маньковский А.В.</i> Рецепция жанра романтической «мистерии» в творчестве раннего И.С. Тургенева	4	108
<i>Николюкин А.Н.</i> Романтические утопии В.Ф. Одоевского и современность ...	6	128
<i>Новицкова О.А.</i> «Пока толстый сохнет»: о значении глагола <i>συχα.νειν</i> в трактате Галена «Гигиена»	5	111
<i>Онипенко Н.К.</i> Гекуба, Троя и семантика русских безглагольных предложений ..	1	19
<i>Орлова А.В.</i> Слова «клятва» и «рота» в значении 'обещание, заверение' в языке древнерусских памятников XI–XVI вв.	6	106
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> Экспериментальный роман в эпоху «рефлексивного традиционализма»: «Карета, увязшая в грязи» П.К. де Мариво	3	64
<i>Пентковская Т.В.</i> Арабские буквы в русских переводах Корана первой четверти XVII в.	6	94
<i>Potapova R., Potapov V., Komalova L.</i> Multimodal Perception of Speech Behavior by Non-Native Speakers (German-Austrian-Russian Parallels)	1	76
<i>Потапова А.М.</i> Поэтика речей к отплытию в эпосе Аполлония Родосского «Аргонавтика»	6	143
<i>Ранчин А.М.</i> Стихотворение А.А. Фета «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне»: опыт анализа	6	161
<i>Скрипка В.К.</i> Функции указательного местоимения <i>сь</i> в деловой письменности XIV–XV вв.	3	44
<i>Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В.</i> Письмо А.П. Сумарокова «О красоте природы» (1759): традиция и новаторство	2	113
<i>Смирнова Е.А.</i> Каузативы на <i>-ировать</i> в семантико-грамматическом словаре русских глаголов	2	35
<i>Соколова Е.В.</i> «На самом?»: 1913 год в немецкой прозе и ее русских переводах (Флориан Иллиес и В.Г. Зебальд)	5	154
<i>Солопова О.А., Чудинов А.П.</i> Методология диахронического исследования политической метафоры в эпоху цифровизации: теоретическое обоснование ...	2	49

<i>Солопова О.А., Чудинов А.П.</i> Методология диахронического исследования политической метафоры в эпоху цифровизации. Опыт практического анализа.	3	32
<i>Сорокина В.В.</i> Литература между мирами	1	11
<i>Спиваковский П.Е.</i> Трагический герой и пространство тернарной этики в романе Татьяны Толстой «Кысь»	3	76
<i>Толмачев В.М.</i> Парадоксы романтического искания Абсолюта и «Неведомый шедевр» О. де Бальзака. Часть 1	2	93
<i>Фаустов А.А.</i> Повествование и время в прозе Ф.М. Достоевского. Часть 2: Роман «Идиот» и философия ретроспективности	1	135
<i>Хорохордина О.В.</i> К коммуникативной интерпретации русских двувидовых глаголов	1	9
<i>Чекалина Е.М.</i> Наступает ли в шведском языке будущее в прошедшем?	4	60
<i>Чжао Пэнсян.</i> Дефисное написание слов с постфиксами в XIX столетии: узус и кодификация	1	65
<i>Шаповалов А.В.</i> Эволюция форм авторского присутствия в южнорусском летописании XI–XIII вв.	6	182
<i>Школьникова О.Ю.</i> Рерайтинг А. Барикко «Гомер. Илиада»: эволюция рецепции классической литературы	4	86
<i>Шмурак Р.И.</i> Некоторые замечания по процедуре корпусного поиска формальных средств выражения упрека (на материале конструкции <i>сам + небось + V</i>).	2	83
<i>Ярошенко П.В.</i> К вопросу об исследовании языковой синестезии на материале мультязычного параллельного корпуса	5	122
<i>Яцук Е.А.</i> Русское и польское в романе М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 г.»	4	121

Актуальные вопросы теолингвистики

<i>Бугаева И.В.</i> Изучение языка религии	4	162
<i>Левушкина Р.С.</i> Восприятие христианских добродетелей носителями сербского языка (на материале ассоциативных словарей)	4	176
<i>Николаева Н.Г., Новак М.О.</i> Личные имена иноязычного происхождения в месяцесловах древнерусских списков Евангелия и Апостола XIV в.: языковые характеристики и функционирование	4	188

К 90-летию Г.А. Хабургаева

<i>Галинская Е.А.</i> Количественные числительные в деловой письменности первой половины XVII в.	6	55
<i>Толстая С.М.</i> «Лом копейный» и «скрежетание мечное»: синтагматическая деривация в древнерусском языке и в языке фольклора	6	41
<i>Шевелёва М.Н.</i> О конкурирующих конструкциях в истории формирования сложного будущего в русском языке.	6	69

К 100-летию со дня рождения К.В. Горшковой

<i>Горшкова К.В.</i> (1921–2002) О фонеме в языке и речи	4	30
<i>Большева Е.М.</i> О теории парадигмы фонемы в контексте учения МФШ (комментарий к статье «О фонеме в языке и речи»)	4	39
<i>Бархударова Е.Л.</i> О фонологических взглядах Клавдии Васильевны Горшковой.	4	47

К 100-летию Э. Косериу

<i>Косарик М.А., Жолудева Л.И.</i> Неизвестный известный ученый. К 100-летию со дня рождения Э. Косериу	6	82
---	---	----

К юбилею филологического факультета МГУ

<i>Бархударова Е.Л.</i> Кафедра дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова	6	32
--	---	----

<i>Венедиктова Т.Д.</i> К опыту построения междисциплинарной учебной программы	5	21
<i>Кедрова Г.Е.</i> Филологические интернет-олимпиады для школьников как эффективная форма профориентационной работы	6	22
<i>Михайлова Т.А., Богданова Н.А.</i> Кельтская филология в Московском Университете	6	9
<i>Оболенская Ю.Л.</i> Жизнь и деятельность Марии-Луисы Гонсалес Родригес и ее роль в создании московской школы испанистики	3	9
<i>Одинцова И.В.</i> Роль наследия Г.И. Рожковой в теории и практике преподавания русского языка как иностранного	5	9
<i>Ремнева М.Л.</i> Наши девяностые	4	9
<i>Синёва О.В.</i> Балтийская филология в МГУ имени М.В. Ломоносова	3	21

COVID-19 и язык

<i>Константинова А.А.</i> “Ask not what staying on the couch can do for you, ask what staying on the couch can do for your country”: паремический метаязык дискурса пандемии COVID-19 в американских социальных медиа	5	58
<i>Черчук О.И.</i> Отражение реалий коронавирусного мира в зеркале неологизмов чешского языка	5	71

Материалы и сообщения

<i>Беляева Т.Р.</i> Подходы к изучению общенаучной (академической) лексики в лингвистической традиции школы англистики МГУ имени М.В. Ломоносова.	3	138
<i>Дечева С.В., Копанева А.В.</i> Акцентуация в английском языке: проблемы и перспективы исследования	1	208
<i>Ли Синьмэй.</i> О переводах русской литературы в Китае (1980–2010-е годы)	5	195
<i>Лю Гопин.</i> Способы выражения образа автора в изречениях Конфуция (на материале книги «Беседы и суждения»)	1	220
<i>Микеладзе Н.Э.</i> Кому «свой меч вручает Бог»? (Шекспир и епископ Билсон)	3	161
<i>Мухачева И.В.</i> Представление семантико-синтаксических свойств глаголов со значением ликвидации результата действия в словарном формате (на примере глагола <i>раздеть</i>)	1	232
<i>Романова А.В.</i> Вольнодумцы, сумасброды и Марк Волохов (некоторые комментарии к роману «Обрыв»)	5	183
<i>Соколинский Е.К.</i> Журналы Александровской эпохи в зеркале национальной библиографии	6	195
<i>Цзян Ино.</i> Акустические характеристики русских гласных после мягких согласных в сопоставлении с китайскими дифтонгами	3	149

Научная жизнь

<i>Александрова О.В., Ремнева М.Л., Стрелец И.Э.</i> Ломоносовские чтения — 2020 на филологическом факультете Московского университета	3	212
<i>Беликов А.Е., Москвин Г.В.</i> День науки на филологическом факультете — 2021	6	217
<i>Воропаев В.А.</i> Всероссийская научная конференция «Творческое наследие Н.В. Гоголя: история и современность. К 210-летию со дня рождения» (МГУ, филологический факультет, 1–2 апреля 2019 г.)	1	254
<i>Дулина А.В.</i> Всероссийская научная конференция «Тексты и контексты: “Доктор Фаустус” Т. Манна» (МГУ, 23–24 июня 2021)	6	222
<i>Ковригина Е.А.</i> Чтения к 90-летию со дня рождения Г.А. Хабургаева	3	201
<i>Маслова А.К., Танхилевич А.Б.</i> Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Пределы и возможности лингвокреативности	2	215
<i>Михайлова М.В.</i> Тематический семинар «Женская / “дамская” литература в русском критическом дискурсе XX–XXI столетия», 25 октября 2019 г., Университет Гренобль-Альпы	1	247

<i>Мухачёва И.В.</i> Чтения к 100-летию со дня рождения Клавдии Васильевны Горшковой	3	194
<i>Оболенская Ю.Л.</i> X Юбилейная Международная конференция, посвященная 120-летию М.-Л. Гонсалес «Иберо-романистика в современном мире: научная парадигма и актуальные задачи»	2	206
<i>Онипенко Н.К.</i> ЛП Виноградовские чтения	3	188
<i>Ремнёва М.Л., Пентковская Т.В., Кузьминова Е.А.</i> Международная научная конференция «Острожская Библия и развитие библейской традиции у славян»	5	224
<i>Синицына Ю.В.</i> Юбилейная конференция «Звегинцевские чтения — 2020. К 60-летию кафедры и отделения теоретической и прикладной лингвистики и 110-летию со дня рождения В.А. Звегинцева»	2	209
<i>Солопов А.И.</i> (МГУ) Международная научная конференция «Классическая филология в контексте мировой культуры—XIII. Научные чтения, посвященные 265-летию Московского университета»	4	215
<i>Трахтенберг Л.А.</i> Конференция «Жизнь, творчество и философскоэстетические взгляды А.А. Григорьева. Прошлое и современность» на филологическом факультете МГУ	3	208
Невозможные языки в литературе: прагматика и семантика		
<i>Стоквелл П.</i> Когнитивистика невозможных языков	1	170
<i>Пиперски А.Ч.</i> Коммуникация с внеземными цивилизациями как вызов для лингвистики и семиотики	1	181
<i>Зубов А.А.</i> Прагматика невозможного: язык в «Посольском городе» Чайны Мьевиля	1	188
<i>Рожин В.О.</i> Модель «межцивилизационной» коммуникации в романе С. Снегова «Люди как боги»	1	199
О новых ресурсах для лингвистических исследований		
<i>Гвишиани Н.Б.</i> Пишем по-английски: к выпуску веб-версии международного корпуса «Английский как иностранный»	5	45
Кривнова О.Ф. , <i>Захаров Л.М., Кобозева И.М.</i> Русский интонационный корпус РИНКО: диалогическая и монологическая речь	5	32
Памяти...		
<i>Архипов А.В., Федорова О.В.</i> Ольга Федоровна Кривнова	4	224
<i>Зыкова Г.В.</i> Елена Юрьевна Зубарева	5	229
<i>Картава Т.В.</i> Валерия Васильевна Добровольская	4	236
<i>Клюева Е.В., Амеличева В.М.</i> Ирина Николаевна Кузнецова	3	231
<i>Князев С.В.</i> София Константиновна Пожарицкая	3	236
<i>Красухин Г.Г., Чижова Л.А.</i> Варган Казарович Казарян	4	231
<i>Кульпина В.Г., Кобозева И.М.</i> Ян Вавжинчик	6	228
<i>Луховицкий Л.В., Солопов А.И.</i> Дмитрий Евгеньевич Афиногенов	5	233
<i>Миროнова Н.И., Фролова О.Е.</i> Станислав Антонович Крейчи	4	229
<i>Петрухина Е.В., Изотов А.И.</i> Галина Парфеньевна Нещименко	5	237
Рецензии		
<i>Балдина Е.В.</i> В о р о п а е в В. А Нет другой двери: О Гоголе и не только. М.: Белый город, 2019	3	180
<i>Воропаев В.А.</i> Г о л у б е в а Е. И. Н.В. Гоголь и Библия: К истокам загадочных смыслов в произведениях писателя. М.: Паломник, 2019.	6	208
<i>Гродецкая А.Г.</i> М а к е е в М. С. А.А. Фет. М.: Молодая гвардия, 2020 (серия «Жизнь замечательных людей»)	2	199
<i>Зубкова Л.Г.</i> К о ш е л е в А. Д. О генезисе мышления и языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019	1	241

<i>Ибрагимова К.Р.</i> Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское средневековье: В 2 т. / Пер., коммент. Д.С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. М.: Издательский дом ЯСК, 2021	4	208
<i>Капырина Т.А., Мироненко С.Н.</i> Денисов А. Е. Пильняковские чтения в Коломне. Посвящается памяти А.П. Ауэра. Коломна: Серебро Слов, 2019	3	177
<i>Константинова А.А.</i> Bastrakova K. D., Philippova M. M. Political Euphemism as a Linguistic “Nuclear Weapon”. Moscow: Moscow University Press, 2021	3	172
<i>Миროнова Н.И.</i> Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире / Отв. ред. В.В. Потапов, Е.А. Казак. М.: РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед., 2021	6	205
<i>Монисова И.В.</i> Зеленое кольцо. Избранная драматургия Серебряного века. Пекин, 2020	6	212
<i>Мухортов Д.С., Стрелец И.Э.</i> Чудинов А. П. Политическая метафорология: Дискурсивный поворот: Монография / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев, О.А. Солопова. М.: ФЛИНТА, 2020	4	201
<i>Полосина Н.К.</i> Бонд Д., Кенъон Джоунз К. Угроза тем, кто смотрит на него: Байрон и его портреты. London: Unicorn, 2020	5	219
<i>Сергеев А.В.</i> «Порок невинности» и другие истории / В переводе Анатолия Чеканского. М.: Центр книги Рудомино, 2020	5	209
<i>Солнцева Н.М.</i> Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1: Памятные места и литературная география. Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2020	5	214
<i>Сорокина Н.В.</i> Голубков М. М. Юрий Поляков: Контекст, подтекст, ин-тертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара. М.: Изд-во АСТ, 2020	3	184
<i>Чекалина Е.М.</i> Ривелис Е. Переводы не слова, а смысл. Мастеркласс по письменному переводу нехудожественного текста (на материале шведского языка). Теория и практика концептуального перевода. М.: Флинта, 2020	5	205
Сценарный текст как коммуникативное пространство в творчестве Тонино Гуэрры		
<i>Бибицова А.М.</i> Amor sacro и amor profano в киносценарии Т. Гуэрры «Запретный танец»	2	165
<i>Быстрова Т.А.</i> Свет и кружево: метафоры России в творчестве Гуэрры	2	174
<i>Carnevali G.</i> Two poets in film. The not-so-chance meeting of Tonino Guerra and Andrei Tarkovsky	2	181
<i>Калинина Е.А.</i> «Амаркорд» как лирический цикл	2	145
<i>Matteucci C.</i> The fool in the work of Tonino Guerra: From the Village Idiot Madman to the Jurodivyj	2	192
<i>Рыбина П.Ю.</i> Сначала слова: возвращение внимания к сценарному тексту	2	142
<i>Traini Ch.</i> Sceneries of Memory and Heart: Tonino Guerra’s “La pioggia tiepida”. A Journey from Russia to Italy	2	154
Юбилей		
<i>Матыцина И.В., Жильцова Е.Л.</i> Елена Михайловна Чекалина	4	221
<i>Мухортов Д.С.</i> Марина Леонтьевна Ремнёва — первый президент филологического факультета	2	220